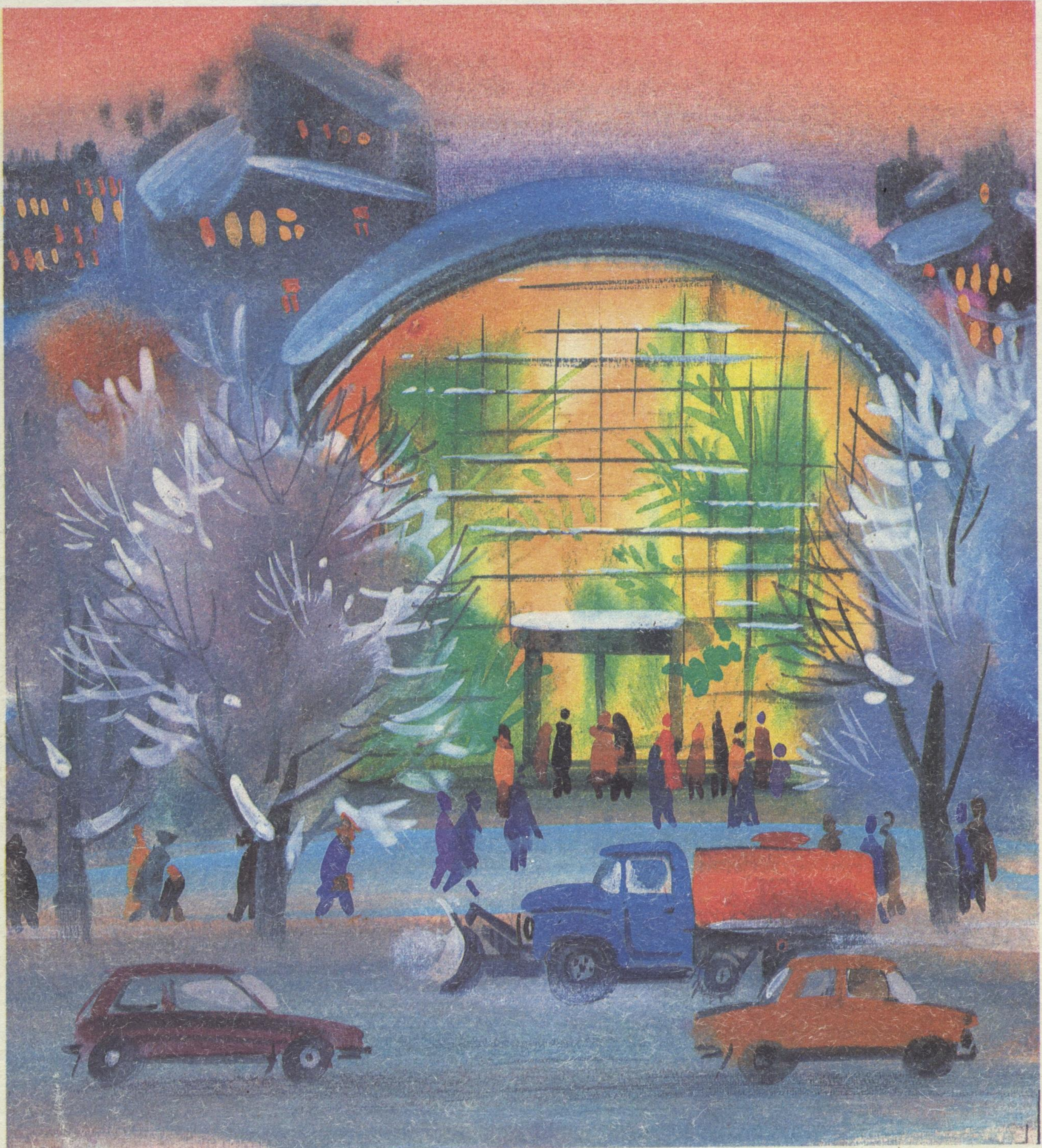

КОСТЁР

3 МАРТ 1987

КОСТЁР

3
МАРТ
1987

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР
Издается с 1936 года
© «Костёр», 1987

ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТ:

- Пусть прозвучит тревога
очерк С. Цымбаленко
и С. Дроздова 1
- Я успею, ребята!
повесть А. Ефремова 3
- Твой старший брат — комсомол 10
- Барaban 14
- Стихи твоих ровесников 18
- Путь на трассу
очерк А. Сочагина 19
- Блокадный трамвай
зарисовка Д. Сидорова 20
- Координация
рассказ Вл. Марьянина 22
- Стихи
Марина Симонова 24
- Салют, увлеченные! 25
- Каникулы в тундре
повесть Н. Курилова 26
- Победи себя вчерашнего
очерк О. Полонской 30
- Электроник 32
- Память о сорняковой прерии
очерк К. Васильева 34
- Киноклуб 36
- Звук сирены над мирным
городом
путевые заметки
Б. Никольского 38
- Веселый звонок 40
- Морская газета 42
- Зеленые страницы 44
- Арчбек 47

На обложке рисунок В. Топкова

ТРЕБУЮТСЯ ЕДИНОМЫШЛЕННИКИ

ПУСТЬ ПРОЗВУЧИТ ТРЕВОГА

ИСТОРИИ ИЗ ЖИЗНИ
ПИОНЕРСКО-КОМСОМОЛЬСКОГО
ЮНКОРОВСКОГО ОТРЯДА «ПЛАМЯ»
г. ПЯТИГОРСКА

Тревожная дробь нарушила тишину и спокойствие прямо во время урока. Димка не знал, что это за сигнал, хоть и был в шестом «б» барабанщиком. Подумал: кому это вздумалось шуметь, вот попадет сейчас.

В класс заглянули:

— Извините, председателя совета отряда и барабанщика срочно в пионерскую.

На экстренном сборе высокий худой шестиклассник в синей рубашке с нашивками сказал, чуть заикаясь от волнения:

— Ваши одноклассники, пионеры, издеваются над малышами. Раздают подзатыльники, ставят подножки, отбирают деньги. Только что Малюта из шестого «в» бил второклассника, который будто бы ему долг не вернул. Хорошо, мы увидели, вмешались. Малыши говорят, что им каждую перемену проходу не дают. Надо что-то делать. Потому мы и подали сигнал тревоги. А никто не вышел.

Честно говоря, Димка удивился. Что особенного, всегда так было. Даже к ребятам постарше пристают хулиганы, но все проходят мимо. Не можешь сам постоять за себя — терпи.

— ...Обиднее всего за барабанщиков. Неужели они у нас только для торжественных сборов и линеек? — продолжался разговор.

Предлагали организовать дежурства в школе и во дворе. Другие сомневались: зачем патрули, все на виду происходит. Для чего пионерский отряд, если каждый за себя?

Димка представил себе, как по сигналу барабанщика все вскакивают из-за парт, бегут на выручку. Сказка. Захотелось узнать, как живут эти ребята, поднявшие тревогу из-за второклассника.

Он часто видел, как они в синих форменках спешат к дому, на первом этаже которого большие витринные окна и вывеска: «Пионерско-комсомольский юнкорский отряд «Пламя».

Димка подошел, нерешительно открыл стеклянную дверь. Вихрастый, загорелый до черноты мальчишка с повязкой «Дежурный по отряду» на рукаве заметил его:

— Ты к нам? Ну, проходи, значит.

На стене висел плакат: «Если ты ничего не делаешь, то не делай этого, пожалуйста, здесь».

Рядом группа ребят собралась за сдвинутыми столами. Девчонка сосредоточенно стучала на старенькой пишущей машинке. Другие разрезали, наклеивали готовые материалы и фотографии на ватманские листы.

В соседней комнате перебивали друг друга барабаны.

— А ты почему бездельничаешь?

Димка не сразу понял, что это относится к нему. Мальчишка младше его, с красно-белой повязкой на рукаве смотрел требовательно.

— Если нечем заняться — вымой пол.

— Больно надо, — буркнул Димка и выскочил на улицу.

Жизнь пошла как прежде, без тревог и неожиданностей.

Димка стал забывать о неудачном приходе в «Пламя». Вдруг его одноклассник Андрей появился в школе в форменной рубашке. Над ним стали посмеиваться:

— Ишь, как вырядился... Ха, заядлый пламенец!

Тихоня Андрей из-за этого впервые в жизни подрался с самым нахальным задирой Колькой.

Димка вступился:

— Чего привязались? Кому он что плохого сделал? Завидуете — так и скажите.

После школы Андрей пошел вместе с Димкой. Спросил:

— Чего ты в отряд не стал ходить? Комиссар про тебя спрашивал.

— Правда? — Димка только сейчас понял, как скучал по той жизни, в которую заглянул случайно. Пересилил стеснение и пришел в «Пламя».

На Совете командиров загорелый мальчишка с торчащими вихрами, как показалось, ехидно спросил:

— Если тебе снова поручат дело, которое не нравится, — не сбежишь?

Димка узнал бывшего дежурного и недовольно буркнул:

— Я работы не боюсь.

— Почему же ушел?

Все внимательно смотрели на Димку. А что ответишь?

— Оставьте человека в покое, — заступился комиссар. — Если я начну вспоминать, как посреди ночи кое-кто от полноты чувств залезал на башенный кран и орал на весь район...

Совет развеселился.

— Ладно, мы отвлеклись, — напомнил командир и обратился к Димке. — Чему бы ты хотел научиться в отряде: фотографировать, снимать кинофильмы, писать заметки, выпускать стенгазету...

Димка неуверенно посмотрел на стойку с барабанами.

— Все ясно, Вовчик, у тебя в группе пополнение, — засмеялись ребята.

Клубы пыли от старой известки заполнили фотолaborаторию. Разбирали перегородку. Димка крепился-крепился, потом как чихнет! Кирпич, который никак не хотел сдвигаться с места, сразу поддался.

— Вот это метод, — авторитетно заявил Олег. — Ну-ка, чихни еще!

Когда стена превратилась в груды кирпичей, они с Олегом выскочили на улицу подышать свежим воздухом. Стали выбивать друг из друга пыль.

— Ну-ка, иди сюда, — строго позвал Димку Вовка.

Чего это он? Димка открыл дверь — и увидел строй улыбающихся ребят.

Коля Леун шагнул навстречу:

— Сегодня у нашего барабанщика день рождения. Вот, это тебе.

Он достал из-за спины свернутый рулон. Это оказался фотопортрет улыбающегося Димки. Огромный, чуть ли не в рост.

Именинник не знал, что делать от неожиданности. Растерянно сказал «спасибо».

— Давайте чай пить, раз день рождения, — предложил Вовка. — Я сейчас варенье принесу.

— Я тоже... Я сейчас, — совсем смутился Димка.

Прибежал домой. Мама как раз испекла пирог с яблоками.

— Можно я в отряд отнесу? Там мой день рождения празднуют.

Он бежал, насколько позволял завернутый в газету большой поднос с пирогом, и вдруг услышал:

— Постой, пламенец!

Между гаражами резались в карты местные парни. Проигравшего били по носу и смеялись.

Димка остановился.

— Сыграем? — предложил Малюта, парень с вытянутым лицом, с подкрашенной и завитой челкой.

Продолжение на стр. 11

Я УСПЕЮ, РЕБЯТА!

Андрей ЕФРЕМОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки О. Филипенко

Вообще-то я дождь люблю, только в этот день прямо какой-то водяной обвал произошел. Мне домой бежать — мама на месяц в командировку уезжает, а тут из школы выскочить страшно — уже все лужи соединились, и вода в них прямо кипит. Вот я дождался, когда чуть посветлело, куртку на голову натянул и бегу. Добежал до трамвайной линии, слышу:

— Эй, парень, утонуть не боишься?

А по дороге, точно, настоящая река течет, и как через нее переправляться, совершенно неясно. Оборачиваюсь, а из подворотни какой-то парень машет. Я туда заскочил, он спрашивает:

— Опаздываешь, что ли?

А в подворотне народу много, толкаются, мокрой одеждой пахнет. Все, видно, с трамвайной остановки прибежали. Ну я куртку по-человечески надел и объяснил ему что к чему. И тут трамвай подходит. Идет, как баржа какая-нибудь, колесами перед собой волну гонит. Все на этот водоплавающий трамвай прямо набросились. Парень говорит:

— Чего ж ты? Давай!

Я ему объяснил, что мне потом от трамвая дольше, чем отсюда пешком, и грязь там, прямо грязь. Он посмотрел, как трамвай от остановки поплыл, и достает из портфеля зонтик. Фирменный, с кривой ручкой.

— Валяй, — говорит, — беги. Успеешь еще. Ну я просто обалдел.

Он говорит:

— Рот закрой. Не насовсем я его тебе, не думай. Послезавтра здесь же встречу. Ну, давай!

Мама была уже в плаще. Она поставила сумку на пол, придвинула свое лицо к моему.

— Успел-таки, паршивец! — Быстро у меня рукой под курткой провела. — Смотри ты, почти сухой.

Мамины волосы упали мне на лицо, и мы постояли так немного. Потом они с папой ушли, а я встал у окна. Однажды мама сказала, что уезжать в дождь хорошо. Примета, что ли, такая? Я смотрел, как на улице бурлит, и думал, что нам крупно повезло.

Вот интересно, дал бы я такой зонтик первому встречному?

Папа про зонтик два раза напоминал. Он уже на работу совсем ушел, так ведь вернулся и что-то мне через дверь в ванную крикнул. У меня вода шумит, брызги летят, я ему отвечаю:

— Обязательно!

Ну чего сто раз про одно и то же говорить? Как из ванной вышел, сразу зонтик в портфель положил. Жаль в этот день дождя не было.

Я его издали увидел. Трамвай, наверное, только что отошел, народу на остановке мало — все как на ладони. Я к нему сзади подкрался и на зонтиковую кнопку нажал.

— Бэмс! — говорю.

Он вздрогнул даже.

— Фу ты! — говорит, — привет. Ну, как, не захлебнулся?

— Не, отличный зонтик. Фирма. Только ноги промочил.

Он кивает, а сам в портфеле роется.

— Слушай, а чехол-то где?

— Какой чехол?

— Да от зонтика, черный такой.

Ох, елки-палки! Вот же мне про что папа с утра кричал. Ну лопух! Я, небось, его в комнате где-нибудь бросил.

— Ладно, — говорит он, — не суетись. Ты его поищи, а я к тебе вечером зайду. Договорились?

И руку мне подает.

— До вечера, Витя.

Ну как будто мы с ним друзья-приятели. И как раз его трамвай подходит. Мы и разбежались.

Я у дома остановился, стал ключискать, и тут меня как будто стукнуло. Как же он придет, когда я ему адрес-то не сказал? А как зовут меня, откуда знает?

Дела.

Всю квартиру перерыл — нет чехла. Встретит он меня завтра после школы — сегодня-то без адреса, ясно, не придет — что я скажу?

Папа с работы пришел, еще в дверях спрашивает:

— Хлеб купил?

— Какой хлеб, — говорю, — ничего не знаю.

— Да я же тебе, Витька, утром в ванную через дверь кричал.

Ну я только рукой махнул. Такой день.

После ужина мы каждый своим делом занялись, а часов в восемь папа из комнаты кричит:

— Витяй, открой!

Я молотком колотить перестал, слышу — зво-

нят. Было у меня нехорошее предчувствие, ну а что сделаешь? Пошел открывать. Так и есть — он стоит.

— Заходи, — говорю.

А сам думаю, как сказать-то?

Он у двери к стенке прислонился, замками шелкнул и достает из портфеля зонтик. В чехле.

— Ты уж извини, Витя, это я напутал. Чехол у меня дома был.

Это он ко мне пришел, чтобы я не искал зря, чтобы из-за его зонтика не беспокоился. Я говорю:

— Подумаешь чехол. Да я бы в случае чего новый тебе сшил или два в запас. Ну правда сшил бы, я умею!

Он портфель поставил, смеется.

— А в гости к тебе по случаю нашей общей радости можно?

И тут из комнаты папа вышел. Стоит, на нас смотрит.

— Здравствуйте, Дмитрий Алексеевич, — говорит он папе.

Ну как будто они знакомы сто лет.

— Здравствуй, — папа на меня смотрит, а я-то понятия не имею, как его зовут. Как-то у меня сегодня все нескладно. Он говорит:

— Юрий.

И мы в комнату пошли.

В моей комнате всем нравится. Когда гости бывают, обязательно кто-нибудь зайдет на моих чурбаках посидеть. Мы их с папой из парка притащили. Там старые деревья валялись, вот мы и выбрали.

Я Юре самый удобный придвинул, со спинкой. Он вокруг обошел,

— Ишь ты!

А сам не сел. Он к полкам пошел.

Ко мне иногда двоюродный брат приезжает. Так тот тоже сразу к полкам. Слоняется вдоль стенки, слоняется. Вытащит какую-нибудь модельку, которую я в третьем классе делал, и начнет нудить. Это у тебя не так, да там у тебя не тот диаметр. Зудит, зудит, а у самого дома дверь на одной петле висит.

Юра говорит:

— Ну ты, старик, Ползунов прямо.

Это он паровой катер увидел. Я его только начал еще и котел не допаял.

— Чем греть будешь, — спрашивает, — свечкой?

— Ха, — говорю, — мы с Ваньчиком получше придумали.

И пошли у нас разговоры. Я только под конец вспомнил:

— Ты адрес-то наш откуда знаешь?

Засмеялся.

— Страшная тайна.

Так и не сказал.

Уже около десяти было, когда мы из дома вышли. Дождь кончился, и только с высоких фонарей медленно летели теплые капли, и газоны пахли сыростью. Мы прыгали по асфальтовым буграм, я забегал вперед и говорил. Я говорил, и все было интересно. И наш с Ваньчиком катер, и весь класс, и Юра останавливался, чтобы до-

слушать до конца или смеялся и толкал меня в плечо.

Когда я пришел домой, папа пил чай на кухне.

— Чего так рано? — спрашивает.

Я говорю:

— Не понял.

А он мне будильник показывает. Ничего себе! Целый час провожались.

— Он что, живет далеко?

Я уже рот открыл, чтобы ответить, и тут сообразил: мы же вокруг нашего дома ходили. Проводил называется.

Я этого слова терпеть не могу — «новенький, новенький!» и тарашатся на человека, как будто у него два носа. Только первого сентября так перед школой все перемешалось, что непонятно было, кто кого рассматривает. Половина ребят незнакомые, свой 7-б не найти, да еще Колюня Петраков рядом скачет.

— А я знаю, — говорит, — откуда они все. У нас новый дом заселили. Половина в пятьдесят восьмой учиться будет, а половина у нас. Мама сказала, что мы друг у друга на головах сидеть будем.

— Ладно, — говорю, — Петраков, давай я тебе сразу на голову сяду.

— Подумаешь, — говорит Колюня, — наш класс. Ты, вон, гляди, какой в восьмом «г» новенький — громила. Гудилин его фамилия.

Ну не знаю, может, он, конечно, и новенький, только очень уж мятый, прямо жеваный какой-то.

Колюня мне в самое ухо шепчет, а сам на перwokлассников смотрит, как будто мы молодое поколение обсуждаем.

— Сейчас за школой он одному девятикласснику навешал — будь здоров!

— Да, Петраков, прямо не знаю, как ты без этого Гудилина и жил-то.

И тут я Ваньчика услышал. То есть Ваньчика все услышали, такой он тарарам поднял, когда меня увидал.

— Витька, Витюха, мы тут!

Он так подпрыгивал, что всем вокруг, наверное, ноги отдал, и в портфеле у него гремело, как обычно. На нас оглядывались, а Ваньчик бушевал, будто мы год не виделись. Только если правду сказать, я по Ваньчику тоже вот как соскучился.

— Привет, — сказали мы друг другу.

Я положил ему руку на плечо, и мы просто так постояли рядом.

— Слышь, Витька, — сказал Ваньчик, — а я медную трубку достал, какую надо, и паяльная лампа у меня теперь своя.

И тут он увидел знакомого и опять заорал.

Он бы и в школе покричать не отказался, но уж больно громко получалось. Борис Николаевич сказал:

— Иваницкий, радость моя, я уже устал.

— Делаю выводы, — ответил Ваньчик и влетел в класс. За дверью загремело.

— Поздравляю вас с началом учебного года, — сказал Борис Николаевич.

Мы с Ваньчиком уже уселись, как полагается, а Борис Николаевич встал около нашей парты и стоит.

— Иваницкий, ты что такое «критическая масса» знаешь?

— Ага, — говорит Ваньчик, — это в атомной бомбе. Или еще где-нибудь.

— Еще где-нибудь. — Борис Николаевич вокруг посмотрел. — В нашем классе, Иваницкий и его друг. И сейчас мы эту массу пополам разделим. Для мирного использования.

Рассадил он нас в общем.

Совершенно непонятно, почему люди в такую погоду в коридорах толкуются. Мы за две перемены чего только не успели — даже в футбол постукали, даже за мороженым сбегали. Потом встали мы с Ваньчиком на солнышке и греемся. А греет здорово, ну прямо как летом. Так бы и звонок прозевали, хорошо Ваньчик на часы посмотрел.

Вот уже по нашему этажу бежим, а навстречу

этот Гудилин с портфелем. Ну как будто уроки кончились. Несется, топает, весь этаж гудит. И откуда эта девчонка взялась? Заблудилась, что ли? Ведь все же малыши выше нас учатся.

— А ну вали!

Нет, правда, он ее как табуретку какую-нибудь в сторону отпихнул, как будто и не человек это. Девчонка отлетела.

— Ну, скотина, — Ваньчик говорит.

Я девчонку поднял, она сразу куда-то убежала, а Гудилин к нам, руки под пиджак сунул, раз — и ремень вытягивает. Военный, с бляхой.

— Ну, кого первого? Ты, что ли, рыжий, вякал? Подходи давай, у меня времени мало.

И ремень на кулак накручивает. Вдруг от нашего класса Базылева бежит и кричит:

— Ой, мальчишки, вас же директор по всей школе ищет, а вас нет.

Гудилин со своим ремнем сразу убрался, а мы с Ленкой остались. Она повернулась и к классу пошла.

Я Ваньчику на перемене говорю:

— Чего было крик-то поднимать? Девчонка эта и не поняла ничего.

— Я зато понял, — Ваньчик говорит, — а ты смотри осторожней, в другой раз Ленка и опоздать может.

До самого конца уроков не разговаривали. И домой врозь пошли.

Утром я из дома, как всегда, выскочил и припустил. Уже две парадных проскочил, пока вспомнил: спешить-то некуда. Это у нас с Ваньчиком раньше такое соревнование было: кто первый на трамвайную остановку прибежит. Уж я бегал-бегал, никак раньше Ваньчика не получалось. Как ни прибегу, все он там по загородке вокруг газона ходит. Увидит меня, руками замашет, свалится.

— Сегодня уже почти всю прошел!

Со второго класса человек трудился.

Зря я с ним вчера все-таки.

Трамвайные провода уже видны были. Я посмотрел на часы и пошел еще медленней.

Ваньчик, он не то что рыжий, он красный — хочешь, не хочешь — увидишь. Ну я и увидел. Он к трамвайной остановке шел еле-еле и руку с портфелем все время задира — на часы смотрел. Я и подумать ничего не успел, а уже бегу, как ненормальный. Сзади кто-то:

— Ох ты!

А я только остановку и Ваньчика вижу. Из-за чьей-то спины в клеточку выскочил — бежит мой Ваньчик. И так мы с ним дали, что стоим на остановке, дышим, а говорить не получается. Ваньчик отдышался немного:

— Ну что, — говорит, — кишка-то, уф, тонка!

— Сам ты, — говорю, — кишка.

И чего-то нам смешно стало. Вот не было вчера ничего, и все тут. Стоим и хохочем. До школы-то еще времени вон сколько.

Первым уроком литература была. Базылева на Пушкина в учебнике налюбовалась и шепчет:

— Ты, Кухтин, чего красный такой?

— Утренняя пробежка, — говорю, — очень хорошо, если кто понимает.

— Все с Лешкой на остановку бегаете?

— Ага, — отвечаю, а самому так вдруг захотелось что-нибудь Ваньчику сказать, ну как будто и не разговаривали только что. Я за партой перевернулся и зашипел, как змей:

— Ваньчик, Ваньчик!

Смотрит он на меня, смеется, а потом тоже шепотом:

— Чего?

Ну я ему и моргнул разок. Ленка спрашивает:

— Поговорили?

— А как же?

У нас ведь просто — два слова и порядок.

На большой перемене хотели за мороженым сбежать, а тут дождь. В буфет толкнулись — очередина, конца не видно. Ваньчик на часы посмотрел.

— До чердака, — говорит, — на время. Слабо?

Дождались мы, пока секундная стрелка на двенадцать запрыгнет, и как дунем вверх по лестнице. Только я Ваньчика и видел. И как он меня на целый марш обогнать умудрился? На чердачную площадку залетаю, а там темно, накурено — не сразу и Ваньчика-то увидел.

— А, и этот здесь! Ну прямо сами нарываються.

Это надо такую невезуху! И тут мы на Гудилина наскочили. И главное, с ним еще трое. Они нас от лестницы отпихнули — не проскочишь.

— Ну чего, — Гудилин меня к Ваньчику толкнул, — приключений ищешь?

На ухо одному шепнул что-то, тот и убежал, вернулся и первоклассника с собой тянет.

— Иди, — говорит, — иди. Не бойся.

А он и правда пока не боится.

Гудилин мальчишку перед собой поставил и за плечо держит.

— Во, сейчас заступаться будете, сколько влезет. На всю жизнь назаступаетесь!

И крутит мальчишку, как будто выбирает, с чего начать, а команда его в углу нас прижала. Ваньчик рядом со мной дернулся.

— Гудок, слышишь, Гудок, пусти его, ну! Да Витька, ты-то скажи!

Нет, я, честное слово, не знаю, что бы там у нас вышло, если бы первоклассник этот не закричал. Он глядел на Гудилина снизу и кричал. Не вырывался, не плакал, а просто кричал.

— Молчи, сопля! — Гудилин схватил его за лицо. — Молчи!

Несколько человек затопали снизу по лестнице.

— Опять, — закричал кто-то, — опять на площадке хулиганство!

Я после урока говорю:

— Вот ведь паразит, настроение испортил.

А Ваньчик сидит и молчит. Обхватил свою рыжую голову руками, в парту смотрит. Я его такого и не видал никогда. В коридоре шум, возня, а мы как будто ждем чего-то. Потом Ваньчик на меня посмотрел.

— Струсил, Витюха?

— А ты?

Он опять отвернулся.

— А я, может, больше твоего боюсь.

Первую неделю мы без мамы как-то странно живем. Папа говорит:

— Паника в обозе.

И все время ищет что-нибудь.

— Знаешь, Витяй, у японцев такое слово есть — ясагаси. Поиски пропавшей вещи по всему дому. Так я думаю, что все это ерунда, что у японцев замужние женщины не работают, определенно работают, еще и в командировки ездят. Иначе откуда бы такому слову взяться?

Мама у нас геолог, каждый год в командировки ездит. Только она никаких ископаемых не ищет, у нее работа другая. Вот решили где-нибудь завод построить или даже город, мама едет туда и исследует эту землю. А потом говорит: «Стройте, товарищи, на здоровье» или наоборот: «Что-то здесь, граждане, земля для вас мягковата, провалитесь». И ищут граждане землю потверже.

А у нас тут ясагаси.

Так что первую неделю у меня со свободным временем не особенно было. После школы дойдем с Ваньчиком до остановки, постоим и в разные стороны. Почти и не виделись. Ваньчик говорит:

— Ну чего вы там возитесь? Подумаешь дело — обед приготовить. — Легко ему говорить.

Только я не из-за одних разговоров на остановке стоял. Все мне казалось, что Юра вот-вот появится. Я Ваньчику эту историю с зонтиком рассказал, а Ваньчик свои рыжие брови на самый верх поднял и ну руками махать.

— Я тебе говорил недоделанное посторонним не показывать? Говорил! А тебе за зонтик подержаться дали, ты и рад!

Ничего в общем не понял. Рассказывать я не умею, что ли?

А вышло все как первый раз. Даже дождик был, слабенький, правда. Ваньчик уже домой пошел, а я еще у перехода ждал. Вдруг из подворотни знакомый голос:

— Зонтик не требуется?

И Юра выходит.

— Здравствуй, Витя.

Не Витька, не Витюха, а Витя.

— Вот здорово, — говорю, — сейчас я Ваньчика догоню. Познакомишься.

Он меня за плечи успел схватить.

— Да постой ты, он уже вон куда ушел. Что будешь взад-вперед бегать?

Ваньчик недалеко был, только я все равно не побежал. Может, у Юры времени нет. Он говорит:

— Как дела-то? Пройдемся?

Ну я ему про ясагаси и рассказал. На нас прохожие оглядывались, так он смеялся.

— Ох, не слабые вы мужики с отцом! Не скучаете. А я вообще-то думал раньше тебя увижу, да весь наш второй курс на картошку отправили... Котел-то допаял? А что дальше делать будете? Ты случайно радиотехникой не увлекешься?

— Да ну, — говорю, — мы с Ваньчиком в прошлом году для увеличителя реле времени делали. Скучно. Мне нравится, чтобы крутилось и ездило, а там провода всякие.

— Эх ты, — говорит, — провода... А я вот ра-

диотехникой хотел заняться, да одному начинать неохота.

Я так обрадовался, даже остановился.

— Ты к отцу моему приходи, к нему все ходят. Он в этом деле знаешь как рубит! Про него даже в газете статья была. Правда, правда, «Левша у осциллографа» — вот как называлась. С фотографией.

Юра подумал, подумал.

— А что? Возьму и приду.

В этот раз мы к самой Юриной парадной подошли. Оказывается, не так уж от моего дома далеко. Я еще раз попробовать решил: ну откуда он про меня знает? Смеяться стал:

— Но это же элементарно, Ватсон!

И тут выскакивает из парадной Базылева.

— Ах какая, — говорит, — встреча! Здравствуй, Юра.

И поскакала.

Ну Ленка, ну коза! Ясно теперь, кто про меня сведения ему доставляет.

— Она? — спрашиваю. А Юра смеется.

— Вычислил ты меня, старик.

Потом руку, как прошлый раз, подает.

— До встречи, Витя, теперь в городе буду.

И в парадную вошел.

Вот бы Ваньчик так со мной попрощался, я бы тут и сел.

У Ваньчика медная трубка оказалась — первый сорт. Он ее в школу притащил.

— Все, сегодня гнуть будем. Паяльной лампой нагреем и гнуть.

Я говорю:

— У тебя как дома-то, лампу раскочегарить можно?

— Да ты чего? Мы же на балконе, никто и не скажет ничего.

После школы домой сбегал, поел и к Ваньчику. Лампа ревет, Ваньчик кричит, с соседнего балкона советуют что-то. Не заметил, как Ваньчиков отец пришел. Он на нас смотрел, смотрел.

— Кто ж так змеевики делает, артисты?

Тут мы его и увидели.

— В трубку песок насыпать надо, а то она у вас как миленькая сплющится.

Так и простоял с нами, пока получилось. Ваньчик говорит:

— Видал? Ты не думай, что он у меня просто автобус водит. Он что хочешь для машины сделать может. Однажды из двух плохих радиаторов один нормальный спаял.

Я бы у Ваньчика остался чаю попить, только мне на завтра еще геометрия оставалась. Я и пошел домой.

В прихожей говорю:

— Привет!

Папа из комнаты выскочил:

— Фу ты, — говорит, — напугал. Орешь как на пожаре.

А у меня в голове все еще паяльная лампа гудит, я и не слышу. Захожу в комнату, рядом с папой Юра сидит, а на столе какие-то блестящие книжки рассыпаны, штук десять, наверное. Юра на меня посмотрел, как будто мы виделись только что.

— Дмитрий Алексеевич, вы вот это еще не смотрели.

Вытягивает одну блестящую книжку и папе дает.

Ну и ладно, думаю. Пошел геометрию делать. Только писанину кончил, Юра входит.

— Что сердитый? — сзади ко мне подошел и легонько в спину толкает. — Мы с Дмитрием Алексеевичем прямо перепугались, когда ты заорал.

— Да ну, — говорю, — это лампы паяльные... А ты как? Это у тебя что за книжки были?

Он портфель открыл и достает одну. А это, оказывается, заграничная аппаратура, магнитофоны. Картинки яркие, блестящие. Я думал, Юра одну книжку мне оставит, ребятам показать.

— Что ты, Витя, это вернуть надо.

Мне еще устные оставались. Юра спрашивает:

— У тебя книги посмотреть можно?

Я ему рукой махнул, чтобы брал, что хочет, а сам историю читаю. Папа минут через двадцать вошел. Юра встал, какую-то книжку на место поставил.

— Да брось ты, Юра, вскакивать, — говорит папа и сам на чурбак садится. — Я, знаешь, думаю: не сложновато ли это для тебя? Сам ведь говоришь — начинающий, а это все аппаратура высококлассная.

— Что вы, я разберусь, — помолчал и говорит, — да есть еще одно дело, прямо неудобно.

— Валяй, чего там.

— У меня знакомый один есть, в ателье работает, звукотехнику всякую ремонтирует. Он мастер классный. Если у кого аппаратура нормальная, его на дом зовут. Особенно, если импорт. Ну а тут у него какой-то мертвый случай, никак разобраться не может. А уже обещал. Неудобно, понимаете?

— Эх ты, — говорит папа, — дипломат. Сразу бы дело и говорил.

Они засмеялись, а папа спрашивает:

— Проветриваться идете?

Юра в дверях обернулся:

— Так к вам, Дмитрий Алексеевич, еще зайти можно?

Папа говорит:

— Ради бога. Только предупреждай.

Мы на улице сперва молча шли. Полдороги уже прошли, наверное.

— Знаешь, Витя, ну у тебя и отец!.. — Юра рукой у лба покрутил. — Схемы эти читает, как семечки... Ты не знаешь, сколько он за ремонт берет?

— Какой, — говорю, — ремонт?

— Ну мало ли, у людей импорта много. Успевай поворачиваться.

Я смотрю на Юру и не пойму чего-то. А он засмеялся и опять рукой махнул.

— Ладно, не бери в голову.

Около Юриного дома мы назад повернули. Опять он меня проводил.

Дома папа спрашивает:

— Ты где с Юрой познакомился? Занятный парнишка.

— Ничего себе парнишка, — говорю, — на втором курсе учится в техникуме.

— Да я не в том смысле. Парень серьезный. А как у вас, кстати, с Ваньчиком? Пароход ваш не уплыл еще?

Кто это придумал желтые листья мусором называть? Весь город шуршит, как живой, и грибами пахнет. Я от них дурую прямо. С утра специально крюка дал — через сквер пошел. Там этих листьев — травы на газонах не видно. Я их разгребал, думал желудей наберу, да нет, видно, рано еще. Одни поганки трухлявые попадают. Чуть в школу не опоздал. И бежал зря. Бориса Николаевича куда-то вызвали, так он к концу урока вернулся.

Девчонки наши этих листьев в класс понатащили, стали венки плести. Базылева с листьями возилась, даже спиной ко мне повернулась, потом спрашивает:

— Витька, а Витька, я тебе нравлюсь?

Стал я думать, как ей ответить, чтобы не заважничала.

— Ну тебя, Витька, думаешь долго. Чего ты вчера с Юрой к нашему дому подходил?

Я к ней так и развернулся.

— Без тебя, Базылева, что, шагу ступить нельзя, следишь ты за нами, что ли? Дела у нас!

— Де-ло-вые,— говорит. И пошла со своим венком к остальным девчонкам.

Ваньчик у нас опять отчебучил. Я слышу, смеются. Обернулся — рыжий Ваньчик в рыжем венке, и в зубах еще листок держит. Девчонки набежали. Визг, писк.

Мы потом у меня за партой уселись. И Ленка, между прочим, тоже с нами сидела. Таковую они с Ваньчиком возню устроили, чуть меня на пол не столкнули. Ваньчик ей потом свой венок нахлобучил.

— Помни,— говорит,— мою доброту!

Ленки из-под этих листьев прямо видно не стало.

Выхожу на другой день из школы — на ступеньках Гудилин с магнитофоном. Магнитофон, конечно, в мешке полиэтиленовом, уж и не понять, какая картинка-то на мешке была — все облезло, а он сидит довольный, клавишами щелкает. Я внизу остановился Ваньчика подождать, и тут вылетает из школы какой-то третьеклассник, что ли. И прямо в этот гудилинский агрегат так портфелем и врезался. Я даже зажмурился — ну, думаю, плакала музыка! Только у этого слона разве из рук выбьешь что-нибудь? Мальчишка и испугаться-то не успел, а его уже Гудилин свободной рукой зацапал и трясет.

— Ты, салага, что? Ты же ему в самое такое место своим дурацким портфелем долбанул! Да

я теперь не знаю, что с тобой сделаю, зелень пузатая!

А ко мне уже Ваньчик подошел, и опять я сзади, а Ваньчик около Гудилина. Я только к нему придвинуться хотел — бац! — а перед Гудком Юра.

— Как дела,— говорит,— в мире прекрасного? Это тут что, музыкальное воспитание трудных подростков?

Гудилин мальчишку выпустил, стоит, глазами хлопает, а Юра его музыку послушал, послушал.

— Отлично, ансамбль сантехников,— говорит.— Соло на водопроводе.

Гудилин от злости прямо ошалел, как двинет своим кулачищем! А Юра ему под руку нырнул и за рукав его как дернет. Так Гудок со своим магнитофоном и посыпался. Свалился и лежит — думал, наверное, мешок кулаков на него высыпят. Понял, что не на того нарвался.

Юра магнитофон поднял, из сумки вынул.

— Нет, ты послушай, какой звук! Ему, наверное, падать полезно. Ты, друг, знаешь, грохнись с ним пару раз — такая вещь будет! Или помочь?

Гудилин совсем обалдел: ступеньки ногой пинает, а кругом малыши смеются. Юра говорит:

— Это надолго. Пошли, парни!

Вышли на остановку, он меня по плечу хлопнул.

— Слушай, я с этим дефективным все на свете забыл. К твоему отцу сегодня с приятелем можно зайти?

Юра уже уехал, а мы с Ваньчиком еще на остановке постояли.

— Слушай,— говорю ему,— Ваньчик, почему это всякая сволочь в темпе договаривается, а нормальные ребята так в одиночку и ходят? Это ведь Юре повезло просто, что Гудок сегодня один был.

— Ха,— говорит Ваньчик,— нормальные-то они и по-одному нормальные, а этим-то в одиночку никак.

А все-таки здорово Юра Гудилина!.. Да...

Продолжение следует

ТВОЙ СТАРШИЙ БРАТ-КОМСОМОЛ

САМЫЙ МОЛОДОЙ УЧИТЕЛЬ

Валерий Григорьев мечтал в детстве стать летчиком, полярником, путешественником. Много читал, занимался спортом, воспитывая в себе волю. Но в старших классах его постоянно тянуло к малышам, где он подолгу играл с ними, читал им книги, водил на экскурсии. Дальнейшая его судьба сложилась так, что после окончания школы № 345 Невского района Ленинграда Валерий остался работать в ней лаборантом. А когда ему предложили стать пионервожатым в школе, сразу же согласился. Работать пионервожатым в школе было трудно, не хватало знаний. И Валерий поступил на вечернее отделение исторического факультета Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова.

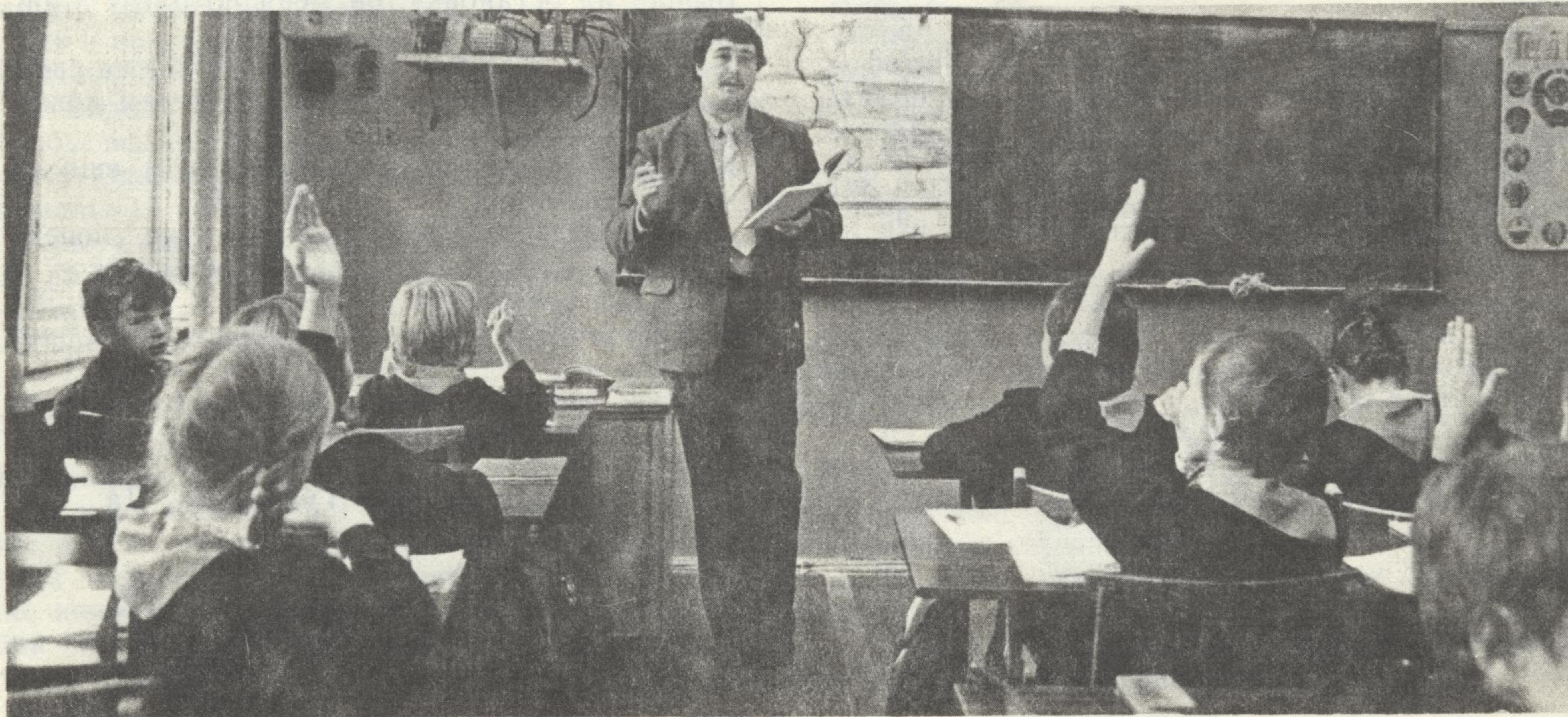
Сегодня Валерий Евгеньевич — самый молодой учитель истории все в той же 345-й школе. Ему в этом году исполнилось 25 лет. Одновременно он классный руководитель 6 «б» класса. Работа учителя, а тем более классного руководителя, сложная. Характер у учеников

разный, поступки их порой противоречивы. Но Валерию Евгеньевичу удалось зажечь ребят общей идеей, сплотить коллектив класса. Комсомолец Григорьев постоянно отстаивает свою позицию, он считает, что главное — это самоуправление в классе, и пробле-

мы, возникающие в коллективе, должны решаться самими ребятами.

О 6 «б» классе говорят в школе, как о самом дружном. Пионерский отряд класса — правофланговый. И в этом есть доля труда и Валерия Евгеньевича Григорьева.

ПУСТЬ ПРОЗВУЧИТ ТРЕВОГА

Начало см. стр. 1

— Да нет, меня ждут,— как бы извиняясь, проговорил Димка.— У меня день рождения.

— Вот и отпразднуем вместе,— не отставал Малюта.— Что мы, хуже твоих пионерчиков?

Димка хотел бежать, но ему преградили путь. Тщедушный Туруль приблизил морщинистое старушечье лицо. Противно запахло куревом. Грязные пальцы разорвали газету, полезли в пирог.

— Что у тебя там?

— Не трожь!— разозлился Димка.

— Что-о?— угрожающе прохрипел Туруль и грязной пятерней ткнул Димке в лицо.

Сзади подставили ножку, он упал. Поднос с пирогом отлетел в сторону. От обиды навернулись слезы, а вокруг хохотали и кривлялись. Димка поднялся и врезал в ухмыляющуюся физиономию Туруля.

Град ударов обрушился на него, сбили с ног.

— Ладно, хватит,— остановил Малюта.— Пусть идет.

Димка с трудом встал и, вытирая слезы, поспешил прочь.

Прежде, чем пойти в отряд, он умылся у колонки, постарался привести себя в порядок. Но синяки-то не смоешь.

— Кто это тебя?— сразу спросил Олег.

Не хотелось расспросов, Димка приготовился сказать что-то типа «споткнулся и упал». Но, всхлипнув, отвернулся.

— погоди реветь, расскажи толком.

А дальше будто прозвучала тревожная барабанная дробь. Командир крикнул:

— Все, кроме дежурного и комиссара, за мной.

Компания Малюты сидела там же, за гаражами. Кое-кто вскочил со старого ящика и попятился, но взглянув на Малюту, который как ни в чем не бывало, тасовал колоду, остановился. Димка почувствовал, что, несмотря на независимый вид, главарь тоже боится. Почему? Ребят из отряда не больше.

— Тебе, Малюта, сколько объяснять, что наших лучше не трогать?— Олег был не таким, как всегда, исчезла веселость, доброжелательность. Вовка защелкал фотоаппаратом.

— Это еще зачем?— беспокоило спросил Малюта.

— Узнаешь,— бросил Вовка.

Олег вздохнул:

— Никак не могу понять, почему не живете как люди. Почему все по подворотням прячетесь?

— Не всем же быть такими патриотами, как вы,— скривился Малюта.

— Что?— Олег напрягся, как от удара. Посмотрел на противника.— А ты знаешь, что такое слова-антонимы? Так вот, слово, противоположное по смыслу патриоту — предатель Родины.

У Димки по спине пробежали мурашки. Компания примолкла.

Когда возвращались в отряд, Олег сказал Димке:

— Видел, какие они? Если не отступить — сами боятся. Знают, что правда не на их стороне. Ты не трусь, а отряд в обиду не даст.

Чай пришлось пить без пирога.

— По-боевому свой день рождения отмечаешь,— улыбался в усы комиссар.— Страшно было?.. Это еще что, на нашего первого командира Сашку Рунича собаку натравливали. Он в восьмом классе пионерский галстук не хотел снимать. Так что, юнкоровское дело — не просто заметки писать. Нужно добиваться, чтобы в жизни все было по справедливости.

— Помните «Операцию-92»?— вставил Олег.

Стал рассказывать, как решили узнать, чем заняты ребята свои девяносто два дня летних каникул. Оказалось, в пионерских лагерях — скука, на детских площадках тоже, дворовые клубы попросту закрыты. Обратились в горком комсомола — надо что-то делать. Написали материал в газету «Кавказская здравница». Возвратились из командировок, а в своем дворе малышня тоже без дела. Провели для них «малые олимпийские игры», мультфильмы стали показывать.

День рождения у Димки прошел хорошо.

Газета на первом этаже школы сразу бросалась в глаза. Откровенно испуганные, ухмыляющиеся, прикрывающиеся руками физиономии, словно выхваченные лучом прожектора. И подпись: «Эти ребята издевались над нашим товарищем. Все против одного. Это подлость. Все они пионеры и даже комсомольцы».

Газета в школе обсуждалась бурно. Даже Тамара Ивановна, классный руководитель шестого «б», на уроке заметила:

— Боевые ребята в «Пламени», ничего не скажешь. Если бы они и в школе себя проявляли, хоть что-то для всех делали.

Димка с Андреем переглянулись. Вспомнились

слова комиссара о юнкорах, которые только правильные заметки пишут.

Однажды они пытались вмешаться. Шел сбор. Как обычно, «разбирали» неуспевающих. Тамара Ивановна, как обычно, их отчитывала. Тут Андрей и спросил:

— У нас что, классный час или пионерский сбор?

— Да какая разница, — зашикали на него. Всем поскорее хотелось домой.

— На сборе мы сами свои вопросы должны решать, и проблемы есть поважнее, чем только «двойки» да «неуды».

— Какие же проблемы ты считаешь серьезнее плохой успеваемости? — раздраженно спросила классный руководитель.

— Хотя бы то, что у нас отряда давно нет.

— Как это? Да мы правофланговые.

Поднялся Димка:

— А дружбы все равно нет. Каждый только о себе думает. И без Тамары Ивановны вообще никаких дел не было бы.

— Так вот чему вас руководитель учит — как срывать пионерские мероприятия, — с угрозой сказала учительница. — Я еще в этом разберусь.

Они пошли к комиссару. Тот разговаривал по телефону:

— Понимаешь, эта страничка должна быть

для самих ребят. Чтобы от первой до последней строчки они сами писали... Конечно, беремся... Ребята уже название придумали — «Барабанщик».

Положив трубку, Женя объяснил, что газета «Молодой ленинец» предложила отряду выпускать пионерскую страничку раз в месяц. Работы теперь прибавится.

— Комиссар, посоветоваться нужно. Что-то мы запутались.

Ребята рассказали про положение в классе.

— В отряде, — поправил Женя. — Вы ведь не случайно оговорились. Мы тоже не сразу к этому пришли.

Он рассказал, что все началось с общего увлечения. Была группа ребят, которым нравилось фотографировать, самим снимать кинофильмы. Но это еще не отряд. Однажды встречали рассвет на горе Машук. Обрато возвращались через Перкальский питомник. Он охраняется законом, а растения оказались поломанными, трава потоптанной, цветы сорваны и брошены. Кругом кострища и консервные банки. Больно смотреть. Пошли в пионерские лагеря, которые больше всех оказа-

лись виновны в разорении. Вместе наводили порядок, организовали патрули. Потом написали об этом в газету, чтобы взрослые тоже этим занялись. Тогда и почувствовали себя отрядом.

— Вот и вы подумайте, чем можно всех заинтересовать, сплотить.

— В поход сходить, — разом сказали Дима с Андреем. — Который год собираемся.

— Нужно дело не на один раз. Но для начала неплохо, — поддержал комиссар. — Только просто вывести всех в лес или в горы мало.

Женя порылся среди фотографий и нашел снимок, где отряд стоит на вершине горы. Рядом с барельефом В. И. Ленина. Каждый год в день Ленинского субботника они идут на гору Бештау. В этом походе интересно и разбивать палаточный лагерь в лесу у подножья, и самим готовить еду, и петь у костра. Но главное, что, благодаря «Пламени», барельеф В. И. Ленина всегда как новенький. Никто не просил, отряд сам решил за это отвечать.

А когда-то был не просто поход — целая экспедиция «Гвандра-78». Вместе с туристами прошли 13 перевалов, чтобы отыскать следы минувшей войны. Ведь в этой части Кавказа шли тяжелые бои с фашистами...

Шестой «б» принял с восторгом идею провести пионерский сбор в походе. Почему обяза-

тельно за партами о своих делах думать? На этой неделе должны были пройти проверки в звеньях. Каждое получит пакет с маршрутом и трудовым заданием — почистить участок весеннего леса. Они уже представляли, как отряд шагает по дороге с рюкзаками за спиной, впереди — отрядный флаг.

— Куда это вы собрались? — поинтересовалась Тамара Ивановна.

Ребята рассказали.

— Это ни к чему. Сбор, да еще отчетно-выборный — не развлечение. Будем проводить его, как положено, в классе.

— Почему вы за нас решаете? — выпалил Димка.

Убедить классного руководителя не удалось. И одноклассники отступили.

Дома тоже ждали неприятности. Маме звонила Тамара Ивановна, и она запретила ходить в «Пламя».

Димка расстроился и убежал. В отряде уселся на старенький диван. «Вот и буду здесь жить», — решил Димка.

— Не сможешь напечатать фотографии? — внимательно взглянув на него из-под очков, попросил комиссар.

В фотолаборатории, пока готовили растворы, Димка все рассказал. И про то, как учительница наговорила маме, что он...

— «... с тех пор, как пошел в отряд, стал хуже учиться и вызывая себе вести», — подхватил комиссар.

— Откуда ты знаешь? — удивился Димка.

— Не ты первый, к сожалению. Стоит человеку научиться отстаивать собственное мнение, как это объявляют чуть ли не страшнейшим нарушением дисциплины. С мамой твоей я поговорю. А вот что делать с вашим классом, тьфу, уже сам запутался... отрядом? М-да...

Димка вспомнил, как загорелся шестой «б», когда услышал про поход. Эх, если бы не Тамара Ивановна.

Он поделился своими мыслями.

— Вообще-то классный руководитель не командир в пионерском отряде. Почитайте Положение о пионерской организации. Не маленькие уже. Есть старший пионерский вожатый. Да и самим можно позубастей быть.

Кто-то заколотил в дверь лаборатории.

— Минуту!

Димка с комиссаром торопливо стали наводить порядок.

— А что, если написать об этом для «Барабанщика»? — предложил Женя. — Не вы одни над этим мучаетесь.

Димка позвонил Андрею. Закрывшись в комнате Совета командиров, они писали заметку.

«Раньше мы собирали металлолом, ругали неуспевающих и думали, что мы уже отряд. Даже звание правофланговых имеем. Теперь поняли, что это не так. В настоящем отряде ребята сами решают, какие дела важные и интересные, сами свою жизнь организуют. Если что-то не получается, на общем сборе решают, как быть. А у нас всем командует классный руководитель, она хозяйин, а не мы. Разве это отряд?..»

— Надо еще вставить: если с кем-то беда, то все поднимаются на помощь, как по тревоге, — предложил отрядный барабанщик Димка.

**С. ЦЫМБАЛЕНКО,
С. ДРОЗДОВ**

НАША СПРАВКА

«Я не стану ждать, когда на защиту правды встанет кто-то раньше меня. Я вступлю в бой с любой жестокостью, несправедливостью и подлостью» — это строчки из Устава пионерско-комсомольского юнкорского отряда «Пламя». Существует он с 14 июля 1976 года. Ребята из «Пламени» сотрудничают с журналами «Рабоче-крестьянский корреспондент» и «Костер», краевыми газетами «Кавказская здравница» и «Молодой ленинец», помогают налаживать стенную печать в школах, выпускают отрядную стенгазету «Пламя».

Хозяева в отряде — сами ребята. Высший орган — общий сбор. Собирается он каждую неделю, по воскресеньям. Руководит отрядом Совет командиров. Во главе — восьмиклассник Коля Леун. Старший помощник, комиссар отряда — Евгений Филиппов.

Центральной студией документальных фильмов об отряде снята кинолента «Срочно требуются единомышленники».

Адрес отряда «Пламя»: 357538, Ставропольский край, Пятигорск, ул. Восстания, 91.

БАРАБАНАЗ

ЖУРНАЛ
ЮНКОРОВ
ПЕЧАТАЕТ
ТВОИ
ЗАМЕТКИ,
СТИХИ,
РИСУНКИ

Революционный держи шаг!

Сегодня в гостях у «Барабана» пионерская страничка «Барабанщик», которую готовят ребята пионерско-комсомольского юнкорского отряда «Пламя» из Пятигорска.

Мы обращаемся к тем, кто считает себя юнкором и пишет заметки и сообщения.

*Отзовитесь,
юнкоры!*

О чем пишут юнкоры? Как правило, о собранных тоннах металлолома и макулатуры, о ярмарках солидарности, смотрах и парадах, конкурсах и первых местах в соревнованиях — в общем-то хороших делах.

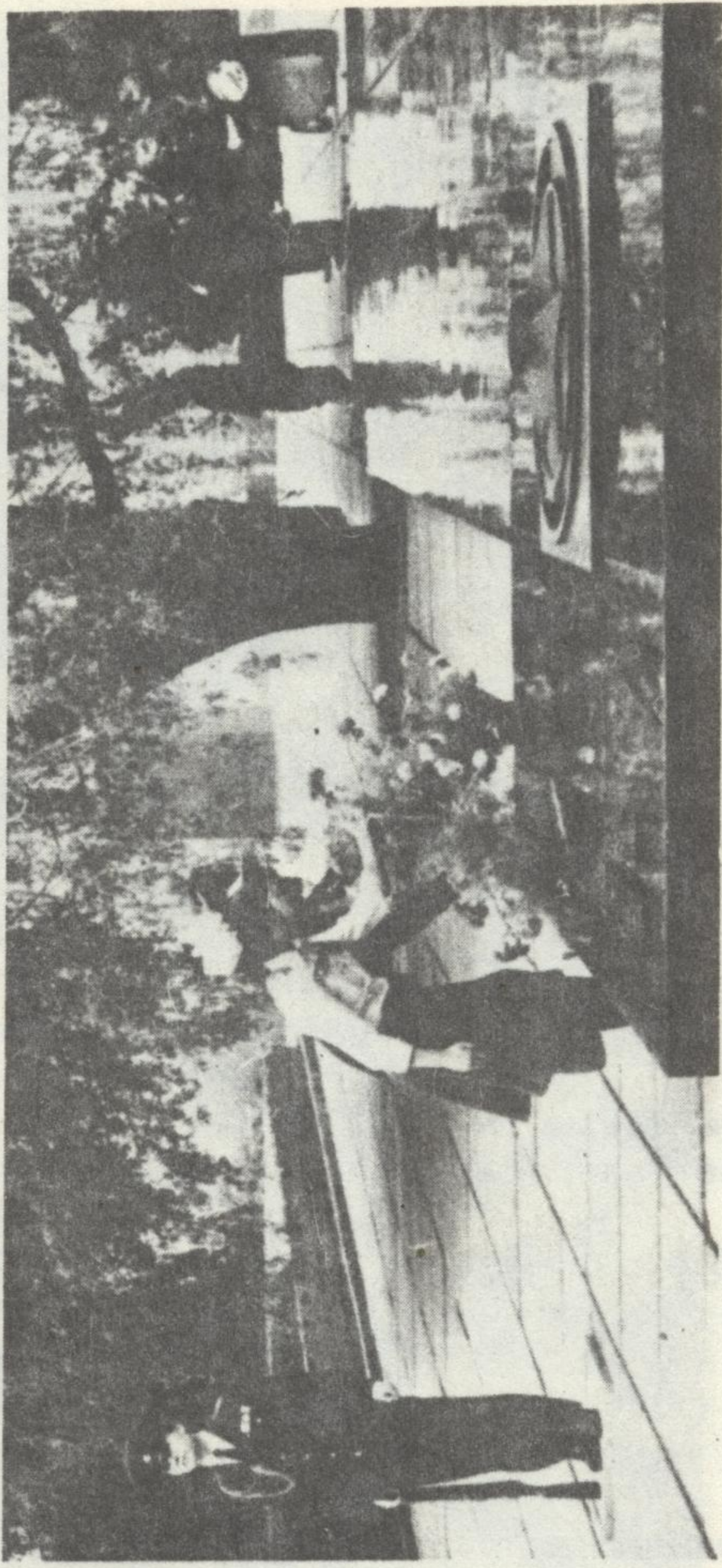
Но мы удивляемся: неужели в то время, когда наши родители, старшие братья и сестры решительно борются с празд-

ным пустословием, ненужной шумихой, смело вскрывают недостатки, а самое главное — их устраняют, для юнкоров не находится иных тем, кроме восторженного описания литературно-музыкальных мероприятий с проработкой отстающих учеников (что кое-где почему-то считается пионерским сбором)? Создается впечатление, что юнкоры просто не замечают тех проблем, которые существуют в их отрядах и дружинах.

Но идут в редакцию glandенские заметочки — «мы выполнили, перевыполнили, достигли...» Беспokoит и другое: юнкоры в основном рассказывают о делах других, ни словом не упоминая о своем участии в делах отрядов и дружин.

Отзовитесь, юнкоры!

Редакция «Барабанщика»

Честное слово

Все мы не раз употребляли его, чтобы подтвердить что-нибудь.

— Оно само разбилось, честное слово!

Идут по улице мальчишки. — А ну, покланись! — требует один.

— Честное слово!

— Что такое «честное слово»? Ты по-настоящему поклонись, — не унимается тот.

— Чтоб мне двойку по контрольной получить!

Но разве, вступая в пионеры, мы не даем честное слово? Называется оно Торжественным обещанием. Но почему-то и «честное пионерское» стало расхожей клятвой — по любому поводу спешат некоторые пионеры бросить мимоходом: «Ну, честное пионерское...»

А ведь каждое наше слово должно быть честным.

*Сергей Щеголев,
юнкор отряда «Пламя»*

Новые приключения Хоттабыча

Как-то раз всем известный старик Хоттабыч захотел поиграть с ребятами и очутился на улице 50 лет Октября в городе Минеральные Воды. На лестнице в подъезде дома № 59 он заметил группу мальчишек. Они кидали на пол крышки от лимонада, пепси-колы. Как только горка крышек разбивалась, они с азартом начинали спорить, кому достанется самая ценная.

— О, юные светочи мудрости! Во что играете?

— В чакушки, — не поднимая головы, буркнул один из «светочей».

Хоттабычу не понравилась эта странная игра. Неужели ребята не знают других, более интересных и умных игр, подумал он. Со вздохом вырвал из своей бороды волосок и очутился в другом месте. С удивлением поиграл в лапту, городки, другие народные игры с ребятами улиц Интернациональная и Карла Маркса.

Юнкеры отряда «Парус»,
Минеральные Воды

Наши мамы

«Наши мамы» — так называют ребята в детском санатории «Смена» своих врачей Алицию Михайловну Ревзину и Галину Михайловну Семенову. Во время Великой Отечественной войны они учились в медицинском институте, а потом приехали в только что открывшийся детский санаторий.

Было трудно. Ребята, приезжающие в санаторий со всей страны, нуждались не только в лечении, но и в материнской теплоте. Многие были из детских домов, у них родители погибли в войну.

Сейчас эти ребята выросли и привозят на лечение своих детей. Первое, что спрашивают: «А работают сейчас мои врачи?» Да, работают. Уже сорок лет. В трудовой книжке только одна запись: «Принята на работу в детский санаторий «Смена» в 1946 году».

Алла Гордовер,
Кисловодск

Кого ждут Великие дяди?

а приходит... По пальцам посчитать можно. А казалось бы, все есть — и сама комната неплохая, и шефы помогают, и два кружка работают: шахматный и мягкой игрушки...

Скучно ребятам. И потому, наверное, что сами они не проявляют инициативы, ждут, когда придут взрослые дядя или тетя и скажут: «Ребята, вас ждут великие дела!» и поведут за собой. Великими ли будут такие дела?

Юля Березина,
Олег Кучишкин,
Минеральные Воды

По дороге в школу наше внимание постоянно привлекала вывеска на одном из подъездов: комната школьников «Глобус».

Вот где, наверное, интересно ребятам, — думалось нам. Познакомиться бы с ними.

Однажды мы решили открыть дверь «Глобуса». Честно говоря, увидели мы не совсем то, что ожидали. Ребят было мало, на наши вопросы они или совсем не отвечали, или равнодушно кивали головами. По списку в эту комнату школьника записано сорок человек,

Авторы фотографий — юнкеры отряда «Пламя» Женя Безуглов, Сергей Дроздов и Дима Агафонов.

«Костер» обращается к юнкорским отрядам страны с предложением активно участвовать в составлении «Барабана». Подборки заметок, фотографии и рисунки присылайте по адресу: 193024, Ленинград, Мытнинская ул., 1/20, журнал юнкоров «Барабан».

Дюма неделя

Дорогой «Барабан»!

Тебе пишут ребята из поселка Мартышкино с улицы Дюма.

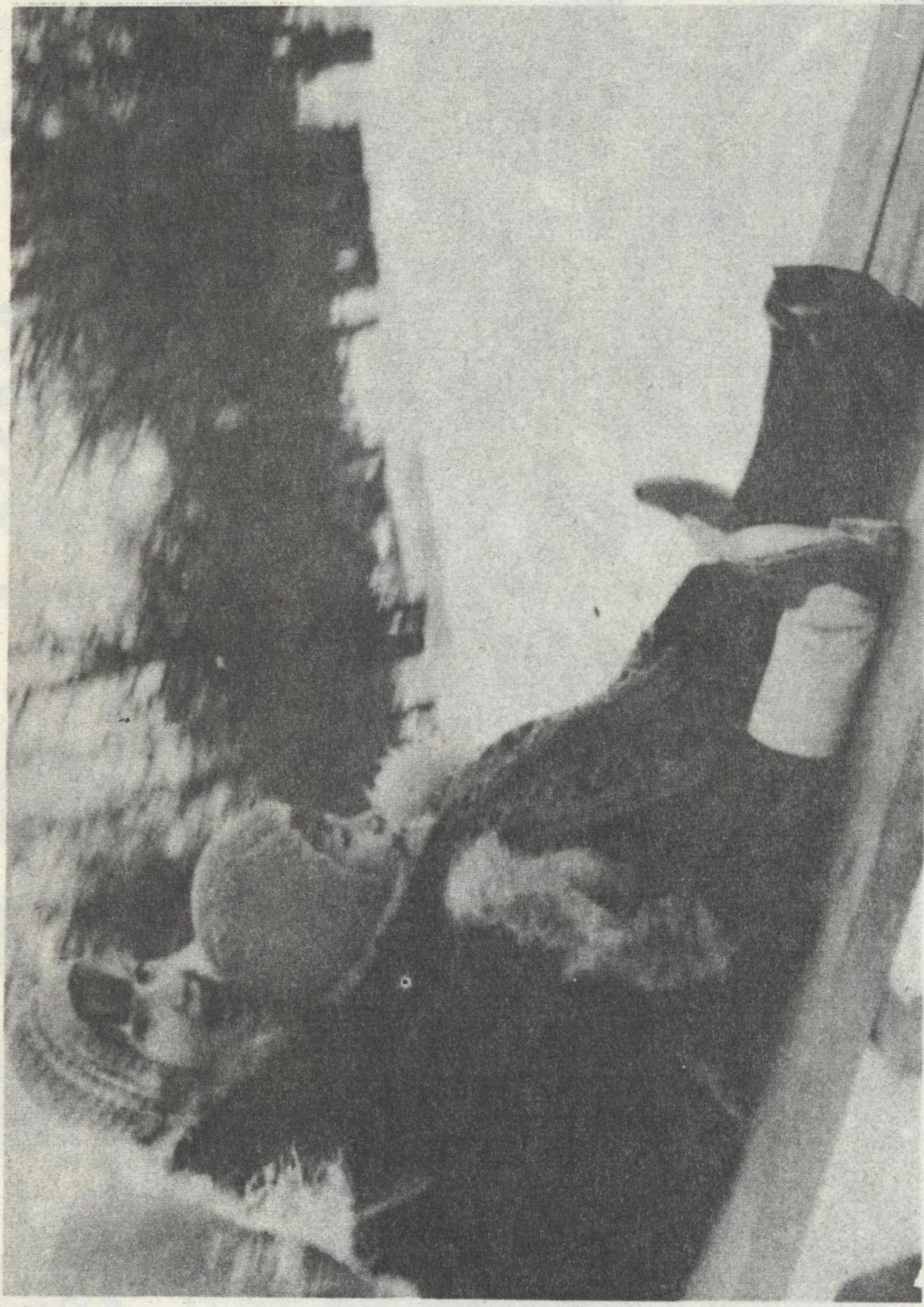
Мы выяснили, что улицу называли так потому, что проездом в 1858 году здесь был знаменитый французский романист Александр Дюма. В

честь автора «Трех мушкетеров» назвали улицу. Мы очень любим читать книги А. Дюма. И «Три мушкетера» и «Граф Монте-Кристо», «Черный тюльпан» и другие. И, конечно, нам нравятся отважные герои его произведений: Д'Артаньян, Атос, Портос, Арамис, моряк Эдмон Дантес...

Мы сфотографировались и посылаем эту фотографию.

МИР, В КОТОРОМ МЫ ЖИВЕМ

СЕСТРЫ

Саша Степашин, Москва

ХОЧУ ПОСОВЕТОВАТЬСЯ

Я дружила с одной девочкой — Юлей. Мы верили друг другу. Я знала, что Юля меня не предаст, и Юля была уверена в том же. Но вышло наоборот, я ее предала...

В нашем классе появилась новенькая — Оксана. Она сначала мне показалась одинокой, никто с ней не дружил. Как-то Оксана мне сказала: «Хочешь, я раскрою тебе глаза на правду? Ты дружишь с Юлей и ничего про нее не знаешь. Она отличница, а знаешь почему? У нее отец работает начальником по выдаче квартир. Учитель хотя бы получить хорошие квартиры и вытягивают Юль-

ку. И вообще она толстая и неуклюжая».

На другой день я поругалась с Юлей и стала дружить с одной Оксаной. Она мне наговорила про всех такое! Я стала видеть мир в сером цвете. Ребята обходили нас стороной. С утра Оксана приходила ко мне, и мы сочиняли про всех сплетни.

Как-то я задалась вопросом: «Как я живу?!» Мне стала противна Оксана. Я не могла сказать ей это в лицо, у меня не хватало смелости. Я боялась ее. Боялась сказать, что она отняла у меня друга. Но почему же Оксана все же дружила со

мной? Она имела от меня выгоды. Списывала у меня, звонила от меня по телефону.

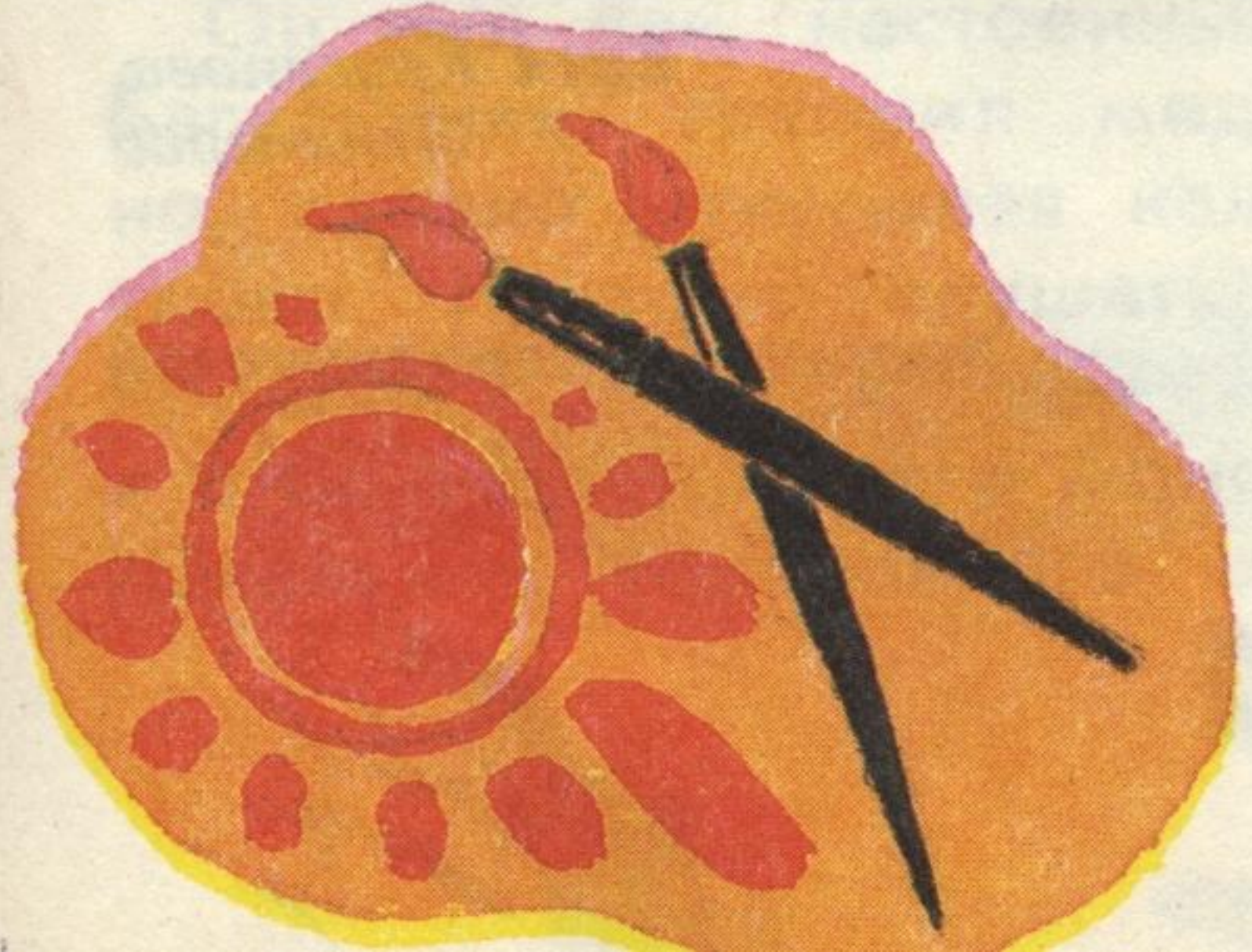
Однажды мы поссорились и я перестала с ней разговаривать. Оксана стала звонить мне и издеваться. Теперь она подружилась с другой девочкой, и та тоже во всем ей подражает, как я когда-то. Я помирилась с Юлей и нашла себе новых друзей. Но Оксана мне грозит: «Я тебе устрою, ты у меня за все заплатишься». Она обещает пустить сплетни и про меня, чтобы со мной все перестали дружить.

Что же мне теперь делать?

Ира,
Алтайский край

Юнкоры, а что вы думаете по этому поводу? Не кажется ли вам, что Иру должны мучить и другие вопросы, кроме того, который она задает: «Что мне теперь делать!» Ведь, наш взгляд, она и сама во многом была не права. Как бороться с Оксанами, которые заставляют людей видеть «мир в сером цвете»? Как самому не стать похожей на нее! Как убедить других от ее влияния? И, наконец, можно ли изменить что-то в самой Оксане, как помочь ей стать другим человеком!

ЫЖОК
для Королева,
нинград

Литературная страничка

«Барабан» очень огорчен. Фантастическая пьеса «Происшествие», напечатанная в № 6—7 за прошлый год, оказалась украденной у другого автора. «Барабан» однажды уже говорил о досадном явлении, имя которому — плагиат. Этот разговор вынуждены продолжить наши читатели.

ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР

Пьеса Романа Облетова показалась нам очень знакомой. И мы вспомнили, что читали ее в журнале «Мурзилка» за 1980 год. Только там пьеса называется «Приезжайте к нам на солнечном трамвае!» Автор пьесы А. Лельвер. Роман просто списал эту пьесу из «Мурзилки».

Если можно, напечатайте наше письмо, чтобы Р. Облетову было хотя бы немножко стыдно.

Люба Тимофеева,
Рита Константинова,
с. Дубровное
Курганской области

Объясни, Роман, как получилось, что ты переписал чужую пьесу? Как ты думаешь, пионеры так поступают?

Юля Махина,
пос. Маго,
Хабаровский край

Есть ребята, которые хотят «достать» славу за счет других. Эти ребята посылают в «Колос» фельетоны, рассказы, на

ОНКОР СПЕШИТ НА ПОМОЩЬ
семикласснице Лене из Ташкента, которая вдруг оказалась без лучших друзей.

Нас очень взволновало письмо Лены, напечатанное в 5-м номере журнала за 1986 год. Мы прочитали его и начали обсуждать. Значит так, Лена. Мы считаем, что никто из вас не виноват. Вы просто запутались, и ни с кем не посоветовались, ни в чем не разобрались. Ирина совсем не подумала о последовательности своих поступков. Ведь 7 лет дружбы —

это не шутка. И она могла эти 7 лет превратить в нуль ради дружбы с Олегом. Ирина, конечно, поступила глупо, бросив подругу. Она же не знает, что будет дальше. А вдруг ей встретится кто-то поинтереснее Олега? Что же, и дружбу с Олегом она тогда превратит в нуль? У нас есть вопрос — почему же нельзя дружить втроем? Ведь мы тоже начинали дружить втроем, а теперь нас четверо и все мы дружим.

Заура, Барно,
Алексей, Виктор,
Туркменская ССР

печатанные в других журналах несколько лет назад. Это недостойные поступки. Таким, как Роман Облетов, пусть будет стыдно!

Света Романова,
Владимир

Конечно, фантастика — это хорошо, но ведь лучше всего, когда ее напишешь сам! Роман переписал не всю пьесу. Но ведь плагиат в любом случае остается литературной кражей.

Света Зубкова,
Кустанай

Необходимо, не откладывая в долгий ящик, решительно пресекать любые попытки плагиата, чтобы пионеры не становились нечестными людьми, чтобы любому делу сопутствовали такие понятия, как честность и моральная чистота.

Юля Черниговская,
Новосибирск

СТИХИ ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

Сегодня «Костер» отобрал из поэтической почты стихи, посвященные очень доброму празднику — 8 Марта. Наш журнал от души поздравляет всех бабушек и мам, учительниц и учениц с Международным женским днем!

8 МАРТА

Спросите у наших ребят, когда начинается март?
В начале весны всех нас охватывает азарт.
На крышах сосульки плачут, синицы весну поют,
С цветами мальчишки к мамам по лужам большим бегут,
От радости мамы всплакнули, с улыбкой взглянули на нас,
И ласково засияли морщинки у маминых глаз.

Андрей Колесников,
Калининград,
Московская область

СЕГОДНЯ УТРОМ

Для тебя сегодня утром
Пел задира-петушок,
Для тебя сегодня утром
Пастушок играл в рожок!
Для тебя сегодня утром
На лугу расцвел цветок,
Для тебя сегодня утром
Сочинила я стишок!

Оля Орлова,
Тбилиси

МАМЕ

Сегодня солнце ярко-ярко светит,
Слагает птица праздничный куплет.
А я хочу все-все цветы на свете
Собрать в один большой живой букет.
Веселыми весенними лучами
Печальный снег хочу я растопить
И ласковой моей, усталой маме
Все-все на свете счастье подарить!

Катя Крусанова,
Ленинград

Рисунок И. Чередниковой

ПУТЬ НА ТРАССУ

Они очень разные — строители Байкало-Амурской магистрали. У каждого свой, часто не простой путь на трассу. «Мы строим БАМ — БАМ строит нас!» — часто приходилось слышать на трассе. Три тысячи двести километров дороги, носящей имя Ленинского комсомола, легли по вечной мерзлоте через тайгу и горы... Чем они стали для молодых строителей? Приучили жить без особого комфорта, переносить ветра, стужу, да работать до боли в спине? Найти ответ мне помогла одна давняя история.

На Даване выпал снег. Земля отдыхала от него всего четыре месяца — с июня по сентябрь. И вот снова — белое покрывало.

О новеньком узнали по следам. По склонам сопки в тоннельный отряд никто не ходит — опасно, а этот лез в гору, взяв за ориентир крыши вагончиков. Дошел до обрыва, потоптался и принялся кричать. Из окна штабного вагончика было видно, как он размахивал руками. Позади него змеилась черная цепочка следов. Пришлось выйти, объяснить. И побрел парень обратно искать дорогу. Через полчаса он сидел в штабном вагончике, тиская розовыми от мороза руками кружку с горячим чаем.

Лохматая шапка, полушубок, на ногах — самодельные пимы из оленьей кожи. Виктор Черенцов. Пришел устраиваться на работу. Без вещей и продуктов. Лишь сверток был при нем, в котором лежали армейская характеристика, трудовая книжка, военный билет, да паспорт.

Он пил чай, настоенный на багульнике, говорил медленно, словно откусывая каждое слово. Поэтому слушать его пришлось долго, и лишь сигнал к отбою прервал его монолог. Начальник тоннельного отря-

да Владимир Приходько пообещал к утру дать ответ и отправил Виктора спать, а сам вновь принялся перебирать его документы и вспоминать скупой рассказ.

...За полгода до демобилизации Виктор получил письмо. Писал школьный друг, с которым он без малого десять лет просидел на одной парте. Сергей, — так звали товарища, — приглашал после службы приехать на строительство БАМа.

Черенцову оставалось еще служить и служить, с ответом он не торопился. Был он исконным горожанином и хотя служба в отдаленном гарнизоне водителем тяжелого грузовика закалила его, все же сомнения не покидали. Шло время, он реже и реже вспоминал о письме: дослуживал, готовил себе замену, мечтал о доме. И вдруг — новое письмо от Сергея: «Старик, вся наша бригада тебя ждет!..»

И он поехал.

Бригаду, где работал Сергей, Черенцов не нашел — ее перебросили вертолетом на отдаленный участок. Но Виктора это не смутило. Он попросился к лесорубам.

Виктор считал, что ему повезло, — бригада была из «старожиллов», работавших на стройке чуть ли не с первого дня. Рубили просеку под будущую дорогу. На работе он себя не жалел: лопались на ладонях волдыри мозолей, до кирпичной красноты обветрилось лицо, не заживали ссадины и шрамы на ногах от неумелого обращения с топором. А потом... Почему же произошел конфликт?

Бригада закрывала наряды и Виктор заметил, что километр пройденного болота, где и деревца не росло, обозначен в документах сплошной тайгой, которую вырубил бригада, показав невиданную производительность труда. «Это же обман!» — возмутился Вик-

тор. Наряды исправили. Но с тех пор Черенцов заметил, что зарплату он стал получать чуть ли не вдвое меньше остальных, чаще других чистит картошку на кухне, разгружает вертолет, дежурит по бригаде.

Обо всем этом Виктор сказал бригадиру. «Не нравится — уходи!» — услышал в ответ. Его перестали замечать. По какой-то причине стала «барахлить» мотопила, исчезли меховые рукавицы, без которых на лесоповал не выйдешь. Ночью в его унты кто-то налил воды, и они примерзли к полу. Виктор понял, что попал в бригаду рвачей, для которых существовал только один закон — рубль, пусть даже не заработанный.

Тот день, когда он сушил унты, ему засчитали за прогул и уволили. Оправдываться Черенцов не стал...

Так или примерно так рассказал Виктор свою историю начальнику тоннельного отряда. Ну, что ж — приходилось слышать и не такое.

К утру Приходько должен был дать ответ. Он не сомневался, что совет бригады откажет новичку. В тоннельном не любили летунов, часто меняющих место работы. Как правило, они объясняли свои переходы конфликтом или непониманием их характеров. Не видели своих ошибок, во всем винили только других. Если Черенцов прав, — почему он сумел раскусить рвачей только через несколько месяцев? И где его вещи? Скорее всего, парень что-то недоговаривает...

Размышления прервал резкий, настойчивый звонок:

— В тоннеле обвал! — кричали в телефонную трубку. — Не выдержали крепления!

К тоннелю бежали скопом. Когда примчались к порталу, выяснилось, что под буровой машиной, отрезанной обвалившейся породой, остались двое тоннельщиков.

Надо было заново крепить кровлю и стены тоннеля, затем вывезти обвалившуюся породу, затем...

— Да кто же так пилу держит? — услышал Приходько незнакомый голос. Обернулся. Черенцов, выхватив из рук мастера мотопилу, начал резать бревна. Если тоннельщики мыкались с каждым бревном по нескольку минут, то Виктору хватало считанных мгновений.

— Ты кто такой? — спросил мастер.

Виктор промолчал. Визжала пила, входящая в ствол дерева.

Через два часа участок был заново укреплен — поставлены дополнительные опоры, протянуты страховочные канаты. В тоннель медленно въехал грузовик. Начали разбирать завал. Камни бросать было нельзя — от сотрясения возможен новый вывал породы. Носили в руках и бережно складывали в кузов. Работа шла медленно... Показался корпус буровой машины. Заработали энергичнее...

На следующий день Владимир Приходько докладывал о случившемся. Назвал имена тоннельщиков, попавших в обвал (укрытые щитом буровой машины, они не пострадали), назвал и тех, кто отличился этой ночью.

— Кого отметишь? — поинтересовался начальник управления.

— На совете бригады обсудим.

— Правильно. Не забудь про шофера.

— Какого? Мой-то уж три дня в отпуске...

— А кто же породу выводил? Ты — что? Своих людей не знаешь? А мне уже сообщили... вот: Виктор Черенцов... Он что, без тебя устроился в отряд?

— Да ведь он только за несколько часов до аварии прибыл!

— Даже так? — удивился начальник управления. — А мне утром твой мастер звонил, говорил, что этот Черенцов отлично действовал — смело, сноровисто. Смотри, какие люди приходят к тебе! Даже

завидую. Больше не жалуйся, что людей не хватает...

— Бригада за то, чтобы тебя оставить, — хмуро сказал Приходько новичку, — на аварии показал себя хорошо. Но меня лично смущает одно: может быть, ты в первый раз столкнулся с несправедливостью, растерялся... но ведь струсил! Сбежал... А если и у нас что-то не понравится, где тебя искать?

— Я понял, командир, — резко ответил Виктор. — Правду надо доказывать. Может быть, мне вернуться? Или в трест махнуть? Должны же мне поверить, понять... Такое написать в трудовой книжке — «прогул»!

Приходько помолчал, глядя в окошко штабного вагончика. Следы новичка, еще вчера ясно видные на склоне за обрывом, уже занесло снегом.

— Вот что тебя беспокоит! — протянул он, — запись в трудовой книжке! А вот комсомольский билет я не нашел в твоих документах. Потерял или забыл в запарке, когда к вертолету поспешал, убегая от несправедливости?

— Здесь! — хлопнул себя по карману куртки Виктор.

— И что стройка у нас комсомольская ударная — тоже забыл... в панике личного бегства. И что билет комсомольский — не ведомость, в которой сумму взносов отмечают, — тоже позабыл...

— Понял все, командир, — тихо повторил Виктор.

— Хорошо, если так. Сегодня выйдешь во вторую смену. Завтра смотаешься в трест... Нет, не в отдел кадров — это мы и без тебя сделаем. Зайди к комсомольскому секретарю — потолкуй о жизни, о нашей работе... А через месяцок дам я тебе три дня, слетать в свой бывший коллектив — вещи свои заберешь, расскажешь им все, что за это время сам поймешь, да от других узнаешь... Как думаешь — месяца тебе хватит? Успеешь разобрататься? Но еще лучше, если бы ты к ним вернулся...

— Я подумаю, — ответил Черенцов.

А. СОЧАГИН

БЛОКАДНЫЙ ТРАМВАЙ

Людей маленького роста учиться на водителя не принимали. А Вале Дорофеевой больше всего на свете хотелось водить трамвай. Ей нравилось, как легко и быстро бегут по рельсам звонкие трамвайные вагончики, послушные человеку, сидящему в кабине. Мечтала она, что и сама надеет когда-нибудь форму с красными петлицами и золотыми буквами «ГЖД» на них. Это означало «городская железная дорога», — так называли в тридцатые годы трамвай. И еще Валя думала, что возить людей — важная и полезная работа.

Стала Валентина Дорофеева водителем трамвая. В трамвайном парке имени Блохина ее приняли в комсомол.

Пришли работать в парк ее младшие сестры — Женя и Мария.

Валентина Васильевна вспоминала:

«Прикрепили нас на третий маршрут, комсомольский, и был у нас вагон с прицепкой. Впереди — медная звезда. Мы ее начистим, она блестит. И табличка снаружи: «Вагон обслуживают сестры Дорофеевы». Тогда я была Дорофеева...»

За невысокий рост ее называли «маленький водитель». Это рабочие «Электросилы» и завода имени Егорова так говорили: «Наш маленький водитель приехал!»

1941-й год. Блокада. Голод. Обстрелы.

Мирный ленинградский трамвай стал фронтовым...

«Тройку», на которой по-прежнему работали сестры Дорофеевы, переоборудовали: установили скобы, чтобы ставить в вагон носилки...

Валентина Васильевна выводила трамвай из парка в 6.30 утра. Целый день, как и до войны, мерили маршрут из

конца в конец, перевозя пассажиров. Их стало меньше: многие ленинградцы ушли на фронт, другие были эвакуированы.

Когда снаряд или бомба падали поблизости, Валентина Васильевна и ее сестры высаживали пассажиров и отводили их в ближайшие укрытия. А сами должны были оставаться на месте, рядом со своим трамваем.

А ночью, скрытно, чтобы враг не заметил, отправлялись на Среднюю Рогатку — доставить бойцов в подкрепление на передовую. Обрато везли раненых.

«С пайком нам выдавали махорку, так было положено. А мы — три сестры — люди некурящие. И вот сестра Женя делала раненым из махорки — козьи ножки. И бойцы не так стонали, успокаивались.

Мы отвозили их в больницы, а они: «Сестрички, приходите навестить. Не забывайте нас!» И мы навещали. Нас было человек шесть, организовали агитбригаду и устраивали что-то вроде концертов. Песни им пели, сочиняли частушки, а они были так рады, что мы приходим».

В декабре прекратилась подача электроэнергии. Трамваи остановились, теперь уже надолго вмерзли в снег и лед.

Обезлюдивший еще раньше город теперь совсем будто помертвел. Тишина, ни одного трамвайного звонка.

Но той страшной зимой на работу, в парк имени Блохина, сестры, как и все остальные, ходили по-прежнему. Верили: трамвай поедет. И делали все для того, чтобы снова пустить его.

«14 апреля 1942 года нас вызвали и сказали, что завтра пойдут вагоны. Какая это была

радость! Собрались рабочие-ремонтники, вынесли знамя. От всей души пожелали нам счастливого пути.

И вот 15 апреля вышли из парка трамваи. Я — на своем третьем маршруте. И когда мне дали ручки, — есть стоповая ручка, которая управляет контролером, — я даже целовала ее. Знала, что теперь повезу рабочих, служащих. А ведь люди — голодные — ходили на работу пешком по 3—4 километра...

Когда я выехала на улицу Куйбышева, люди не поняли, что произошло. Я стала звонить, чтобы знали, что пошел трамвай. Все начали оглядываться. И пусть это было нарушением, но я посреди улицы остановила и посадила людей».

Валентина Васильевна Афанасьева всю свою жизнь проработала в ленинградском трамвайном парке имени Блохина. Водителем трамвая. В послевоенные годы была начальником маршрута, воспитала многих молодых водителей.

Сейчас в парке есть музей. Фотографии, документы. Среди них — самые дорогие: снимки блокадного трамвая.

Д. СИДОРОВ
Фото М. Макаренко

КООРДИНАЦИЯ

РАССКАЗ

Вл. МАРЬЯНИН

Рисунок Н. Корниловой

В плавательной секции из двенадцати мальчиков лучшими были четверо. Но сегодня Андрей не пришел, и когда тренер Виктор Иванович спросил, почему его нет, Коля ответил: «Болеет...», а Йозас, он стоял позади, шепотом добавил: «...за ЦСКА».

— Передайте Андрею, что я очень недоволен. В конце концов он вообще может не приходить. Не желает у меня заниматься — пусть так и скажет.

Только ясно, что с Андреем ему не так легко расстаться. Коля с Андреем с пяти лет плавает, и знает — у самого Коли беда с координацией, что-то не так, а что — даже сам тренер не понимает, — а у Андрея координация природная, она у него — как подарок. Андрей может каждый день не тренироваться, а придет на соревнования и — пожалуйста! — неплохой результат. Вот и сегодня как раз объявлены соревнования — сто метров вольным стилем. Вернее, не соревнования, а заплыв на время — называется курсовка.

У Виктора Ивановича голос с хрипотцой, однако зычный, даже когда плывешь и то его слышно. Он закричал Коле и Йозасу:

— Давайте пока на четвертую дорожку. Разминайтесь!

А сам занялся с Мишкой.

— Давай, — сказал он ему, — лезь на тумбочку!

Йозас с Колей прыгнули друг за другом с бортика. И поплыли: баттерфляем, на спине, брасом, кролем — и так поочередно каждым стилем, по сто метров.

Конечно, не мешало бы посмотреть, как там Мишка чувствует себя на дистанции, но за Мишку болеть не хотелось. Потому что все ребята обычно друг за друга, а этот всегда сам по себе. Целенаправленный. Приходит всегда минута в минуту, проплывет, сколько тренер задал, и — будь здоров! — сумку на плечо, и пошел. Даже не прощается никогда. Станешь за него болеть, а он и не заметит. Или скажет: «А я тебя просил?» Однажды Коля предложил ему жвачку. Не взял. «Черт знает, — говорит, — какая это жвачка. Может, она у тебя отравленная».

А дальше было:

— Приготовься! — сказал Виктор Иванович Коле, который плавал первым и быстро занял на тумбочке привычную перед стартом стойку. — Марш!

И в то же мгновение Коля прыгнул и, еще пластаясь в воздухе, стал бить ногами, точно он уже плыл, чтобы в воде не потерять ни секунды. Старт получился, он это чувствовал. Первый бассейн он проплыл автоматически, не задумываясь, дотронулся до стенки, отлично провел кувырок,

и дальше шел хорошо, только в конце ощутил — все, больше нет никаких сил; тянешь руку, а она как будто не своя, точно срывается.

Судорожно хватая ртом воздух, Коля лег животом на канат. В боку болело. Но и недостаток воздуха, и эта тяжесть в боку не так уж были неприятны. Главное осталось позади, сейчас Колю волновало — какой у него результат. Конечно, он понимал, что сегодня проплыл неплохо. И действительно, когда он вылез из бассейна на бортик, Йозас подбежал и, похлопав Колю по мокрой спине, сказал:

— Здорово! Минута, три и семь десятых. Личный рекорд.

А сам направился к тумбочке.

— Ты сегодня умничка! — похвалил и Виктор Иванович, но тут же, изобразив на лице неудовольствие, приказал: — Прошу тебя, ступай отсюда. Не мешайся.

Но Коле надо было остаться и покричать Йозасу вслед: «Давай, Юз, жми!» — хоть собственный опыт и подсказывал ему, что когда плывешь на соревнованиях и особенно кролем, ни черта не слышно.

Йозас нагнулся. Тело полукругло, руки внизу: длинные мускулы, покаты плечи... Фигура, как у взрослого пловца. И вроде загорелый, хотя еще только весна.

— Марш! — командует Виктор Иванович.

И тут Йозас потерял что-то. Это постороннему, может быть, не видно, а Коля понял сразу. И Виктор Иванович уж давным-давно заметил. Поглядел на Колю, сморщился, словно выпил горечи.

— Пошел, Юз, давай! — завопил вслед Коля.

Кажется, вроде быстро плывет Йозас, — не поймешь, где они теперь теряются, эти доли секунбочек. «А куда спешить?» — спросил Йозас Колю не так давно. Но Юз так, конечно, не думает. Сказать он так может, а думать, Коля считает, не должен. Какой он, к черту, тогда спортсмен?

Мимо тренера Коля побежал к месту финиша.

Закончил дистанцию Йозас. Лежит на воде, отдыхает, а Коля подошел к Виктору Ивановичу, и Мишка с другой стороны приблизился. И ему интересно, какой у кого результат. Сам-то он — за сколько? — за минуту и четыре, ровно — проплыл... Хуже, чем Коля! Надо же, как здорово сегодня у Коли получилось: минута, три и семь десятых, лучше чем у Мишки. А у Йозаса? Посмотрели с Мишкой на секундомер Виктора Ивановича: минута, четыре и шесть — оп-ля! — почти на секунду хуже результат, чем у Коли. Слабовато для Йозаса.

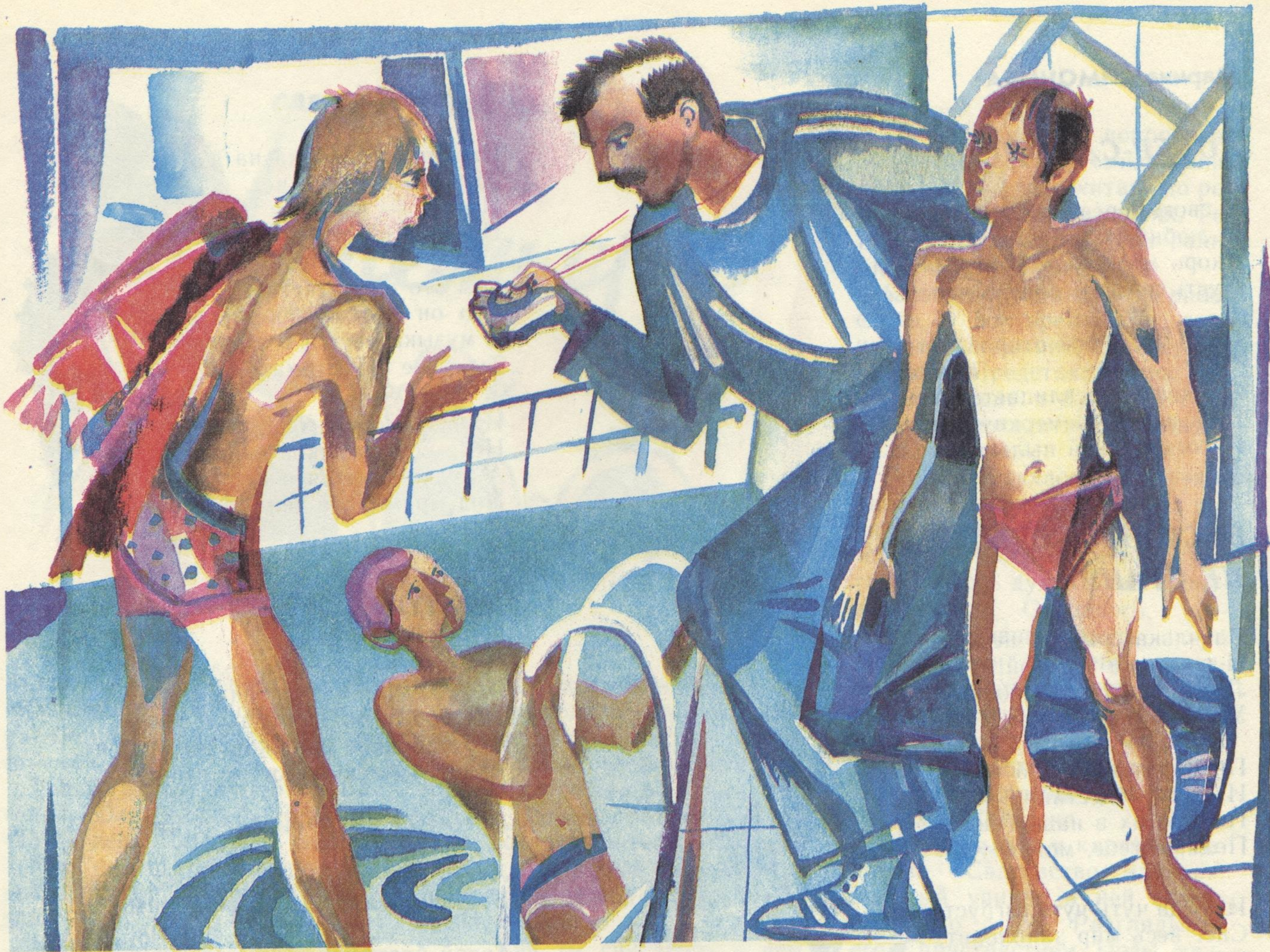
— Та-ак, одна минута... — протянул Виктор Иванович.

— ...три и шесть, — подсказал ему Коля.

— Три и шесть, — машинально повторил тренер.

И записал. Коля даже не ожидал. И врать-то не собирался. Само собой почему-то так получилось. А Виктор Иванович, не заметив, улучшил Юзу результат на целую секунду. Просто машинально. У Мишки прямо лицо вытянулось, как восклицательный знак.

— Выдали мне в этом году,— сказал Виктор Иванович,— путевки в спортлагерь под Алушту, короче, в Крым. Но дело вот какое. Путевок три, а вас, гавриков, четыре. Я просил четвертую — ни в какую не дают... Ну, что поделаешь, раз нету! Вот я и решил. Андрей едет, тут говорить нечего, тем более, у него первый разряд, правильно?— и, не дожидаясь одобрения, продолжил:— Ну, а с вами так: чтобы без обиды, назначил я вам сегодня курсовку, и кто хуже проплыл, тот не поедет. Все просто и убедительно.— Он посмотрел в бумагу:— Ты, Мишка, остаешься. У тебя сегодня минута, четыре, ровно, и обид, стало быть, никаких у нас нет. А остальные слушайте!

Мишка стоял, как пришибленный. Но о том, как и почему все получилось, пока ни звука не проронил. Да и не скажешь же: «Виктор Иванович, а ведь Коля вас обманул!» Ну, не спортивно это, понимаете? Тот же тренер может отреагировать так, что Мишка, мол, ябеда и ему бы не рекорды ставить, а белье в бассейне стирать. Так что Мишка выдавил из себя только:

— Виктор Иванович, а я?

— Ничего не поделаешь, остаешься.

— Но как же... а я? Ну, Виктор Иванович!— как заводной тянул Мишка, а сам, конечно, на Колю смотрел, мол, ты заварил кашу, ты и расхлебывай.

— Виктор Иванович!— сказал Коля. Пусть Миша поедет. Я не могу. Меня мама непустит.

— Как это она тебя непустит? Что она —

не понимает? На два месяца в Крым. Путевка бесплатная. Пусть мне позвонит — я объясню.

— Нет, Виктор Иванович! К нам бабушка приезжает. Из Сибири, правда!— врал Коля. — Никак не могу!

— Ну, смотри! Заставлять не буду. Я так и думал, что Йозас с Мишкой поедут, а потом, смотрю, ты так славно прошел дистанцию. И с координацией у тебя получше стало. Но не можешь, что поделаешь — ладно. Значит, вы едете!— кивнул он Мишке и Йозасу.

И ушел.

Тут Мишка не выдержал. Шлепая себя руками по голому телу, он закричал:

— Надо же! Ты фигу себе! Ну!

— Ты что — опух?— поинтересовался Йозас. — Надрываешься, как ненормальный!

— А ты не знаешь? Он ведь не знает!— разорялся Мишка.

— Ладно,— сказал Коля,— помолчи лучше.

— А чего, Колька! Пускай узнает, хотя бы, как было,— посерьезнел Мишка. Смотрел на Колю, как никогда еще не смотрел, ждал, что тот скажет.

— А зачем?— спросил Коля. — Какой теперь смысл?

Он поглядел вокруг. По второй дорожке плыл мастер спорта международного класса. Мастеру было пятнадцать лет, учится он в восьмом классе. Выдавал мастер так, как очень скоро, и в будущем Коля был почему-то уверен, поплывет, окончательно исправив координацию, и он тоже.

САЛЮТ, УВЛЕЧЕННЫЕ!

Зал подросткового клуба «Юность» был полон. Премьера! Семиклассники дают «Горе от ума».

Только недавно это были Виталий, Оля, Сергей, Лена из 443-й ленинградской школы. Теперь они превратились в героев великой комедии Грибоедова.

Я устроилась в первом ряду. Зазвучало фортепиано. И прекрасный вальс XIX века наполнил звуками зал.

Чацкого играли многие известные артисты. И каждый из них представлял своего Чацкого. Чацкий Виталия Сушкина растерян, удивлен. Он ошарашен тем, что увидел дома в России, где не был столько лет. Чацкий обижен и оскорблен. Мне не слишком нравится такой Чацкий, но Виталий понял его именно так. И это его право.

— Молчалин может решиться на все, чтобы продвинуться в должности, чтобы пригреться под крылышком у начальника. Это очень современный персонаж, — так сказал о своем герое Сережа Жданов.

Тимур Афтахов играл военного болвана — Скалозуба. И жестом и взглядом сумел показать его тупость. Ира Рязанцева сыграла жеманную старую деву, которая ищет женихов. Ира выучила две длинные фразы по-французски (а изучает она английский) и произнесла их с чисто французским прононсом. Все аплоди-

ровали и хохотали, когда на сцену выходила глухая смешная старушонка гран-маман. С биноклем (лорнета не достали) в дрожащих руках. Это Славе Радоско отлично удалось создать гротескный образ.

Здесь же в зале сидели пятиклассники. Я обратилась к Сереже Иванову:

— Как ты считаешь, о чем эта пьеса?

— Человек уехал. А вернулся — его уже не любят. Но не только про это пьеса. Еще про то, как неправильно жили люди. И как честный человек Чацкий возмутился и об этом сказал. Он смелый. Я бы, наверное, так не смог...

Александр Сергеевич Грибоедов написал комедию «Горе от ума» в 1824 году. Комедия эта потрясла Россию. В ней были и смех, и слезы. И трагедия мыслящего искреннего человека, и боль за отечество.

Все знают, что «пройти» в школе — это не всегда значит понять. А как понять смысл серьезной и важной вещи? Как донести его до ребят? Над этим вопросом мучилась учительница литературы Елена Иосифовна Бурангулова.

— Я видела, — рассказывает она, — что многим восьмиклассникам трудно не только понять, но даже прочесть комедию. «А! Стихи! Скучно». Или: «Это все не современно».

Это меня страшно огорчало...

На «продленке» попробовала читать пьесу семиклассникам. Потом стали читать по ролям. Рассуждать о героях. Герои стали оживать. Так родилась идея спектакля.

Стали читать книги о Грибоедове, о его времени, а, значит, и о Пушкине, Гоголе, Белинском. Представьте, как легко, интересно в будущем году будет «проходить» Грибоедова.

Пока семиклассники трудились над спектаклем, у них родилось новое отношение к литературе. Они научились читать, то есть думать над произведением. Оказалось, сыграть, — значит понять.

Возникали и непредвиденные трудности. Текст выучили, а двигаться не могли. Особое искусство — двигаться на сцене. Тогда отправились в Русский музей, чтобы проникнуться духом XIX века.

Остановились у картины Федотова «Сватовство майора». Каждый увидел в ней своего будущего героя. Разглядывал его с пристрастием. Позы, движения, костюмы...

А как же костюмы?

Тут повезло. Художник по тканям, мама одной из учениц — Наталья Анатольевна Талавина, когда узнала о затее ребят, обрадовалась и сразу включилась в работу.

Пока обдумывали, шили костюмы, репетировали, спорили, сложилась атмосфера братства, дружбы, взаимопонимания.

Не хотелось расставаться. Вместе пели под гитару, обсуждали книги, спектакли, фильмы. Было о чем поговорить. Началась другая жизнь.

Семиклассники только несколько раз показали свой спектакль. Над ним еще нужно работать. А они уже мечтают создать у себя в школе литературно-театральную гостиную, где можно будет устраивать интересные встречи, обсуждать прочитанное и увиденное. И показывать новые спектакли. Следующим будет, может быть, «Ромео и Джульетта» Шекспира.

И. ОНИ

НИКОЛАЙ КУРИЛОВ

рисунки А. Борисенко

«ПОЧЕМУ У КУРОПАТКИ ДАЖЕ НА ПОДОШВАХ ПЕРЬЯ?»

Прилетела к нам на Север как-то куропатка, с гусями за компанию. Понравилось ей у нас, да настолько, что осенью она решила не возвращаться на юг. Знающие жизнь гуси отговаривали ее: зима здесь страшная. Куропатка и слушать их не хотела. Осталась. Но когда выпал снег, она пожалела об этом: ноги стали мерзнуть. Они у нее были голые, как у гусей.

Настал день, когда куропатка совершенно зачоченела. Закрывает глаза. «Вот и все», — думает.

Вдруг чувствует, кто-то ее подымает. Открывает глаза — видит: старая женщина. Принесла она куропатку в дом к себе, отогрела. Ожила птица. От радости стала бегать вокруг очага да хвост свой испачкала о закопченный чайник. Женщина принялась было чистить ей хвост, но еще больше размазала сажу.

Вот почему у северной куропатки на хвосте черные перья.

Так и жила куропатка у женщины в нимэ, не зная горя. А когда наступили самые сильные холода, куропатка совсем перестала отходить от очага. Все боялась, как бы огонь не потух, глядела на него во все глаза.

Вот почему веки у нее красные.

Стало уже немного теплеть. Куропатке наскучило сидеть дома. Вышла на улицу. Да тут, как назло, налетела сильная пурга. Куропатку унесло далеко от нимэ, заблудилась она, промерзла до косточек.

Когда стихла пурга, она с трудом нашла дорогу домой. Еле дотащилась до порога: устала, и ноги сильно замерзли. Женщина опять выручила куропатку. Отогрела и сшила ей плеки.

На другой день куропатка, придя в себя, так взбодрилась, что надумала выйти на улицу: «Об-

новлю-ка я плеки». Погода была не очень холодная. Весело стало куропатке. Бегала она, бегала и нисколько не мерзла. Про хозяйку забыла — не вернулась домой, к доброй женщине.

Вот так подошвы у куропатки покрылись густыми перьями, стали, как шерстистая подошва плек.

ПРИЕХАЛИ!

Мы едем. Теперь уже до дома осталось немного. Так говорит папа. Даже собаки бегут резвее. Оглядываются на нас радостно, сверкают глазами. Пасти открыли, языки алеют, пар валит.

Папа песню поет. Солнце уже скрылось. Хотя небо пока еще светлое, но в тундру стали пробираться сумерки.

Собаки втащили нарты на высокий берег озера, и я увидел вдаль нимэ, близко друг к другу стоят. Правда, дыма ни над одним не видно. Вокруг нимэ что-то чернеет. Нарты? Может, олени, собаки, люди? Гости, наверное, приехали, коли несколько нимэ стоят.

— Ама! — кричу отцу. По-юкагирски значит: «папа».

Кричу, потому что через два малахая да на большой скорости плохо слышно.

— Ама! Вон стойбище!

— Нет, его отсюда не видать, — отвечает папа и продолжает петь.

— А я вижу, вон нимэ!

— Ну, значит, мне здорово повезло: сын у меня такой глазастый. А я, выходит, стал слабеть зрением.

— Правда, я вижу нимэ!

Эх, не верит!..

От мороза щиплет мне глаза, слезы выдавливает. Нимэ от этого будто задвигались.

— Заметили нас люди, ама!

— А сколько домов видишь? — спрашивает он меня.

— Пять больших и три маленьких! — кричу в ответ, радуясь, что, наконец, он поверил мне.

— Неужели? — папа нерешительно останавливает собак, вынимает бинокль, смотрит в него.

— Да-а, — улыбается, — похожи на нимэ, — и передает мне бинокль.

Оказывается, я принял за стойбище другой гористый берег озера, «Яр» называется. Его зубья принял я за дома. Мне стало тоскливо. И небо помрачнело.

Приблизились мы к яру — зубья неподвижные, холодные. Им все равно, появились мы тут или нет. А издали, когда они казались мне домами, от них как будто исходило тепло: нас там вроде ждали.

Папа почувствовал, что у меня испортилось настроение, и посадил меня перед собой.

Вдруг собаки отчаянно залаяли и как рванут с новой силой. Я встаю на колени, хватаюсь за дугу нарт. «Копыль» называется. И... вижу мамин нимэ! Желтый, один-единственный на всю тундру. Словно я увидел еще одно солнышко. От нимэ тянет теплом. Оттуда доносится мамин голос.

Ноздри щекочет мне тальниковый дым, шиплет глаза. Я смахиваю со щек слезы. По секрету скажу вам: это от радости, а не от дыма.

Мама! Два с половиной месяца не видел я ее. Она стоит у входа, ждет меня! Я спрыгиваю с нарт, падаю в снег, поднимаюсь, бегу к маме. Она тоже бежит навстречу мне. Я спотыкаюсь, опять падаю, пытаюсь подняться. Мама подхватывает меня. Обнимает крепко-крепко, целует в лоб, в щеки! Мама! Сейчас я не прячу половину радости: не могу спрятать.

Моя мама — самая красивая, самая добрая, нежная на свете. Если я замерзну, она обнимет меня — я сразу согреваюсь. Если мне станет грустно, она поцелует, приласкает — все опять хорошо.

Вот я и дома! Мне хочется сейчас сесть рядом с мамой, прижаться к ней и слушать сказки. Но нельзя. С дороги надо накормить собак. Они устали, проголодались. Так долго тащили нарт, везли нас и наш груз. Мама дает мне ведро горячего супа из оленьей крови. Я наливаю его в миски собакам, потом приношу им мороженую рыбу. Они все быстро съедают, виляют хвостами: «Спасибо! Очень вкусно!»

— Отдыхайте, собачки, — говорю я.

Они ложатся на снег, а я вхожу в дом. Я только что приехал с папой издалека. Значит, сейчас я и папа, мы — гости.

ГОСТИ

У нас как принято? Вошел человек с дороги в нимэ, первым делом хозяева спешат согреть его и накормить. Даже не спрашивают, хватило ли ему пищи в пути, не замерз ли, пока ехал? Без расспросов усаживают поближе к печке, поят горячим чаем и кормят сытной едой. И не важно, кто приехал: родственник, знакомый или вовсе чужой человек. В тундре мало живет людей, поэтому рады каждому. В тундре трудна и опасна дорога, поэтому заботятся о любом путнике, вошедшем в нимэ. Так говорит мама.

Мы с папой сейчас мамины гости. Стягиваем малахаи, верхнюю меховую одежду, садимся к печке. В другое время мы оба помогали бы маме. Принесли бы топливо, снегу полный котел — снег на плите сразу становится водой. Но теперь мы гости. Нам положено сидеть, отдыхать, отогреться. Это правильный обычай.

Сиж у печки рядом с папой, с мамы глаз не спускаю. Она строгает острым ножом мороженую рыбу, посыпает солью и перцем. «Строганина» называется. Делают ее из хорошей, жирной рыбы: сига, омуля, чира, нельмы, пеляди. Или из олеины. Папа говорит, что раньше люди, которые приезжали к нам из других краев, не ели строганину, брезговали, не считали за еду. Они ошибались и за это расплачивались: умирали. Нет, не наши предки их убивали — убивала цинга. Такая болезнь: зубы болят, выпадают, десны пухнут, из-за этого начинается заражение крови, человек погибает. наших предков цинга не трогала, потому что они ели мороженое сырое мясо и рыбу: там много витаминов, их боится цинга.

Мы с папой пересаживаемся к столу. Мама подает нам строганину. Я кладу в рот тонюсенькие пластинки чира. Они жирные, нежные, сами тают во рту, как мороженое. Сначала стало немного холодно, а потом сделалось тепло, голова посветлела. Так бывает, когда умоешься очень холодной водой.

После строганины мама угощает нас вареным оленьим языком. Вкусно! На тарелках появляется жареная оленья печенька. Мама приготовила ее на углях. Немного подгорелая корочка хрустит на зубах, а внутри печень сочная, мягкая. Пальчики оближешь. Печень целебна, как и оленьи мозги, которые мы едим вслед за нею. Мама глядит на нас, улыбается. Ей нравится, что мы с папой уплетаем за обе щеки и нахваливаем кушанья.

Когда мы съели еще и наваристый бульон с оленьим мясом, я почувствовал, что моей усталости как не бывало. А если бы я устал больше или приехал больным поздней весной, мама дала бы мне панты: молодые оленьи рожки. Это прекрасное лекарство. Его закупают у нас другие страны, даже южные, хотя там полно фруктов: на каждом дереве висят витамины. Но панты и у южан ценятся. Так говорит папа.

После обеда мы пьем чай, горячий-прегорячий, крепкий, душистый. Я мечтал в дороге о мамином чае. Уф-ф! Хорошо! Жарко! Мы снимаем внутреннюю меховую одежду, остаемся в шерстяных свитерах и брюках. Потом и свитера стягиваем. Тепло дома! Я прижимаюсь к маме. Теплая мама! Она гладит меня ласково по голове.

Теперь, когда мы согрелись и сыты, мама спрашивает:

— Какие новости?

У нас так принято: сначала гостя согреют и накормят, а уж потом хозяин спрашивает о новостях. Не набрасываются сразу с расспросами, хотя, конечно, хочется побыстрее узнать, что нового вокруг. Гости очень редко входят в нимэ.

Мы рассказываем маме, как ехали, как застала нас в дороге пурга, что нового в поселке, у наших родственников, у знакомых. Я показываю маме свой дневник. Она довольна моими оценками. Папа видел дневник еще в интернате. Потом он достает маме гостинцы и подарки, которые купил в поселке.

МАМИН НИМЭ

Пока мама разглядывает подарки и радуется им, я расскажу вам вот о чем. Помните, в самом начале я сказал, что маму зовут Аннэ, она нимработница, а папа Татор — оленевод. Теперь пришло время объяснить, что это значит. Папа пасет оленей. Пастухов несколько человек. Вместе они составляют бригаду и по очереди пасут в тундре стадо оленей. Вся бригада живет в одном доме, нимэ по-юкагирски. У других тундровиков дом называется «чум», «яранга», «тордох». Мама тоже член бригады, но работает не в тундре, а в нимэ, поэтому и называется «нимработница».

Мама — самый главный человек в нимэ, от нее многое зависит. Она просыпается первой: готовит завтрак. Днем — обед, вечером — ужин. У нее всегда должны быть горячий чай и сытная вкусная еда, потому что пастухи много бегают за оленями, и им очень хочется есть и особенно необходим горячий чай: он сразу прибавляет силы. Маме приходится почти постоянно топить печку, кипятить чай, стряпать, варить, жарить. Если бы утром она проспала или днем проканителлась, плохо пришлось бы целой бригаде.

Мама не только кормит, но и одевает всех нас. Шьет кукашки, кухлянки, плеки и рукавицы. Одежда и обувь у пастухов быстро изнашивается, мех вытирается, потому что они много ходят и бегают. Маме приходится часто шить. Она и белье стирает на всю бригаду.

Еще мамина забота — ставить нимэ, дом, в котором мы живем. В городе или в селе дом построят, и он стоит на одном месте, пока не постареет. А наш — непоседа, кочевник, разгуливает по тундре. Почему?

Тут дело в оленях. Пастух следит за ними, чтобы все были вместе, целы и здоровы, смотрит, как они кормятся. Важно, чтобы олени не вытоптали весь ягель. Он растет очень долго: пять-шесть лет, хотя высотой бывает не больше моего среднего пальца. Олени поели-пощипали на одном месте два-три дня, и нужно перегонять их отсюда. Если проворонишь, стадо вытопчет ягель, не будет корма, значит, не будет и оленей. А в тундре без них не проживешь.

Вот почему каждые два-три дня пастухи пере-

гоняют стадо. Передвигается и их дом. Нимэ разбирают всякий раз и перевозят на нартах. Когда приезжают на новое место, вся бригада собирает нимэ, а мама командует. Она главная.

Сперва втыкают в снег главную треногу высотой с нимэ. Вокруг нее втыкают маленькие двуноги. Вершины их соединяют между собой, привязывая жерди от одной к другой, и прикрепляют к треноге. Получается круглый островерхий каркас. На него набрасывают ровдугу: полотнище, сшитое примерно из тридцати оленьих шкур. Крепко привязывают ровдугу к жердям во многих местах, чтобы ветер не сорвал ее, чтобы холод не пробрался внутрь.

Вот каков мамин нимэ.

Вам, наверное, забавно: дом из меха и жердочек, какой-то непрочный, несерьезный? Ошибаетесь, очень серьезный. Войдите в нимэ. Чувствуете, как тепло? Печка греет, а меховая ровдуга не пропускает холод снаружи. К ночи усилится мороз, ветер завоет, но огонь в печке спорит с ними: гудит, дрова трещат, наши щеки пылают ярко.

Нимэ придуман тундровиками очень-очень давно. С тех пор постепенно люди создали технику, разные стройматериалы, и постоянно совершенствуют их. А вот как изменить дом в тундре, им не приходится думать, потому что лучше жилища для тундры нет. «Нечего зря голову ломать, — так говорит мама и добавляет: — От добра добра не ищут».

Теперь вы знаете, какой у нас дом. И, наверное, сами догадались, почему мы называем его «мамнин нимэ»? Потому что мама в нем главная. Все пастухи в бригаде тоже говорят: «мамнин нимэ». Они и маму зовут не Аннэ, а как я, тоже «мама». Она мама для всей бригады.

Пока я рассказывал вам, пришли два пастуха с дежурства. Мама стала их кормить, а мне велела идти спать. Я не спорю, честно говоря, я устал.

Иду в свой полог: это уголок нимэ вроде маленькой спальни. Стены — оленьи шкуры. Кровати нет. Дом разборный, передвижной: мебель была бы лишней тяжестью для оленей и собак. Но на чем же вы спите? — спросите вы. Объясню. На снежный «пол» набрасывают много тальника или ерника, сверху кладут оленьи шкуры грубой кожей-мездрой вниз. На них стелют несколько шкур, уже мягких, мятых, шерстью наверх. Если уткнуться в шкуру лицом, будет щекотно, зато очень тепло. Вот вам и кровать. Вместо одеяла у нас меховой спальный мешок. «Кукуль» называется.

Забираюсь я в свой кукуль. Он стал мне немного мал. Пока мой кукуль кочевал с папой и мамой без меня по тундре, я подрос. Ничего, завтра мама надставит его, сделает длиннее, чем я. Мы с кукулем соревнуемся, кто быстрее вырастет. Сейчас, возвратясь на каникулы, я его обогнал.

У папы и мамы свой полог. И у других пастухов тоже.

Я лежу в кукуле, немного поджал ноги в коленях. Мама целует меня:

— Пусть сон будет теплым, — говорит и ухо-

дит в свой пуори. Это хозяйственная часть нима. Там держат посуду и хранят продукты. Мой полог мама не закрывает. Мне все видно. В пуори горит свеча. Мама снова подбрасывает дров в печку. Варит мясо пастухам на завтрак. Она видит, что я не сплю. Приходит ко мне. Садится рядом с шитьем в руках. При свете свечи вышивает бисером подол своего магила, шубы.

Бабушка Ланха рассказывала мне, что у юкагиров издавна было так заведено. Мужчины старались делать вещи прочными и легкими. Похвалу заслуживал тот, у кого нарты можно было поднять одной рукой, а тяжесть они выдерживали большую и служили долго. Хвалили того, у кого была самая старая курительная трубка, или рукоятка ножа, или рукоятка прикола. Все это делалось из оленьих рогов. Главное было — прочность и легкость изделия.

А у женщин, кроме этого, ценилась еще красота. Если до вещи дотрагивались женские руки, то она должна быть украшена. меховую одежду, обувь, сумки, постромки оленьей упряжи укра-

шали бисером или аппликацией: узорчато нашивали кусочки меха или замши. Вещь получалась очень нарядной. Но, конечно, красота давалась долгим, кропотливым трудом. Иногда уходило несколько лет на то, чтобы расшить бисером подол магила. Женщина могла заниматься рукоделием только по вечерам, когда закончит все другие дела.

Бабушка Ланха рассказывала мне, что в старину бисер мог говорить. Смотришь на узор по подолу магила, и он скажет тебе, какой год был сытным, какой голодным. В сытный бисеринки мелкие, яркие, заплетаются в затейливый, веселый узор. А в голодный бисер грубей, крупней, ложится на магил рисунком попроще и строже. Не на что было купить хороший, дорогой бисер. Не было радости на душе. Иногда и силы оставляли, тут уж не до рукоделия.

Нынче бисер говорит о новой жизни северян. Нарядятся женщины в праздничную одежду — одно загляденье. Как будто вышли из сказки снежные красавицы.

Продолжение следует

ПОБЕДИ СЕБЯ ВЧЕРАШНЕГО

Он спускался на лыжах с массива Уинсон в Антарктиде, Мак-Кинли в Северной Америке, Килиманджаро в Африке, Эвереста в Азии, Эльбруса в Европе... В его глаза не раз заглядывала смерть. Белая и холодная как снег и столько раз уже казавшаяся неотвратимой, как падение на крутом обледенелом склоне... Юихиро Миура, японский альпинист и горнолыжник, человек-легенда, знает цену риска.

Недавно вместе со своей семьей — тремя уже взрослыми детьми и 82-летним отцом — он побывал в нашей стране. Здесь Миура присоединил к коллекции покоренных вершин еще одну — Эльбрус.

— Меня порой называют суперменом, но это не так, — говорит Миура. — Я знаю, что такое страх. Боясь нелепых, глупых случайностей, против которых бессилён. Но опасность всегда, испокон веков влекла человека. Однажды, совершая спуск с Фудзиямы, самой высокой горы Японии, я подумал о том, что на шаткой грани между жизнью и смертью чело-

век стремится смотреть своей судьбе прямо в глаза. В эти моменты на грани возможного и невозможного удается по-настоящему, полной мерой оценить то, что все мы имеем: жизнь.

Отправной точкой становления своего характера, себя как человека он считает следующий эпизод. На международных соревнованиях по скоростному спуску в небольшой итальянский городок Миура приехал буквально за несколько часов до старта. Естественно, трассу толком опробовать не успел. Многие горнолыжники с удивлением и недоверием смотрели на него: нельзя пройти столь сложный маршрут «с листа».

Миура разогнался. Скорость была высока, и он не справился с ней на незнакомой трассе. Упал, кубарем полетел вниз. Небо и снег смешались в одну ослепительно-белую полосу, мелькавшую перед глазами.

«Кончено», — подумал Миура, увлекаемый силой тяготения и инерции. Неимоверным усилием воли все же заставил себя затормозить, подняться и продолжать спуск. Вновь упал.

Он падал трижды. И каждый раз, когда поднимался после падения, итальянский комментатор кричал в микрофон: «Смотрите, Миура еще жив».

Дело в конечном счете не в том, что тогда в Италии Юихиро Миура занял шестое место и установил своеобразный рекорд — скорости падения. И даже не в том, что он счастливо отделался лишь парой синяков. Именно в тот день, падая и вставая, вновь падая и вновь поднимаясь, Миура понял, что скоростью можно управлять. Просто не надо ее бояться. И еще надо уметь рисковать.

С тех пор он совершил множество спусков с самых различных вершин. В том числе — с Эвереста.

Профессиональные альпинисты смеялись над ним. Говорили: ты даже не доберешься туда, парень. Не выдержишь там, даже если туда тебя закинут на дирижабле. Там сильные ветры, там от одной высоты можно загнуться. Там сам пейзаж в своем безжизненном величии может свести с ума.

Миура начал готовиться к экспедиции.

По японскому обычаю лучшее время начать любое дело — полночь. Когда ясная луна выходила из-за туч и ее отражение начинало дрожать и дробиться в морских волнах, он покидал хижину на берегу моря, в которой поселился, и начинал многочасовую пробежку по вязкому и влажному песку. Он бежал до тех пор, пока луна не начинала бледнеть. Тогда он возвращался в хижину и засыпал глубоким тяжелым сном. Потом вставал и готовил себе немудреный — или, наоборот, мудреный — завтрак. Сырая картошка, перетертая с сыром, яйцом, водорослями и бананом. Чтобы было не так противно есть

это месиво, Миура заправлял его соевым соусом и выпивал залпом. Он совсем отказался от мяса, чтобы его мышцы стали гибкими, как у обезьяны, которая раскачивается на дереве.

Шаг за шагом шел он по выбранному пути, все ближе подходя к заветной цели — седой вершине древней горы, которая ни днем, ни ночью не оставляла в покое его воображение. Он упрямо тренировал свое тело и свой дух, говоря себе: «Каждый день ты должен побеждать себя вчерашнего. И тогда ты одержишь победу над многими препятствиями, которые до сего дня казались непреодолимыми».

Ночь с 5 на 6 мая 1970 года Юихиро Миура провел на высоте более чем 8 тысяч метров — выше всех на земле. На такой высоте люди не спят — дремлют. Миура долго не мог задремать, смотрел в темноту, вспоминал свою жизнь и думал о том, что зря не взял с собой в горы кассету с записью своего любимого Второго концерта для фортепиано Рахманинова. Он выпил снотворного. Уже засыпая, думал о том, что воля его крепка, как камень, и мускулы его сильны. Человек не может подвести сам себя, думал он. Его могут подвести обстоятельства. Или техника, снаряжение — лыжи, парашют, с помощью которого Миура должен был в нужный момент затормозить. Он крепко верил в твердость своих рук, в зоркость своего глаза, в четкую работу сердца, в непреклонность своей воли. Он твердо знал, что не надо бояться смерти на верной и сознательно выбранной дороге. Пусть даже эта дорога не будет пройдена до конца. Гораздо больше надо бояться жизни, прожитой день за днем

в лени, бездействии, праздности.

Через несколько минут после начала спуска, когда скорость была уже достаточно высока, он потянул за кольцо парашюта. Парашют раскрылся, но скорость не снижалась. Случилось то, чего больше всего боялся Миура: подвела техника. Ветер стелился по склону, и парашют болтался сзади, как тряпка. Миура повернул направо, чтобы сбавить скорость, никакого эффекта. На лево — то же самое. Он начал просто-напросто падать. Он не знал, сколько минут летел по ледяному склону. Он знал, что у него есть в запасе только один, один-единственный шанс выжить: попасть на полосу снега. Миура на всякий случай уже машинально подергал за кольцо парашюта — и смирился.

Полоса снега. Он начал тормозить.

— Никогда больше я так не любил жизнь, как тогда, когда ехал с Эвереста, — сказал мне Юихиро Миура.

— Я давно мечтал побывать в Советском Союзе, — рассказывает Миура. — Много читал о вашей стране. И вот, наконец, мечта моя осуществилась. Дирекция международных альплагерей Госкомспорта СССР предоставила мне возможность совершить экспедицию на Эльбрус. Я искренне благодарю за оказанную мне и моим товарищам помощь и поддержку со стороны советских альпинистов Дайниса Макаускаса и Алексея

Москальцова. Восхождение на Эльбрус было не из легких. Нам не слишком повезло с погодой — дул сильный, временами почти штормовой ветер. Но Дайнис и Алексей — очень умелые, опытные альпинисты, они четко следовали маршруту, и рядом с ними все мы, члены японской команды, чувствовали себя уверенно, в безопасности. Я надеюсь, что еще не раз встречусь с советскими альпинистами, не раз совершу восхождение на Эльбрус.

Сейчас Юихиро Миуре 51 год. В списке покоренных им самых высоких вершин континентов земли осталась одна незаполненная графа — Аконкагуа в Южной Америке. После того, как и эта вершина покорится ему (хочется в это верить), он наконец успокоится и перестанет испытывать судьбу.

— Я являюсь директором спортивной школы в Саппоро, — говорит Миура. — Когда покину спорт, то обязательно всецело посвящу себя воспитанию детей. В наше время в Японии ребят очень много заставляют учиться, дают им такие огромные умственные нагрузки, что ребенок не может, у него просто нет времени голову поднять от учебников. Дети совсем не занимаются спортом, не знают природы, не понимают ее, не умеют разговаривать с ней. У себя в школе я мечтаю совместить эти три понятия — науку, природу и спорт. Человек должен развиваться гармонически, всесторонне,

Оксана Полонская

Раздел ведет
кандидат
физико-математических наук,
доцент
В. В. Лаптев

КОМПЬЮТЕР: ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

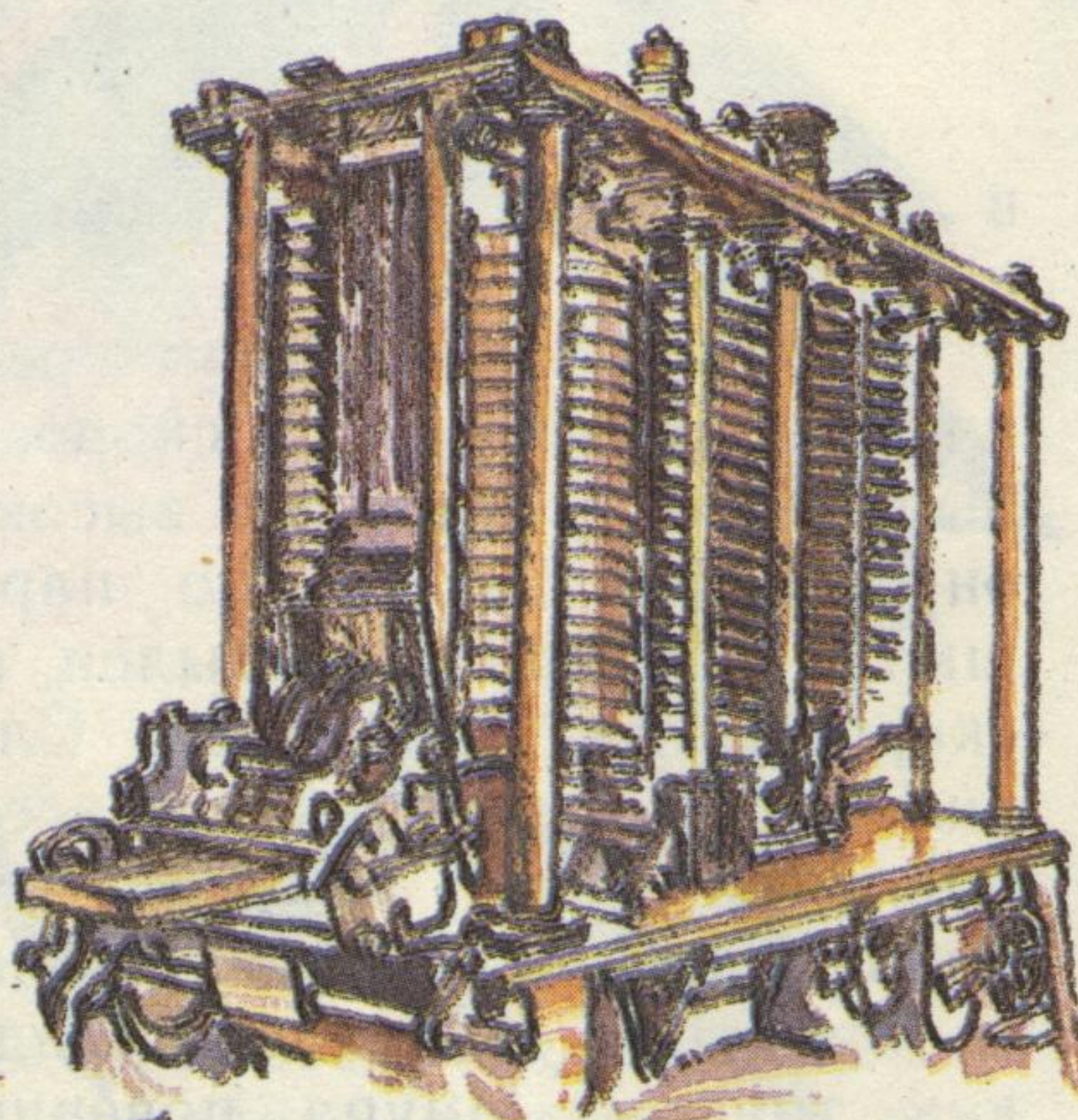
НЕМНОГО ИСТОРИИ

Люди учились считать, используя собственные пальцы. Когда этого оказалось недостаточно, возникли простейшие счетные приспособления. Большое распространение в древнем мире получил абак.

Абак — разлинованная столбцами дощечка или просто столбцы на песке с присвоенными им значениями разрядов чисел: разряд единиц, разряд десятков, сотен, тысяч и так далее. Числа обозначались набором камешков, раскладываемых по различным столбцам-разрядам. Добавляя или убирая из соответствующих столбцов то или иное количество камешков, можно было производить сложение или вычитание и даже умножение и деление как многократное сложение и вычитание.

Эта машина могла бы быть прообразом современного компьютера, если бы... когда-нибудь действовала. Ее называли аналитической машиной, а ее конструктором был английский математик XIX века Чарльз Бэббидж. Аналитическая машина должна была производить расчеты и печатать на бумаге их результаты, но никогда этого не делала. Техника того времени была не в состоянии воплотить идеи Бэббиджа. Зато сегодня они во многом реализовались в современных компьютерах.

Аналитическая машина XIX века

АБАК

$$1301 + 11 = ?$$

КОМПЬЮТЕР СЕГОДНЯ

Компьютер — это слово английское. Современный электронный компьютер и электронно-вычислительная машина (ЭВМ) — одно и то же. Однако непосредственно вычисления — лишь малая часть того, что может делать компьютер. Вычисления для компьютера это скорее способ, которым он незаметно для нас пользуется при игре в шахматы, сочинении музыки или стихов, рисовании смешных человечков или черчении сложных схем.

Компьютер сегодня — это своего рода станок, но станок особый, обрабатывающий не дерево или металл, а информацию. Если станок для работы требует заготовку, то компьютер для того же должен получить от нас информацию, называемую данными, инструкции о том, что с этими данными делать (программу) и команду на начало работы. После этого он очень быстро сообщит нам о результатах обработки данных по программе.

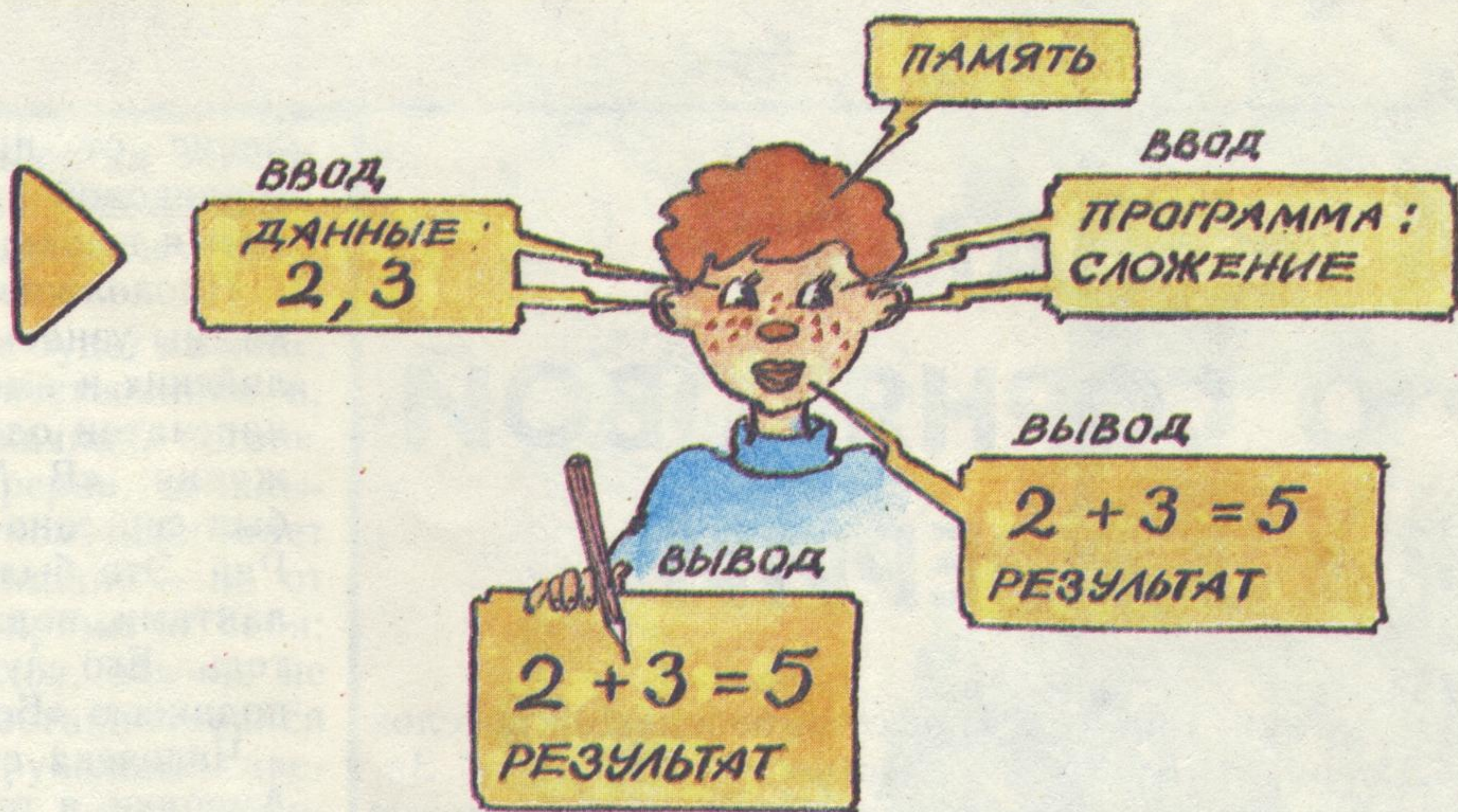

Работа компьютера во многом похожа на мыслительную деятельность человека. Что делает человек, чтобы, например, к двум прибавить три?

Прежде всего он получает информацию об этих цифрах. Иначе, как он узнает, что они два и три, а не семь или пять. Цифры запоминаются в памяти. Туда же в память должна попасть и инструкция о правилах сложения. Ее в нашу память ввели на уроках арифметики в первом классе. О результате сложения мы можем сказать словами или написать его на бумаге.

Таким образом, у человека есть устройства для ввода и вывода информации. Есть они и у компьютера.

Это один из самых современных компьютеров. Внутри него с огромной скоростью осуществляется процесс обработки информации, поступающей с клавиатуры. Вводимые человеком с клавиатуры данные, программы, а также результаты обработки данных по программам выводятся на экран дисплея. Этот компьютер обрабатывает данные о комете Галлея, полученные с советской межпланетной автоматической станции «Вега».

Совмещенные с микрокалькулятором электронные часы на руке оператора ЭВМ — это тоже компьютер, но не универсальный, а строго специализированный. Он предназначен для повседневных математических расчетов, индикации времени и его различных наперед заданных моментов и интервалов.

А так выглядит другой маленький специализированный компьютер «Электроника СП», предназначенный для работы в качестве электронного словаря-переводчика. Достаточно ввести с клавиатуры слово на английском или, например, немецком языке и дать команду на перевод, как тут же индикатор электронного переводчика высветит его русское значение.

Специализированный микрокомпьютер спрятан и внутри электронных шахмат. Именно компьютер будет вашим партнером по игре в них, и именно ему вы проиграете, если ваша шахматная квалификация оценивается хуже, чем вторым, а то и первым разрядом.

Продолжение следует.

ПАМЯТЬ О СОРНЯКОВОЙ ПРЕРИИ

Англия, 1865 год. Навестим небольшой поселок Джерардз Кросс в окрестностях Лондона. Заглянем в книжную лавку. И посмотрим новые цветные литографии, недавно поступившие в продажу. Вот этот рисунок сразу привлекает внимание: на нем изображен красивый черный конь со всадником. На всаднике развевается широкий плащ, ноги вдеты в стремяна... но где же его голова?!

Нам попала иллюстрация к новому роману Майн Рида. Вряд ли нужно добавлять, что этим романом является знаменитый «Всадник без головы».

Литографию и саму книгу можно было приобрести в любом уголке Англии. Почему нас заинтересовал именно Джерардз Кросс? Вступив в разговор с хозяином лавки, мы бы узнали, что автор романа Майн Рид — это тот самый джентльмен, который построил в Джерардз Кросс свой загородный дом, нечто экзотическое, с внутренним двориком и фонтаном, с плоской крышей, обнесенной парашетом...

Не имеет смысла описывать здесь особенности данного сооружения. Его подробное описание сделано самим Майн Ридом — во «Всаднике без головы», в той главе, которая называется «Касадель-Корво». Каса-дель-Корво — дом на излучине — это имение техасского плантатора Пойндекстера, типичная для тех мест мексиканская асиенда.

Вот оно что! Среди краснокирпичных английских домиков, крытых черепицей, Майн Рид построил себе мексиканскую асиенду, свое Каса-дель-Корво. Среди аккуратно распаханых полей английского Бакингемшира он писал о бескрайних, свободных пространствах американской прерии...

...Путь Мориса и Луизы лежал через равнину, известную в Техасе как сорняковая прерия. Так окрестили ее первые поселенцы.

Мустангер Морис Джеральд спросил свою спутницу:

— Нравится ли вам здесь?

И Луиза Пойндекстер, дочь богатого плантатора, привыкшая к роскоши, ответила, что видит перед собой самое чудесное в мире: зеленую траву, цветы, деревья, и в этом краю ей хотелось бы жить и умереть.

Героиня книги высказала то, что было в мыслях у самого писателя: живя в цивилизованной, застроенной домами и заводами Англии, он помнит годы своей молодости, проведенные в Техасе и Луизиане, он тоскует по равнинам, которые, в от-

личие от пионеров — поселенцев, именуется не сорняковой прерией, а райским садом, посаженным и выращенным самой природой.

Продолжив разговор с хозяином книжной лавки, мы узнаем такую неожиданную деталь: в английских и американских газетах за 1847 год был напечатан однажды некролог следующего содержания: «В Мексике при взятии Чапультепека был серьезно ранен и вскоре умер от ран Майн Рид. Это был человек, обладающий многими талантами, подающий большие надежды как писатель. Его лучшие произведения появлялись за подписью «Бедный школяр»...»

Человека считали убитым еще в 1847 году, в Америке, а теперь мы встречаем его здесь в Англии, в Джерардз Кросс, восемнадцать лет спустя! В чем дело?

За объяснениями обратимся к самому Майн Риду. В его воспоминаниях можно встретить описание того боя за Чапультепек: «На полдороге до бастиона я увидел, что на парашете сгрудились артиллеристы в темно-синей униформе с бордовой оторочкой, у каждого, в руках был мушкет и, как мне показалось, все они целились в меня одного. Залп прозвучал как единый выстрел; я спасся от пуль, бросившись на землю. В следующий миг я снова был на ногах и устремился к бастиону; когда я карабкался по лестнице, ружейная пуля раздробила мне бедро, и я упал в ров...»

Газетные сообщения о смерти Майн Рида, вступившего добровольцем в американскую армию и воевавшего в чине капитана, оказались неверными. После ранения Майн Рид оставил службу. Но с тех пор он перестал подписывать свои статьи и стихи псевдонимом «Бедный школяр», и все его романы выходили за подписью капитана Майн Рида. Кстати, а почему «Школяр», да еще бедный? Томас Майн Рид родился в Ирландии, в семье священника. Родители определили сына в духовный колледж, мечтая сделать Томаса служителем церкви. Но в колледже Томас предпочитал теологии спортивные состязания и древние языки. Впоследствии он так писал о своем недолгом ученичестве: «Сухая теория, которой меня обучали, не имела применения в реальной жизни. Страстное желание путешествовать владело мной». И он — недоучившийся школяр — отправляется в Америку.

За свою жизнь Майн Рид побывал во многих местах. Но одно из них привлекло его сильнее, чем все остальные, — пустынная прерия Техаса. Воспоминания о ней согревали его в каменном Лондоне; эти воспоминания порой мучали: он жил так далеко от любимых мест! И свой лучший роман — «Всадник без головы» — Майн Рид написал именно о ней, о прерии, о ее травах и цветах, о ее людях.

Герои книги Морис Джеральд и Луиза Пойндекстер встретились в прерии и полюбили друг друга. Это вызвало ненависть отставного капитана Колхауна: он был уверен, что Луиза предназначена ему! Колхаун нанимает платного убийцу, чтобы тот покончил с ирландцем Морисом. Кроме этого, Кассий Колхаун натравливает на Мориса и Генри Пойндекстера, брата Луизы. Генри исче-

зает. Отряд из форта, отправившийся на поиски, сталкивается на лесной просеке с наездником, в фигуре которого что-то уродливое, жуткое... У всадника нет головы!

Читателю не терпится узнать, что будет дальше, но писатель вдруг прерывает повествование и, как будто загрузив и забыв о скачках, погоне, индейцах, снова обращается к прерии, оглядывается вокруг, дышит чистым воздухом, поднимает глаза к небу... И раздаётся признание — не от имени героев, а от первого лица, прямо от себя: «Я видел, как неграмотный зверолов, обычно не замечающий никакой красоты, останавливался посреди сорняковой прерии и, окруженный цветами, которые касались его груди, долго любовался чудесными венчиками, колышущимися на бесконечном пространстве, и сердце его становилось более отзывчивым».

В 1870 году старая рана дала знать о себе — капитан Майн Рид оказался в больнице. Он был в тяжелом состоянии. Друзья писателя получили срочные телеграммы: «Майн Рид умирает». Подготовились к погребению и кто-то даже написал некролог, уже второй в его жизни. Врач и две медсестры стояли над кроватью, на которой лежал в бреду, без сознания Майн Рид. Вдруг он приподнялся и воскликнул: «Сейчас же уберите отсюда этих двух ведьм, которые причитают над человеком, думая, что он умрет. Я не собираюсь умирать!»

Он прожил после этого еще тринадцать лет, работая над новыми книгами, разводя овец — скрещивая валлийскую породу с мексиканской, выращивая картофель — экспериментируя с мексиканскими сортами. Майн Рид умер 22 октября 1883 года — в Англии, вдали от Мексики, вдали от техасских прерий. В газетах появилось сообщение — увы, на этот раз писалась правда: Майн Рид ушел из жизни.

«Каждый школьник и каждый, кто был когда-то школьником, опечалится, узнав о смерти капитана Майн Рида. Разве можно забыть эти славные поездки по мексиканским равнинам! Мы неслись галопом, сидя на мустанге, — поездка на обыкновенной лошади была бы лишена привлекательности и романтики. Достаточно прочесть одни названия его книг, чтобы у вас забилося сердце».

Среди этих названий «Морской волчонок», «Юные охотники», «Вольные стрелки», «В джунглях Южной Африки», «Оцеола, вождь семинолов»... и, конечно, «Всадник без головы» — он выделяется из всего написанного Майн Ридом. И причина этого успеха, наверно, в том, что кроме удивительной фантазии в книге так много своего, личного, пережитого им самим.

На лондонском кладбище Кенсол Грин можно увидеть надгробие в виде необработанной мраморной глыбы. На мраморе вырезаны скрещенные перо и шпага. И строки из романа «Охотники за скальпами»:

«Это сорняковая прерия;
Ее назвали так по ошибке,
Она — райский сад».

К. ВАСИЛЬЕВ

В ЗАМКЕ КАТО

РЕПОРТАЖ
СО СЪЕМОЧНОЙ
ПЛОЩАДКИ

Школьники из Лондона Николас Пиккард и Кристиан Бейл сыграли главные детские роли в новом советско-шведском фильме по сказке Астрид Линдгрен «Мио, мой Мио», который снимает на Центральной студии детских и юношеских фильмов режиссер Владимир Александрович Грамматиков.

Сторож открыл тяжелую дверь кинопавильона, и принц Мио вошел в замок рыцаря Като. На плечах Мио старый плащ. Но когда полы его разлетаются, можно увидеть бле-

стящую серебристую ткань внутри. В замке никто не знает, что плащ Мио — волшебный. С его помощью принц может стать невидимым. Принц поднял глаза, и тонкие брови его сурово сдвинулись. Над зеркалами висит огромный портрет Като. Черный рыцарь стоит, опираясь обеими руками на свой тяжелый меч. Пронзительные глаза на бледном лице смотрят грозно и надменно. Като все боятся в волшебной стране. Все — кроме принца Мио. Принц пришел в замок, чтобы сразиться с ним.

Внезапно принц чихнул и широко открыл глаза. Над головой и вокруг плыли клубы дыма. Взрослых дым скрывал только до пояса, а Николаса-Мио — с головой. В дыму скользящей походкой появился и исчез пиротехник. А вместо пиротехника из дымной завесы появился каскадер. Каскадер учил Николаса владеть тяжелым мечом.

После съемки мы разговорились с юными актерами. Николасу Пиккарду десять лет. Он учится в специализированной театральной школе в Лондоне.

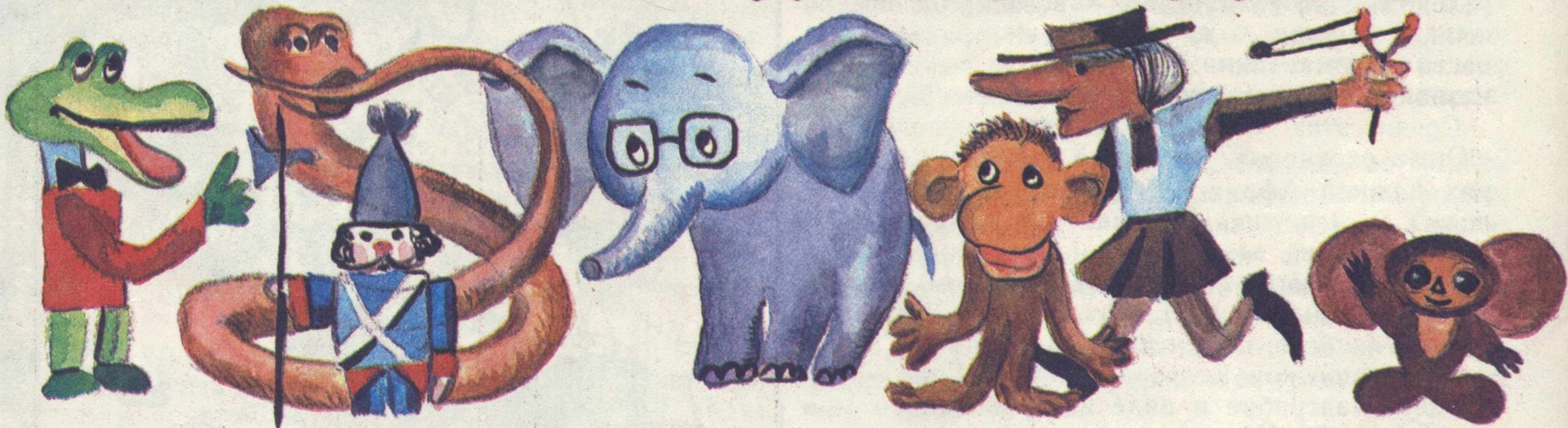
— Я бы не сказал, что учусь очень хорошо, — честно признается Николас. — Я знаю, у вас в школах оценки ставят в баллах — один, два, три, пять. А у нас по системе «а», «б»,

«в», «г», «д», «е», «ф», «г», «и», «к», «л», «м», «н», «о», «п», «р», «с», «т», «у», «в», «з», «и», «е», «ц». Преподаватели используют для оценок все буквы алфавита. Я получаю высшую оценку — «а» — по французскому, по математике, иногда по английскому. Если вообще ничего не соображаешь, можно получить и «зет». Кроме обычных предметов, у нас преподают речь, движение, танцы, фехтование. Может быть, эти занятия помогли мне пройти пробы на главную роль в советском фильме.

Кристиан Бейл на год старше Николаса. Ему одиннадцать. Он играет верного друга принца Мио — честного и благородного Юм-Юма.

— В Лондоне я учусь в актерской студии «Пайнфайл». В школе Николаса учиться немного легче. В нашу студию принимают только отличников. Надо, чтобы по всем предметам у тебя было «а». «Актер обязательно должен быть умным», — говорит руководитель нашей студии миссис Гейтс. В студии мы занимаемся по русской системе Станиславского, и я стараюсь использовать уроки. У нас с Николасом много друзей. Но самые главные — Сережа Спицын и Владимир Лузянин, которые снимаются вместе с нами. Мне бы очень хотелось, чтобы фильм, в котором мы снимаемся, понравился советским ребятам.

КУКОЛЬНИК И ЕГО КУКЛЫ

Каждое утро на Старом Арбате появляется худощавый элегантный человек. Свернув с Арбата в Старопесковский переулок, он исчезает за тяжелой деревянной дверью с табличкой: «Кукольное объединение».

Прижав носы к стеклу шкафа, его с нетерпением поджидают Крокодил Гена и Чебурашка,

акробат Тибул и девочка Суок, Петя и Волк, самый маленький гном и лошадь, которая мечтала стать актрисой.

Кукольник включает свет и по очереди берет кукол на руки. Зовут его Олег Пантелеймонович Масаинов. Вот уже тридцать лет мастерит он кукол-актеров для фильмов студии «Союзмульт-

фильм» и прекрасно знает, на что каждая из них способна. Что такое? Мюнхгаузен заболел! Барон лежит на игрушечной постели и усы его печально свесились до самого полу. Причина? Полное отсутствие приключений. Усмехнувшись, кукольник сажает печального Мюнхгаузена себе на плечо и отправляется в мастерскую.

Сегодня все в мастерской хлопочут вокруг короля из новой сказки «Подземный бал». Королю вылепили голову, вставили в туловище подвижные шарниры, так что его величество может крутить головой, сгибать руки и ноги и важно разгуливать по столу.

А пока Кукольник несет Мюнхгаузена в соседний павильон. Они попадают в настоящую пеще-

ру. В очаге горит огонь. Здесь живут герои нового двухсерийного фильма «Кошка, которая гуляла сама по себе». В фильме появился современный мальчик, которому кошка рассказывает о доисторических временах, о лесах и озерах, о зверях и птицах.

В степи недалеко от пещеры разгуливает лошадь. С потолка павильона спускается ткань, на которой искусной рукой художника нарисованы холмы и дали дикой природы. Тонкая ткань слегка колеблется, свежий ветер с холмов треплет гриву лошади, волосы Кукольника, надувает рубашку Мюнхгаузена.

— Ура! — кричит Мюнхгаузен, размахивая руками. — Приключения продолжаются!

«СОЛНЫШКО» ИЗ АЗОВА

Жили-были два гномика. Однажды у них сломались часы. Были они не простые, а волшебные и показывали не минуты и секунды, а времена года. Конечно, гномики больше всего любили солнышко. Во-первых, потому что оно теплое. А во-вторых, потому что так называется детская мультстудия Дворца пионеров города Азова, где гномиков нарисовали и сняли в кино.

Ребята из «Солнышка» считают, что в мультфильме мож-

но рассказать буквально обо всем. В этом с ними абсолютно согласен руководитель студии Александр Васильевич Цибулин. Недавно студии сняли многосерийный фильм о приключениях первобытного человека «Приключения Чарли». Рисунки к этому фильму сделала Наташа Соколова. А Андрей Макарец нарисовал и снял фильм «Кто придумал колесо». Сегодня мы предлагаем вам посмотреть рисунки к мультфильму о гномах.

«СКВОРЕЧНИК» И «ЭХО»

В Варшаве состоялся IV фестиваль детских и юношеских любительских фильмов. Свои работы в Варшаву привезли юные кинолюбители из Венгрии, ГДР, Советского Союза, Чехословакии и Австрии. Первое место было присуждено советскому фильму «Скворечник» детской киностудии

«Ромашка» Дворца культуры Сегежского целлюлозно-бумажного комбината. Второе место тоже у советской картины — «Эхо», которую снял пятнадцатилетний Валерий Афонин из рязанской народной киностудии «Волна». Об этих фильмах мы расскажем в ближайших выпусках клуба.

Выпуск подготовила И. ЕРЬКАЛОВА

ЗВУК СИРЕНЫ НАД МИРНЫМ ГОРОДОМ

Борис НИКОЛЬСКИЙ

Рисунки Б. Чупова

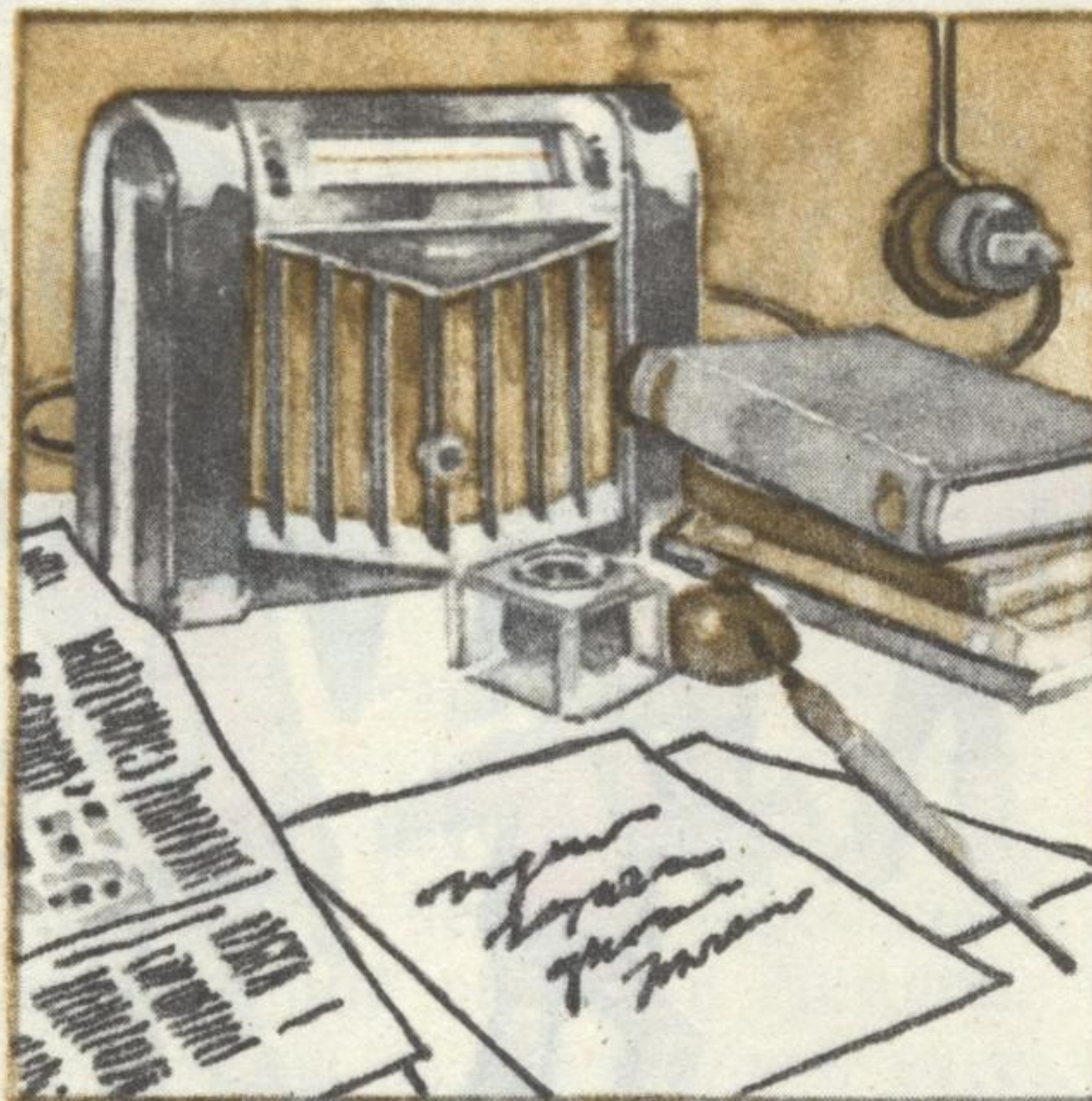
Так случилось, что один из самых первых своих рассказов я написал под впечатлением известий, приходивших в то время с Корейского полуострова — тогда, тридцать с лишним лет назад, там полыхала война. Войну эту развязал тогдашний диктатор Южной Кореи Ли Сын Ман и его заокеанские покровители. Народ Северной Кореи храбро сражался против агрессоров. Война шла очень тяжелая, беспощадная. Многие города и села Кореи лежали в развалинах, тысячи людей гибли под бомбами и снарядами.

В те годы я был еще совсем молодым человеком, студентом-второкурсником, и трагические события, сотрясавшие Корейский полуостров, волновали меня и моих товарищей. Мы жадно вчитывались в сообщения об упорных боях, которые вела Корейская Народная Армия, с тревогой и волнением вслушивались в голоса дикторов, читавших по радио последние известия. Вот тогда-то — если не ошибаюсь, всего за один вечер — я и написал рассказ. Хорошо помню, как это было, помню тот первый толчок, тот непосредственный повод, который побудил меня взяться за перо.

Я учился в Москве, но время от времени приезжал домой, в Ленинград, и в такие дни особенно любил вечерами бродить по городу. Однажды, поздней осенью тысяча девятьсот пятидесятого года, я шел по набережной Фонтанки. Дул сильный порывистый ветер, то и дело начинал моросить дождь. Я вышел к автобусной остановке, и, пока ждал автобуса, внимание мое привлекла газета, вывешенная тут же рядом, на стенде.

При неровном свете уличного фонаря на уже успевшем

намочнуть газетном листе я увидел фотографию — на ней были изображены тела корейцев, которых настигла смерть: женщины, дети, старики... Изуродованные лица, сведенные последней судорогой руки... Конечно, я и раньше встречал в газетах подобные фотосним-

ки, но отчего-то именно эта фотография — которую я увидел на мокрой газетной бумаге, под дождем, при колеблющемся, словно бы тревожном свете фонаря — меня потрясла особенно.

Тогда, разумеется, я еще не знал, что мне, да и не только мне, а и всем людям Земли, еще предстоит в последующие годы с ужасом и содроганием вглядываться в десятки подобных же фотографий — только сняты они будут уже не на полях Кореи, а в деревнях Вьетнама, в городах Гренады, Ливии, Ливана... Сделанные в разных местах, в разное время, они будут свидетельствовать о том, что повадки американского империализма и его приспешников не меняются с годами, они остаются все теми же — бесчеловечными и жестокими.

А в тот дождливый, ветренный вечер я еще долго стоял, потрясенный, возле газеты и потом, вернувшись домой, попытался тут же на бумаге рассказать о своих переживаниях, о той боли, которой отдалась эта газетная фотография в моем сердце. Впрочем, настоящего рассказа у меня не получилось, скорее это был лишь черновик, набросок... Но тот вечер и испытанные мной чувства сострадания, гнева, горечи остались в моей памяти навсегда, на всю жизнь.

В те дни я не догадывался, не мог предположить, что пройдут многие годы и мне самому доведется побывать в Корейской Народно-Демократической Республике, доведется своими глазами увидеть и те места, где некогда шли бои, и новые высотные дома Пхеньяна, поднявшиеся там, где громоздились руины, и военно-демаркационную линию, которая рассекала страну на две части...

ДВОРЕЦ ДЛЯ НАРОДА

Когда меня спрашивают, что мне больше всего понравилось в Пхеньяне, что произвело самое яркое впечатление, я без колебаний отвечаю:

— Народный Дворец учебы.

Об этом Дворце я услышал уже в самый первый день нашего пребывания в Пхеньяне. Мы катили на легковой машине из аэропорта к гостинице, путь наш пролегал по широкой и чистой центральной улице. И вот тогда-то наш гид-переводчик, студент университета, совсем еще молоденький симпатичный парнишка, в характере которого приветливость и дружелюбие соединялись с застенчивостью, торопливо проговорил, кивнув куда-то вправо:

— А вот это Народный Храм учебы. Сюда я хожу заниматься по воскресеньям.

Из окна машины я успел разглядеть изящное и одновременно величественное здание, обликом своим напоминавшее древнюю пагоду. Крытое голубой черепицей, огромное, оно тем не менее казалось удивительно легким, словно бы парящим невесомо в прозрачном воздухе.

— По-русски лучше будет сказать: Народный Дворец учебы, — поправил гид, для верности заглянув в путеводитель. По-видимому, он еще не очень уверенно владел русской разговорной речью и поначалу словно бы примеривался к каждому слову, прикидывал, каким лучше воспользоваться. Он явно волновался, опасаясь: вдруг мы его не поймем или поймем неверно. — Да, да, — повторил он, — так будет правильно: Народный Дворец учебы.

После обеда мы отправились в поездку по городу, и опять путь наш пролегал по центральной улице, и опять гид старательно выговорил:

— А это Народный Дворец учебы.

И потом, сколько бы мы ни проезжали мимо этого примечательного здания — а проез-

жали мимо него мы довольно часто, — он каждый раз не без гордости пояснял:

— А это Народный Дворец учебы. Я здесь занимаюсь по воскресеньям.

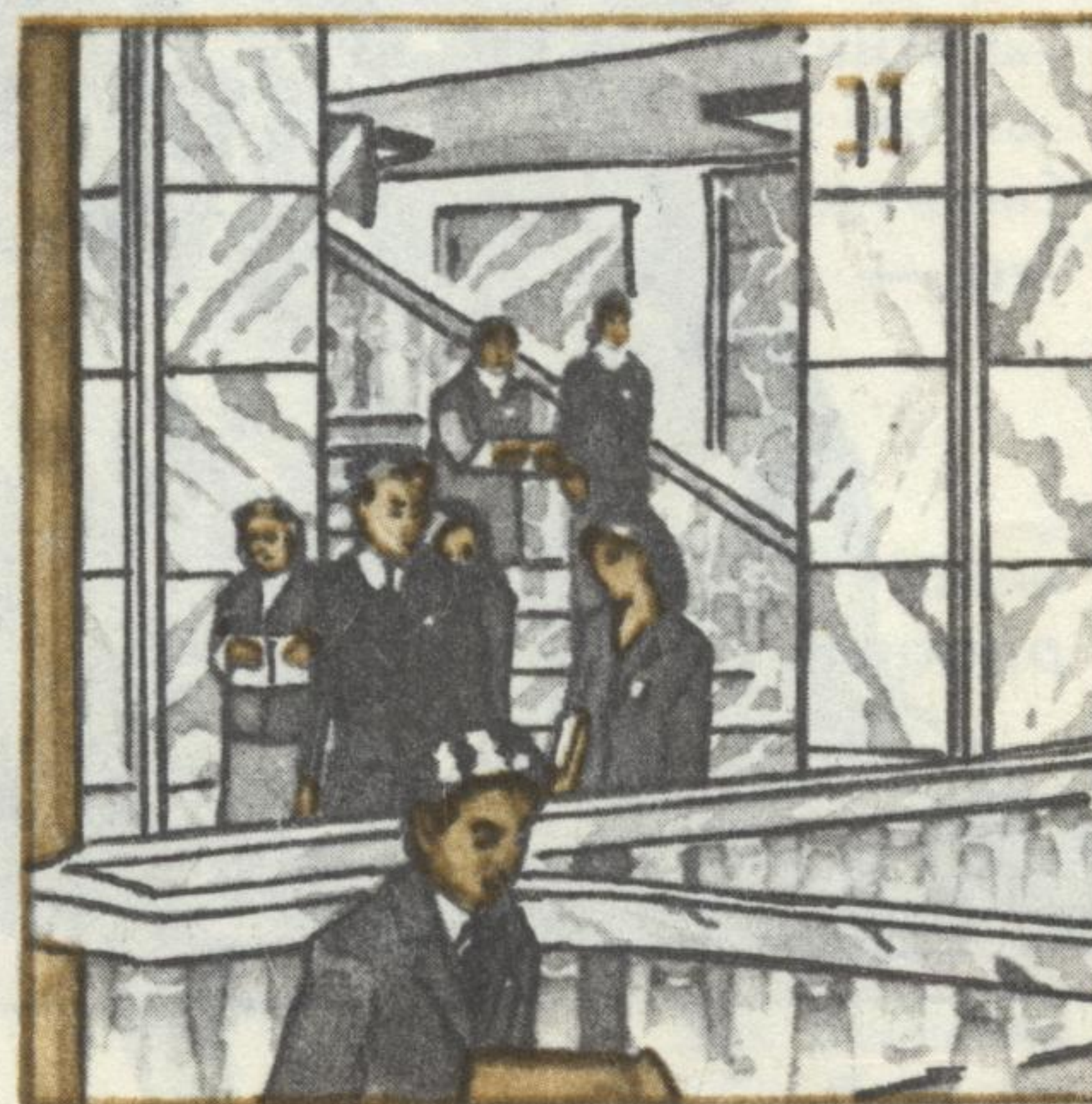
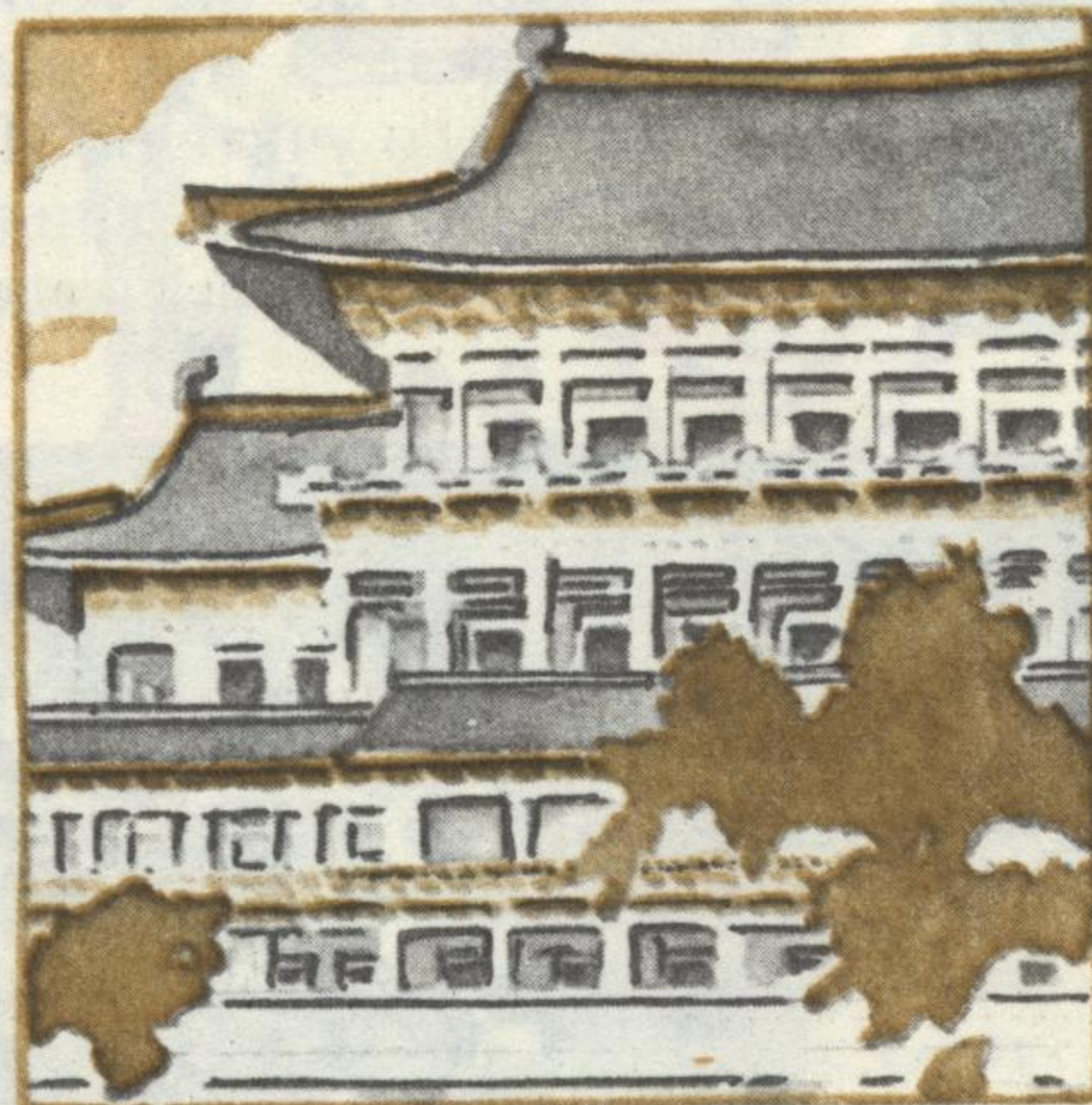
— Да, да, мы уже знаем, — отозвался я однажды.

— Правильно, правильно, знаете, — закивал он обрадованно.

Но в следующий раз, когда машина наша стремительно пробегала мимо Дворца, все-таки сказал снова:

— А это Народный Дворец учебы...

Может быть, он считал, что в моем возрасте люди уже на-

чинают страдать забывчивостью?

А через день мы наконец посетили и сам Дворец. Внутри он оказался не менее впечатляющим, чем снаружи. Отделанные мрамором полы и стены, сверкающие люстры, бесшумно бегущие эскалаторы... И самое главное: библиотека, располагающая миллионами томов, огромные читальные залы, автоматическая доставка книг, аудитории, в которых каждый может прослушать и просмотреть нужную ему лекцию, записанную на видеомagneфон, кабинеты для изучения иностранных языков, музыкальная фонотека с самой современной аппаратурой... Нам рассказали, что за день Дворец может принять двенадцать тысяч читателей и слушателей. А еще мы узнали, что построен этот Дворец был совсем недавно — в 1982 году и построен в поистине рекордный срок: за год и девять месяцев! Честное слово, здесь было чем восхищаться!

Однако следующим утром, когда наша машина свернула на центральную улицу и знакомый силуэт Дворца возник впереди, гид вдруг сказал снова:

— А это Народный Дворец учебы, Я здесь... — И тут он словно бы слегка споткнулся, взглянул на меня с застенчивой, как бы извиняющейся улыбкой и все же закончил:

— ...занимаюсь по воскресеньям.

И вдруг мне показалось, я понял, в чем дело. Я вдруг понял, что ему, этому парнишке, просто доставляет удовольствие лишний раз обратить наше внимание на это замечательное создание рук человеческих. А еще он, сын крестьян, обыкновенных сельских кооператоров, конечно же, гордится тем, что ходит сюда, в этот Дворец, в этот Храм науки, что занимается здесь, и он не в силах лишний раз не поделиться с нами этой своей гордостью.

Что ж, теперь я мог и понять и разделить эту его гордость!

Окончание следует

Веселый

Звонок

Составил и оформил Л. Каминский

Вживаясь
в образ

Иван Семенович, учитель географии, поводит пальцем по открытому журналу и сказал:

— Про Уральские горы нам расскажет Слава Антонов.

Слава встал, но к карте не пошел.

— В чем дело?— спросил учитель.— Мы ждем!

— Нечего мне рассказывать,— признался Слава.— Не выучил...

— Вот как?!— удивился Иван Семенович.— И по какой же причине?

— Да я бы выучил...— замялся Слава.— Я бы охотно выучил, но...

— Что — «но»?— не выдержал учитель.— побыстрее, пожалуйста!

— Дело в том, что я занимаюсь в драмкружке...

— А на уроки времени не хватает? Так, что ли?

— Нет, не в этом дело. Просто мне дали роль ученика, который абсолютно не знает географии. Вот я и вживаюсь в образ.

— Ах, вот оно что!— вскинул брови Иван Семенович.— Значит, ты в драмкружке занимаешься! Что же, очень приятно. Коллеги мы, значит. Ведь я сам в театральную студию хожу. И я охотно бы тебя простил, но... Понимаешь, какое дело — мне дали там, в студии, роль очень строгого учителя. И мне тоже надо вживаться в образ. Так что извини...

Учитель вздохнул и поставил Славе двойку.

Виктор ВЕРИЖНИКОВ

МЕЛ

По доске носился мел,
Словно угорелый,
Извивался, как умел
Ниточкою белой.
И устал он за урок —
Так ему досталось!
Возле тряпки мел прилег
Отдышаться малость.
А потом лежал в тоске,
Оттого, что снова
Коля Шишкин на доске
Написал:
«Карова».

Олег СЕРДОБОЛЬСКИЙ

карова

КОНКУРС

И все
"Засмеялись!"

Удобное место

— На прошлом уроке,— сказала учительница,— я просила каждого из вас описать свою комнату. Афанасьева, прочти свое сочинение!

Люда открыла тетрадь и прочла:

— Моя комната очень уютная. У стены стоит маленький диван, а на потолке — люстра. Я люблю сидеть в ней по вечерам...

И все засмеялись!

Света Калиниченко
и Лена Кожевникова,
Свердловск

Мы сидели за столом и пили чай. За окном, не переставая, шел дождь.

— Надо же,— сказала мама,— за эти два дня выпала месячная норма осадков!

Тут младшая сестренка Ира радостно закричала:

— Ура! Значит, теперь до конца месяца дождя не будет! И все засмеялись!

Катя Беляева,
6 класс,
Киев

Наш класс собирал металлолом. Мы с Женей тащили тяжелую металлическую трубу. Тут к нам подошел Саша и громко сказал:

— Эх вы, слабаки! А вот если бы здесь был мой папа, он бы эту трубу одной рукой поднял! Он у меня боксер по бегу!

И все засмеялись!

Вова Чебыкин,
7 класс,
Якутск

Вывернуся

Шел урок рисования.

— Сегодняшняя тема рисунка,— объявила Ирина Петровна,— «Я фантазирую». Каждый придумывает, что хочет.

Все принялись за дело, только Коля Грушин бесечно смотрел в окно.

— Коля,— сказала учительница,— а тебя задание не касается? Ты почему не рисуешь?

— Я альбом оставил,— ответил Коля.

— Где?

— Кажется, в метро.

— Что? — удивилась Ирина Петровна. — В нашем городе же нет метро!

— Я фантазирую! — ответил Грушин.

И все засмеялись!

Эля Видякина
и Люба Живаева,
Нижний Тагил

ИЗ НЕПОЛНОГО СОБРАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ СОЧИНЕНИЙ

Теплоход отоздал из-за неясной погоды.

Злоотрунная-белка быстро взобралась вниз.

Герасим привязал куртку на шею и поплыл.

Рабов заставляли вкалывать, а если они возникали, их наказывали.

Хлестаков остался в гостинице под названием "Трактир-тир."

Прислали: Сергей Шепелёв (г. Казань), НАТАША ПИВЕНЬ (г. Ижевск), НАТАША ТИМКИНА и АЛЁША ШЛЕПОВ (г. Владимир), Лена Беринг (пос. Актау), Люда Жабина (пос. Усть-Черная).

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Год издания — 31-й

Оформление
Л. МОСКОВСКОГО

В ГОСТЯХ У КАПИТАНА ЩЕТИНИНОЙ

В городе Владивостоке, на берегу бухты Золотой Рог живет первая советская женщина-капитан, Герой Социалистического Труда — Анна Ивановна Щетинина.

«Морская газета» вместе с пионерами из Всесоюзного пионерского лагеря ЦК ВЛКСМ «Океан» встретила с Анной Ивановной. О чем только не спрашивали капитана ребята! На каких кораблях вы плавали? Почему вы решили стать моряком? Кто были ваши родители? Тоже моряки? Участвовали ли вы в боевых действиях в годы войны? Какие качества воспитала в вас работа на флоте?

И на все вопросы Анна Ивановна отвечала. Капитаном была на многих судах. Моряком стала потому, что так решила в детстве, любила море и корабли. Отец мой был рыбак, это тоже что-то значило... В Великую Отечественную войну сражалась вместе со всеми... На пароходах в те годы — тоже стояли пушки и пулеметы... А работа моя на флоте воспитала во мне лучшие качества советского человека: стойкость, решительность, честность...

Рассказала Анна Ивановна и случаи из своей морской жизни...

На прощанье для «Морской газеты» Анна Ивановна сделала такую запись:

*Дорогие читатели "Морской газеты"
Большой привет Вам и нашим по-
мещикам. — Капитан дальнего плавания*

*19/IX-86
Владивосток*

Щетинина

Случилось это в 1943 году. Декабрь на Тихом океане — суровый месяц — штормы один за другим.

Анна Ивановна в то время командовала пароходом «Жан Жорес», перевозила военные грузы из США в СССР.

В тот рейс пароход шел из Владивостока в Портсмут. Шел в балласте, как говорят моряки, то есть пустой, без груза. Большие волны обрушивались на пароход, но «Жан Жорес» шел все вперед и вперед.

До пролива Акутан, где можно

укрыться от волн и ветра, оставалось миль двести...

И тут радист «Жана Жореса» принял СОС. «Пароход «Валерий Чкалов»... Широта... Долгота... Трещина в палубе... Немедленная помощь... Положение опасное... СОС! СОС!...»

Анна Ивановна склонилась над картой. Вот здесь гибнущее судно. Здесь ее «Жан Жорес»... Кто еще поблизости откликнулся на СОС? Вблизи был только танкер. Он тоже спешил на помощь... Сколько еще часов сможет выдержать «Чкалов»? Каждая

большая волна может переломить пароход надвое... Подошли. Танкер был с грузом, ему было легче буксировать «Чкалова». Но на танкере нет буксирного троса... Анна Ивановна решила: передадим трос на танкер, а сами пойдем рядом на всякий случай... На «Жане Жоресе» зарядили сигнальную пушку. Хлоп! Пушка выстрелила тонким крепким линем. Линь потянул трос потолще. К тросу привязали толстый и крепкий стальной канат — буксирный... Буксир закрепили на «Чкалове». И потащили...

А волны все выше, ветер все сильнее... Снег пошел. Правда, «Чкалов» держится. Час прошел, другой... Вроде бы все хорошо... Скоро и пролив Акутан... На минуту Анна Ивановна спустилась в свою каюту — согреться горячим чаем. И вдруг услышала звонки громкого боя. Тревога! Тревога! Вмиг Анна Ивановна была на мостике. И увидела ужасную картину: на волнах качается половина парохода... Разломился «Чкалов»! Носовую часть на буксире утащил танкер, а кормовая — со всеми людьми — вот она, беспомощная, накренившаяся на один борт...

Переборки водонепроницаемые затонуть половинкам парохода не дали, но сколько времени они выдержат удары волн? А волны так и поддают, так и метят в переборку, тараном бьют, с силой пушечного удара...

Анна Ивановна приказывает: «Просигнальте на «Чкалов» прожектором: «Есть ли раненые?» Прожектором с «Чкалова» отвечают: «Раненых нет. Механизмы работают. Держимся... Сколько выдержит переборка — неизвестно... Если можете — возьмите на буксир и тащите нас против ветра...»

Взять на буксир... А буксирный-то трос на танкере... Правда, есть еще толстый манильский канат... Может быть, выдержит? Не целый ведь пароход тащить, половину... Снова Анна Ивановна приказывает зарядить сигнальную пушку. Выстрелили... Неудача: лить пролетел мимо... Развернулись. Снова зарядили сигнальную пушку. Подошли... Прицелились.

Но волна накренила «Жана Жореса» и снова лить пролетел мимо... Что делать? Последний заряд остался... Развернулся «Жан Жорес». Анне Ивановне кажется: руками бы своими она перенесла лить на гибнущего «Чкалова»... Снова заряжена пушка. Анна Ивановна решила: рискнем, как можно ближе подойдем и тогда — стреляем. Только наверняка... Ближе, еще ближе... Видны люди, видны освещенные окна кают... И странно, необычно видеть одну лишь качающуюся половинку парохода... Только бы не промахнуться... Лить белой сверкающей молнией летит на «Чкалов». Ура! Попали. Там уже выбирают лить, вытягивают толстый манильский трос... Теперь только бы трос выдержал...

Трос выдержал... Так «Жан Жорес» спас людей и половину парохода «Валерий Чкалов».

А другую половину на буксире привел в порт танкер...

Моя мама

Моя мама работает бортпроводницей на теплоходе «Советская Калмыкия». Ее теплоход плавает на Каспийском море. Профессия у мамы и не очень тяжелая, но и не очень легкая. Ей нужно стелить постели пассажирам, убирать каюты, наводить чистоту. Все знают, что море без шторма не бывает. И вот когда идет шторм, экипажу приходится работать несмотря ни на что. Мама бывает в рейсах целые месяцы и когда она приезжает, я обо всем ее расспрашиваю. И всегда мама привозит мне какой-нибудь подарок. Я очень люблю дни, когда мама бывает дома. Но когда приходит время уезжать, то мы прощаемся очень долго. Мне нравится мамина профессия, она всегда видит море...

Оксана Гулая,
пионерский лагерь
«Океан», отряд «Парус»

КАК ЧЕЛОВЕК ОПУСТИЛСЯ ПОД ВОДУ

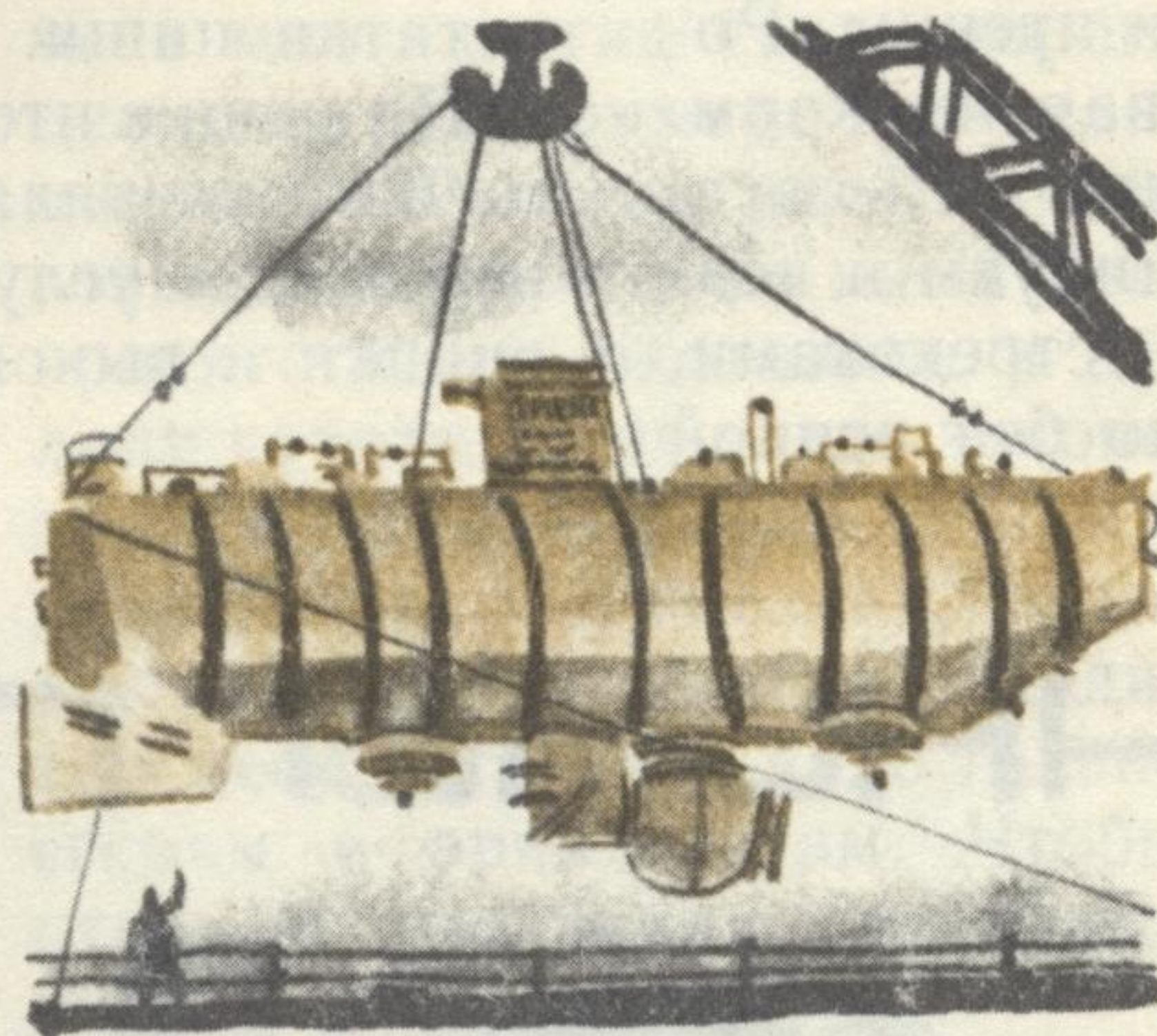
/рассказ & картинках/

11. В наши дни придуманы сверхпрочные сплавы. Из них стали делать

* Начало смотри в «Костре» №№ 1, 2.

подводные лодки для больших глубин. «Оса-3-600» — сконструирована в СССР. Она может погружаться на сотни метров.

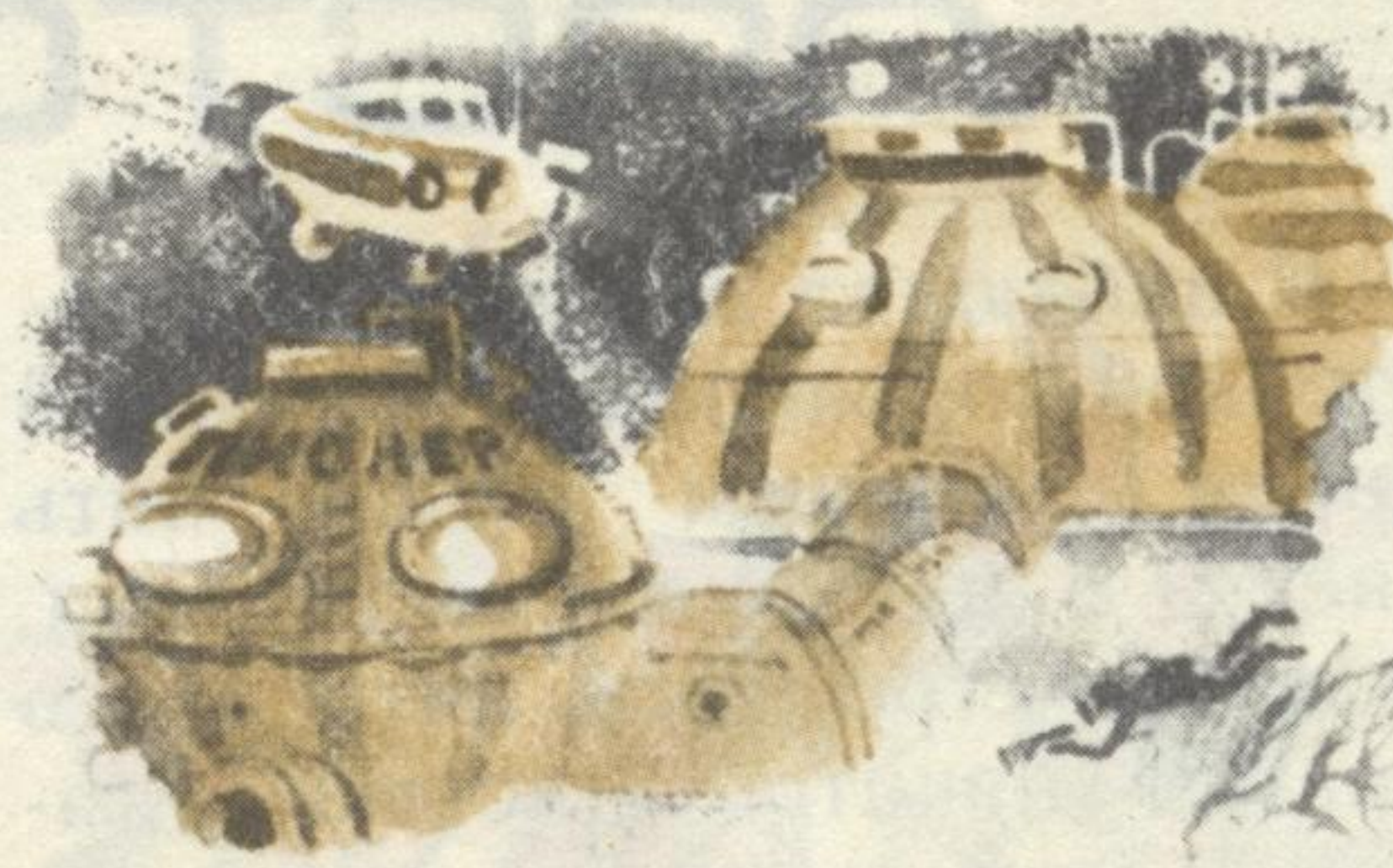
12. Рекордсмен глубин — батискаф «Триест». Его изобрел ученый Огюст Пикар.

«Триест» опустился на глубину девять километров!

13. Все больше тайн океана узнает человек. Под водой сейчас работают и археологи, и историки, и геологи, и

даже... земледельцы. Редкие минералы, энергия течений, пища для миллионов людей — все эти богатства хранит океан.

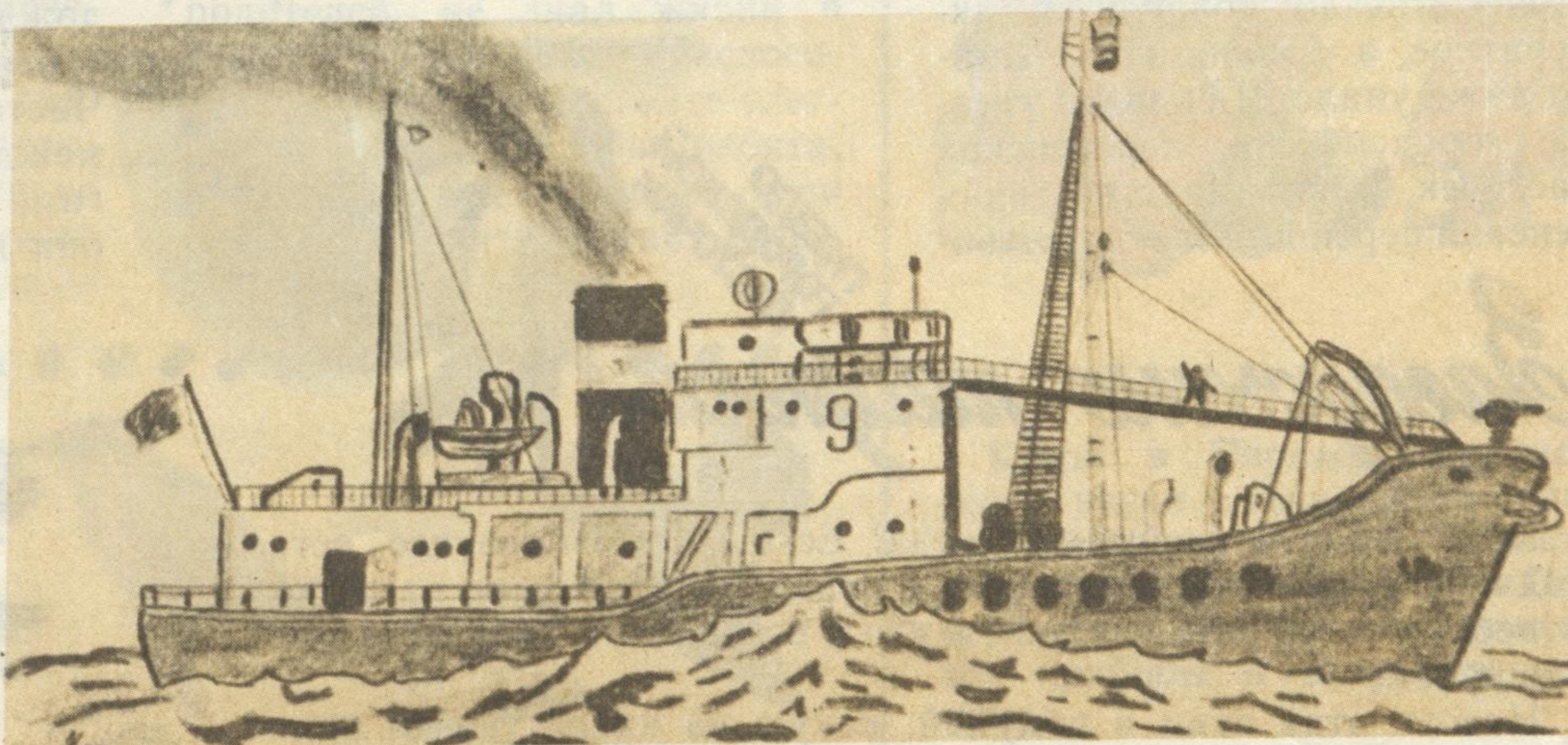

14. А конструкторы проектируют уже настоящие подводные города, где сотни тысяч людей смогут свободно жить и работать.

ВЫСТАВКА
ПИНГВИНА

КОРАБЛЬ
Володя Комаров,
11 лет

СТРАНИЦЫ

ЗЕЛЕНЬЕ

Оформление Т. Панкевич

МАРТ

Март — утро года. В тени еще зима, а на солнце уже весенняя капель, первые проталины. В лесу забарабанил дятел, стрекочут сороки, заливается овсянка. Глядишь, и ворониха уже сидит под лапником в гнезде на яйцах. А на подтаявшем южном склоне насыпи можно увидеть желтую мать-и-мачеху...

А еще март — это месяц больших перелетов птиц. О птицах и тех, кто их изучает, — этот выпуск «Зеленых страниц».

Юннаты ленинградского Дворца пионеров им. А. А. Жданова побывали минувшим летом в экспедиции в бухте Окунева на берегу Финского залива. Вот что они рассказали.

Большой пестрый дятел

Мы наблюдали за гнездом большого пестрого дятла. Напрасно думают, что дятлы портят здоровые деревья. Мы заметили, что дятлы устраивают свои гнезда в лиственных деревьях с мягкой древесиной, причем выбирают старые, трухлявые и больные. У наших дятлов уже были птенцы. Родители целый день трудились, добывая им корм. Их день начинался в 5 утра и кончался в 23 часа. Дятлы вылетали через каждые три минуты и возвращались с добычей — жуками, стрекозами, мухами, гусеницами. Гнездо устроено без всякой

подстилки, без травы, и птенцы сидят в дупле на голой древесине. Но природа позаботилась: у маленьких птенцов уже есть на лапках мозоли.

Дятлы, оказывается, очень чистоплотны: вечером самец чистил гнездо, выбрасывал помет и остатки пищи.

На ночь с птенцами оставался тоже самец, а самочка отлетала. Мы видели «кузницу» дятла — небольшое углубление в коре, куда он заталкивает шишки и выковыривает из них семена.

Кира Степанова,
Оля Куроедова

Ласточкины гнезда

Я наблюдал за городской ласточкой-воронком. Под крышей сарая ласточки свили пять гнезд. В двух уже были яйца, еще два строились, пятое было только начато. Ласточки таскали глину и песок, эту массу они замешивали на своей слюне и лепили гнезда. На дно гнезда стлали траву, обрывки веревок. У опытной пары ласточек гнездо получается аккуратное, а у молодых — гнездо даже упало. Я сравнил гнезда городских и деревенских ласточек. Оказывается, деревенская переплетает его листья-

Гнездо деревенской ласточки

Гнездо городской ласточки

ми, и гнездо выглядит лохматым. И лепит она его к стене, а городская ласточка-воронек — под крышей. В гнезде у воронков на подстилке я заметил множество мелких бурых жучков. А питались ласточки комарами, вылетали в 4 утра, ложились в полночь. Нас удивляло, что ласточки летали при любой погоде, в ненастье, в дождь. Напугала их только гроза, из-за сотрясений сарая. Часто наблюдали потасовки между ласточками, но с другими птицами этой местности они жили дружно.

Артем Смирнов

Загадочные рисунки

Каких только не бывает гнезд! Есть гнездо плавучее, есть ходячее, одни в дуплах, другие в норках, кто гамачок на ветки повесит, кто в траве спрячет, а кто и вовсе без гнезда яйца высиживает.

Назови этих птиц и подумай, какую на какое гнездо надо пересадить.

Ваши вопросы - наши ответы

Дорогие «Зеленые страницы». Пишет вам Зуев Миша из г. Белозерска Вологодской области. Я очень люблю птиц. Однажды я нашел гнездо в траве на поляне, я его не трогал, а просто следил за птицей. Она уже отложила яйца. Но потом я увидел там следы разбоя. Кто-то забрал яйца, и птица там больше не появилась. Я даже не успел ее хорошенько рассмотреть. Может, гнездо разорили приезжие мальчишки из лагеря, которым я о нем рассказал.

Дорогая редакция! Очень прошу, срочно ответьте, правильно ли я сделала? Я нашла чибисенка и взяла домой. Он был такой беспомощный...

Бурых Оля,
Пермская обл.

На эти письма «Зеленые страницы» попросили ответить орнитолога, заведующего сектором птиц ленинградского Зоопарка Олега Петровича Смирнова. Вот что он рассказал.

Держать в Тайне

Вы, наверное, знаете, ребята, что многие птицы сейчас занесены в Красную книгу. Без колебаний включили ученые в Красную книгу СССР и беркута, настолько редкой птицей он стал. Так вот. На одной конференции орнитологов выступали финские ученые. Они сообщили, что у них в стране все гнезда беркута взяты под контроль, все беркуты окольцованы, но где находятся сами гнезда, они не скажут, это их тайна...

Беркут стал дорогой птицей,

а любителей наживы, которые ловят и продают птиц за большие деньги, еще хватает. И чучела многих птиц стали дорого цениться. Например, во Франции и ФРГ очень редки стали совы, потому что за ними беспрепятственно охотились и делали чучела. И не везде законы против браконьерства спасают редкий вид. О гнездах, которые вы, ребята, иногда находите в лесу, сообщать надо только егерям и орнитологам. Чтобы птиц не тревожили случайные люди.

ПРО ХОДУНЧИКОВ

Минувшим летом к нам в зоопарк принесли пять птенцов сов. И невдомек было этим «горе-спасителям», что соенок просто выходит из гнезда, еще не умея летать, и ждет. Вечером родители его находят, кормят. Этим «ходунчиков» спасать не надо. Они не потерялись, они у себя дома. Птенцы, которых взяли домой, часто погибают от неправильного

ухода. И даже, если такого птенца потом выпустить на волю, он окажется беспомощным и погибнет. Ведь он не успел получить «воспитание» у своих родителей, не знал жизни в природе и не сможет приспособиться к ней. Не трогайте слетков и ходунчиков. Вы, ребята, больше поможете птицам, если будете создавать для них «зоны покоя».

Когда в Париже открылся музей науки и техники, то больше всего посетителей удивили таблички: «Трогать руками!» Посетители в нем могли включать все приборы и запускать машины.

Рисунок
М. Беломлинского

2

КАК МЫ ВОСПИТЫВАЛИ МАРТЫНОВА

ФЕЛЬЕТОН

Владимир ЧИСТЯКОВ

Один раз весь наш четвертый «б» собирал макулатуру. Все принесли в школу старые газеты и журналы. Только Мартынов не принес, потому что ему неохота было такой ерундой заниматься. Он просто пошел в наш подшефный первый «б» и сказал, чтобы завтра все ему макулатуру принесли. Кто принесет, тому ничего не будет.

И некоторые первоклашки принесли макулатуру. И им ничего не было. А тем, кто не принес, Мартынов давал щелбаны.

Мой подшефный первоклассник Вова даже заплакал. Его любимая овчарка Герта накануне поранила лапу, и он ее целый вечер лечил. Потому и не успел макулатуру приготовить.

Первоклассник Вова и рассказал мне про Мартынова.

Я пошел к Мартынову и сказал, что пионеру стыдно обижать маленьких. Тогда Мартынов и мне дал щелбана.

Я пошел к нашему звеньевому Гене Дорошенко и сказал, что следует повлиять на Мартынова. Дорошенко пошел к Мартынову и сказал, что наше звено осуждает его поведение и требует, чтобы он извинился. Тогда Мартынов дал нашему звеньевому щелбана и сказал, чтобы все остальные тоже приходили, он и им даст.

Гена пошел к члену совета дружины Грише Пундику, который одновременно подтягивает Мартынова по математике. Пундик все понял и сказал Мартынову, что тот не имеет права противопоставлять себя коллективу. Мартынов сказал, что не тронет Пундика, потому что тот дает ему списывать контрольные работы, но если Пундик еще раз вспомнит про коллектив, то все же заработает на орехи.

Тогда Пундик пошел к председателю совета отряда Кате Ножкиной и все про Мартынова рассказал. Катя сразу собрала совет отряда, а Мартынову сказала, чтобы он остался после уроков. Но Мартынов сказал, что и не подумает оставаться после уроков, а если его попробуют оставить, то накустыляет всему совету отряда во главе с Катей, несмотря на то, что она девочка.

Тогда Катя пошла к старшей пионерской вожатой Ларисе Васильевне. Но Лариса Васильевна сказала, что перевоспитание члена отряда — это первоочередная задача самого отряда и что нужно дать кому-нибудь пионерское поручение взять шефство над Мартыновым.

Тогда Катя дала пионерское поручение перевоспитать Мартынова Грише Пундику. Но Пундик сказал, что у него и без этого есть поручение подтягивать Мартынова по математике. И как член совета дружины дал поручение перевоспитать Мартынова Гене Дорошенко.

Дорошенко сказал, что выполняет ответственное поручение звеньевому нашего звена, и передоверил дело воспитания Мартынова мне.

Тогда я тоже вспомнил, что у меня есть пионерское поручение вожатого октябрят. Я пошел к своему подшефному октябренку Вове и поручил ему перевоспитать Мартынова.

И когда в следующий раз Мартынов снова собирался раздавать первоклассникам щелбаны, Вова привел свою любимую овчарку Герту. И Герта, которая на самом деле очень добрая и послушная собака, но не любит хулиганов, ухватила Мартынова за штаны.

С тех пор Мартынов больше не дерется.

Так мы с честью выполнили ответственное пионерское поручение.

Рисунки Е. Жаворонкова

ЧЕМПИОНАТ — 3-й ТУР

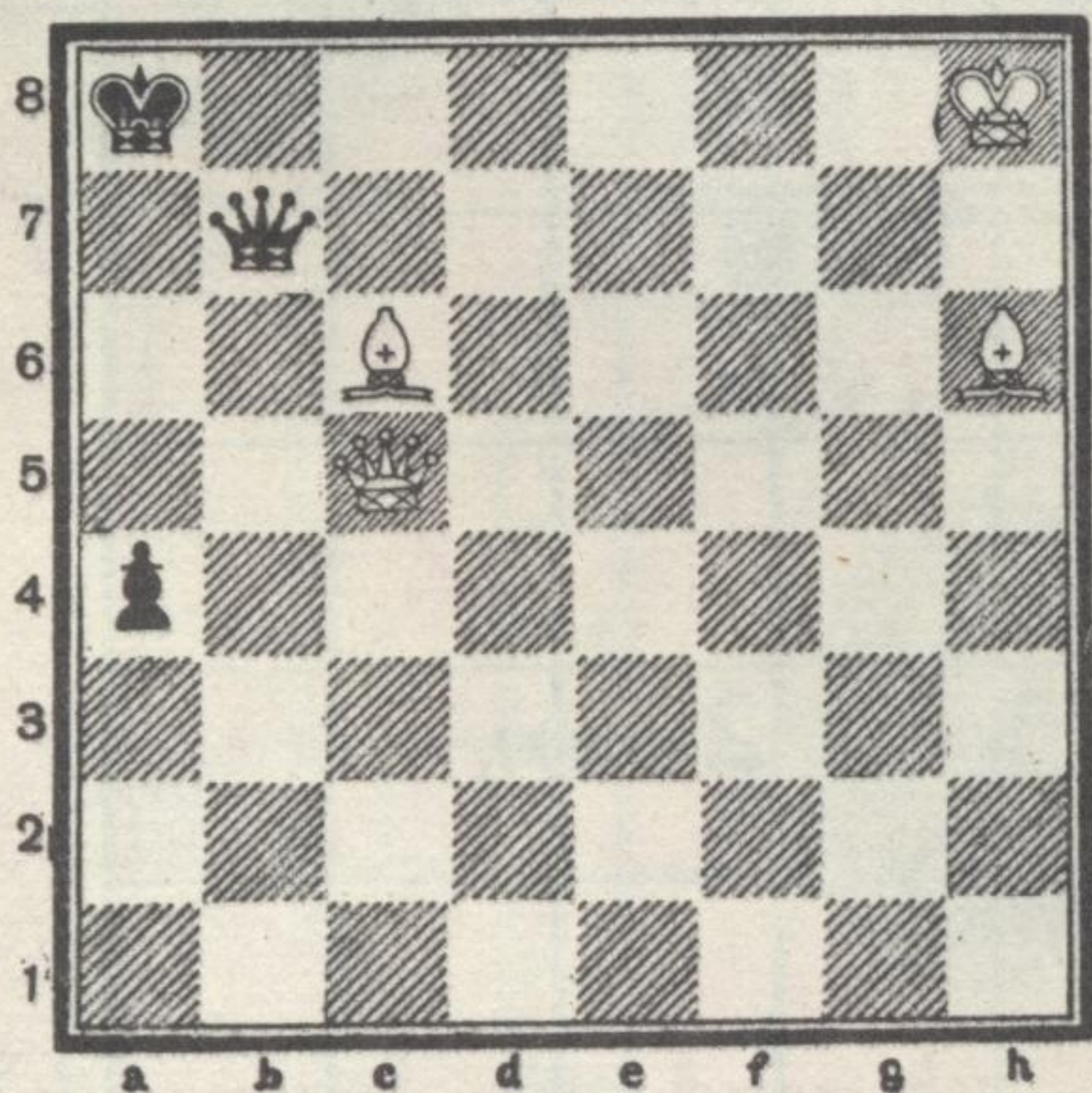
Борьба в чемпионате АРЧЕБЕКА разгорается. Какие боевые задания ждут разведчиков в сегодняшнем туре? **ШАХМАТЫ.**

А. Белые: Kpd2, Фh5, Са2, Cf4; черные: Кре4, пп. d6, f6.

Б. Белые: Kpb3, Kb4, Ке4, п. a7; черные: Kpb5, пп. b6, b7.

Цель разведки. Доказать, что в А (Олег Шалыгин, Первомайск) мат черному королю дается в два хода, а в Б (Л. Куббель) — в три.

Разъяснение обстановки. На диаграмме — задача (Николай Зиновьев, Усть-Каменогорск) на мат в три хода. Смотри, как она решается и как следует писать решение.

1. Cg2! (с угрозой 2. Фс8+ Кра7 3. Ф:b7X). И теперь — если 1... Ф:g2, то 2. Фс8+ и 3. Се3X; если 1... Фе4, то 2. С:e4+ и 3. Cf4X; если 1... Фс6, то 2. Ф:c6+ и 3. Фb7X; если 1... Kpb8, то 2. Cf4+ и при 2... Фс7 — 3. Ф:c7X, а при 2... Кра8 — 3. Фа5X.

Обрати внимание на то, что к решению ведет только 1. Cg2!. Другие же ходы слоном (Cd5, или Се4, или Cf3) не годятся, так как тогда у черных найдется защита.

И еще: в решениях трехходовых за-

дач не обязательно приводить все три хода белых. Достаточно указать их первый ход, разные ответы черных и соответствующие вторые ходы белых.

РУССКИЕ ШАШКИ.

А. Белые: a5, c1, c3, e1, e3, f2, f4; черные: a3, c5, c7, e7, g3, h2, h6.

Б. Белые: a3, b2, c1, g1, g5, h2, h6; черные: d4, d6, e3, e7, f2, f8.

Цель разведки. Выяснить, как белые могут и в А и в Б (автор обеих позиций Н. Торопов) одержать победу.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ШАШКИ.

А. Белые: 38, 39, 40, 41, 43, 47, 49; черные: 22, 23, 28, 31, 35, 36.

Б. Белые: 29, 32, 35, 37, 43, 44; черные: 9, 10, 18, 20, 23, 40.

Цель разведки. И в А и в Б найти путь белых к выигрышу.

Разъяснение обстановки. При выполнении этих боевых заданий придется применять отличительные правила МШ. О них написано в «Костре» № 2.

ЗАДАНИЕ РЕЗЕРВУ

Расставь положение **а** — белые: Kpd6, Ле4; черные: Kрс8. Сумеешь ты объявить черному королю мат в два хода? Теперь расставь **б** — белые: Kpd6, Ле4; черные: Kpd8. А здесь сумеешь?

НАГРАДНОЙ ОТДЕЛ АРЧЕБЕКА

Вот решения, принесшие награды в конкурсе «Первый шаг» в «Костре» № 9, 1986.

№ 1 — 1. c5! 2. a3X. № 2 — 1. cd6! 2. d6X. № 3 — 1. dc5! 2. e5 3. d6X. № 4 — 1. g7! d2 2. c3! 3. b8 b6 4. a7X. № 5 — 1. cd2! b2 2. g5 и 3. e3X, или 1... b4 2. c3X, или 1... g5 2. f6 b2 3. c3 и 4. g7X.

Награждаются разведчики: за № 1 — Женя Бараниченко (Медногорск), за № 2 — В. Леонтьев (Павлоград), за № 3 — Оля Гулидова (Витебск), за № 4 — Диана Гасимова (Баку), за № 5 — Павел и Дима Гришины (Свердловск), за №№ 1—5 — Галя Исаченко (Бахчисарай).

Всем другим выполнившим задания

разведчикам шахмат-адмирал Ферзьбери объявляет благодарность!

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Сюда приглашается каждый, кто хочет проверить свое решение. Если твой ответ совпадает с напечатанным, то очки за него начислены, если нет, то поищи в нем ошибку; если же найти ее тебе не удастся — напиши отдельную открытку «Вопрос Пешко-едову».

Заведи «Листок учета» и вноси в него по 5 очков за каждую верно решенную задачу Чемпионата. Этот «Листок учета» ты должен будешь отправить по требованию шахмат-адмирала в АРЧЕБЕК.

Задачи в «Костре» № 1 решаются так:

Чемпионат. ШХМ. А. 1. Kpf2. Теперь грозит 2. Ке3X. Если, защищаясь от этого, черные ответят 1... Л:c2, то 2. Фh1X, а если — ответят 1... К:c2, то 2. Фf3X. **Б.** 1. Cg8! Угрозы черным нет, но любой их ход лишь ухудшает их положение и позволяет белым объявить мат: если 1... Се6, то 2. С:e6X, а если 1... С:g8, то 2. hgCX — пешка побила слона и превратилась в слона (или в ферзя).

РШ. А. 1. c5! 2. b4!X. **Б.** 1. e5 h6 2. g5X.

МШ. А. 1. 34—29! 2. 42!X. **Б.** 1. 50—44! 2. 48—43X.

Проходящим подготовку в Отряде резерва и пославшим верные позиции (с шахом, с матом, с патом) начислено 5 очков.

ПРИКАЗ № 3

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКом, приказываю:

§ 1. Отправить рапорты о разведке в течение двух недель со дня получения журнала.

§ 2. В рапорте писать только о боевых заданиях Чемпионата, а обо всем другом — в отдельном письме.

§ 3. В левом верхнем углу указать номер тура и свой пароль.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

СОВЕТЫ МАШИ ИСКУСНИЦЫ

Нетрудное дело — накрыть праздничный стол. Но есть здесь свои тонкости. Я РАССКАЖУ ВАМ ПРО СЕРВИРОВКУ СТОЛА, а заодно отвечу на вопросы **Нины Ковдель** (Омск), **Вали Савушкиной** и **Тани Раздоевой** (Ярвое, Алтайский кр.) о том, как вести себя за столом. Их интересует, в каких случаях надо пользоваться вилок и ножом, брать хлеб рукой или вилок и т. д.

Посмотрите, как я накрыла обеденный стол. Ложка и вилка лежат выпуклостью вниз (использованные кладут в тарелку). На столе должны быть: соль, горчица, перец. Хлеб — нарезан. Его предлагают на тарелке, а берут рукой, не вилок. (Рукой можно брать фрукты, пирожки, но не выбирать, перекладывая). Для салатов и других закусок, которые лежат в салатнице, нужны специальные ложки. Своей ложкой или вилок брать их не следует. Для масла должен быть нож. Если подаются консервы в банках, они стоят на тарелочках.

Ложкой не ешьте то, что можно есть вилок: яичницу, омлет, гарниры, овощи. Ножом не режут рыбу, котлеты, тефтели, овощи, паштет, запеканку, яичницу. Их едят вилок. Жаркое, сардельки, сосиски — режут, держа нож в правой, а вилок в левой руке. Кусок мяса нарезают не сразу, а постепенно, едят по кусочку, нож при этом не кладут. Никогда не ешьте с ножа.

Трудно есть вилок и ножом? Тренируйтесь дома. Если у вас это войдет в привычку, в гостях вы будете свободно себя чувствовать. Попробуйте дома научиться есть рыбу и курицу вилок, помогая себе ножом. А теперь обратите внимание, как вы сидите за столом. Сидеть нужно прямо и свободно, не класть локти на стол. Забываете про локти? Они сами лезут на стол? Во время еды положите под мышки по небольшой книге. Тренируйтесь до тех пор, пока локти не привыкнут к правильному положению.

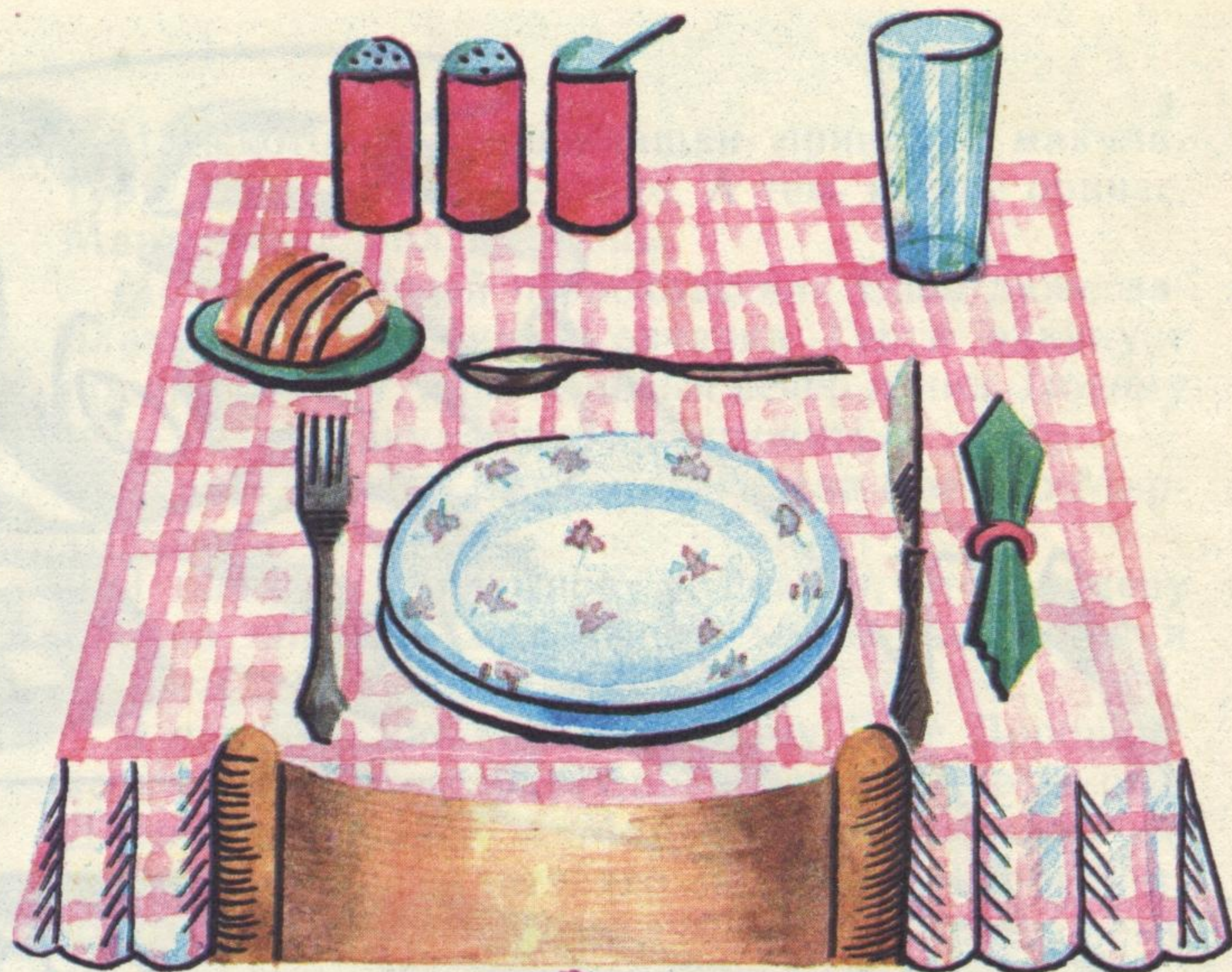
«Как обметать петлю?» — спрашивают Женя Резник и Оля Хоменко из Краснодарского края. Я расскажу вам об этом в следующем номере. А вы за месяц попробуйте хорошенько ОВЛАДЕТЬ ПЕТЕЛЬНЫМ ШВОМ. Даю вам задание.

ПЕНАЛ и ИГРУШКА для малыша сделаны по одному принципу. Материал для пенала — кусок старой кожи или кожзаменителя. Выкроив изделие, обшейте его по краю петельным швом, сложите и шейте по бокам той же ниткой. Игрушка — из картона, на который наклеена яркая, веселая ткань. Обработайте петельным швом все детали. Следите, чтобы проколы для стежков были на равном расстоянии, а узелок затягивался на краю материала. А теперь соберите детали игрушки и шейте их, прихватывая петельки.

Для наклеивания ткани на ткань, картон, бумагу пользуйтесь крахмальным или мучным клейстером. Когда вы будете наклеивать для игрушки ткань на картон, она промокнет. Высохнув — разгладится, пятен на ней не будет. Вспомните про клейстер, если вам срочно нужен клей, а его нет дома. Но учтите: на цветной глянцевой или тисненой бумаге он может испортить краску.

КРАХМАЛЬНЫЙ КЛЕЙСТЕР. Картофельную муку (крахмал) залейте небольшим количеством воды и размешивайте до сметанообразного состояния. Струйкой вливайте крутой кипяток, помешивая, чтобы не было комков. Станет клейстер прозрачным, студенистым — готов!

МУЧНОЙ КЛЕЙСТЕР. Муку, помешивая, засыпайте в кипящую воду и выдерживайте на слабом огне, пока она не заварится. Употребляйте клейстер в теплом виде.

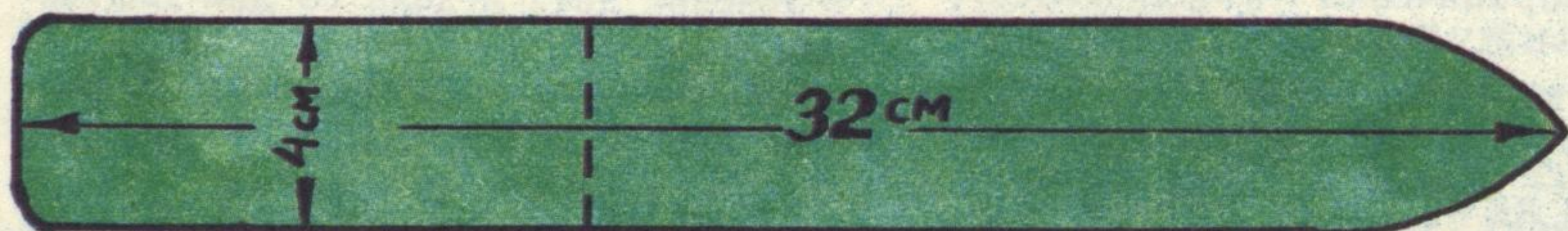
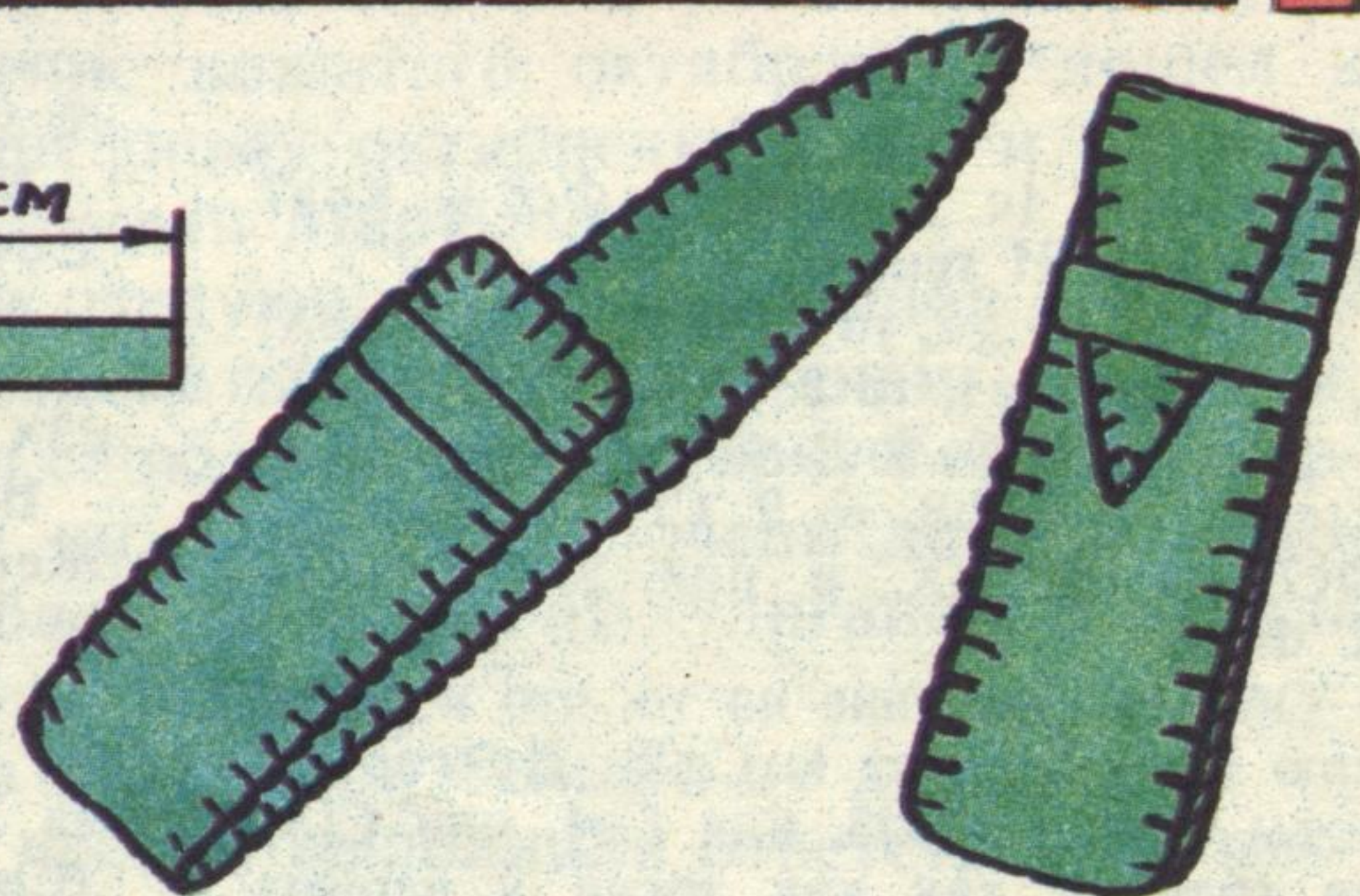
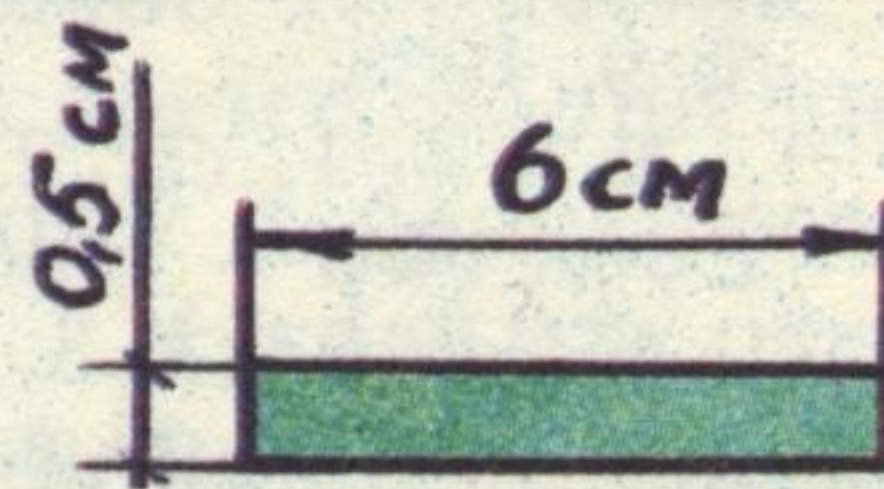
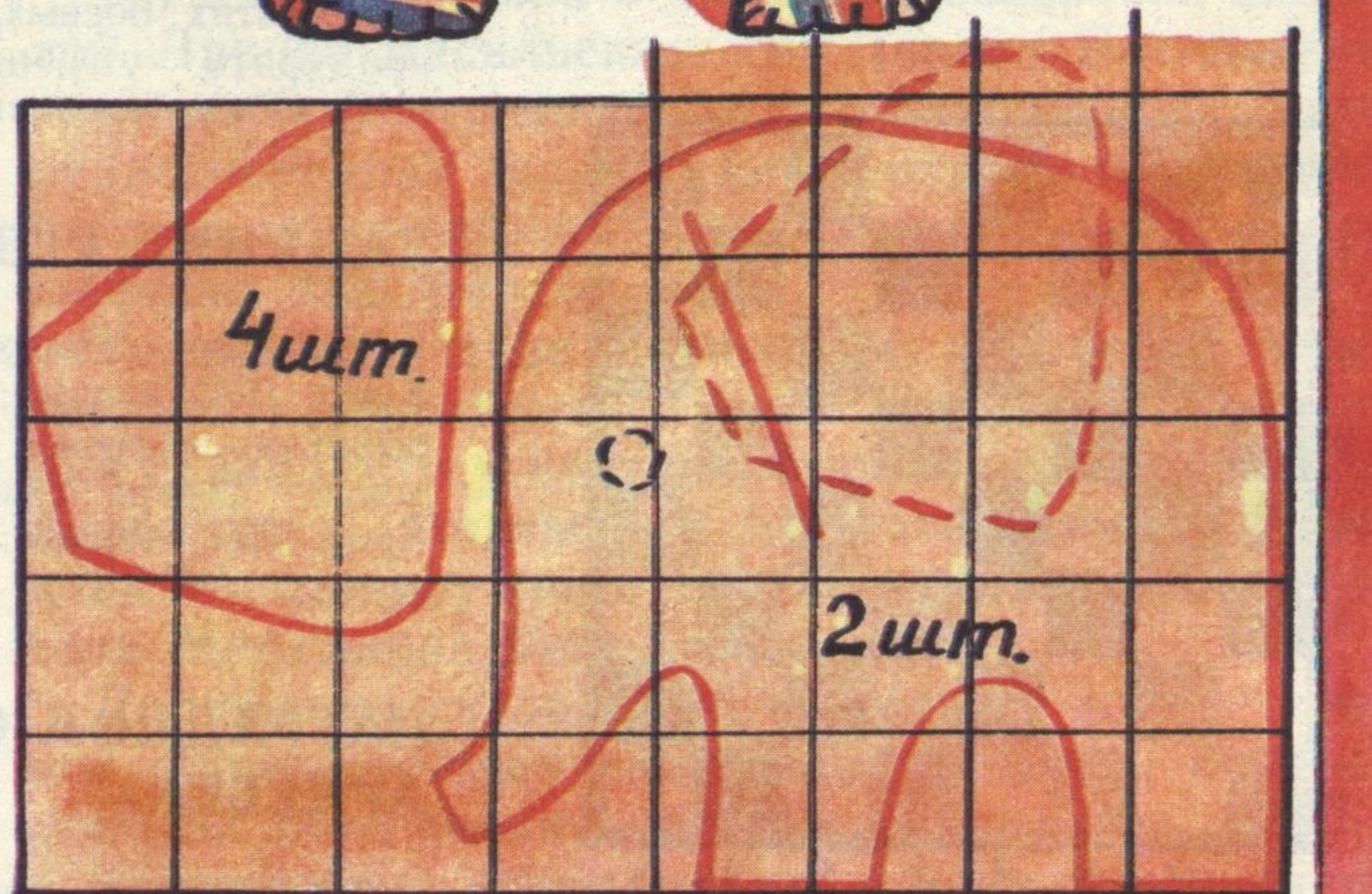

петельный шов

длину измерить

1 шт.

КОНКУРС! КОНКУРС! КОНКУРС!

Профессор Синицын отправляется в путешествие

— Хватит сидеть на одном месте! — сказал себе профессор Синицын, — пора отправляться в путешествие. На поиски новых тайн и головоломок. О всех загадках, которые встретятся на моем пути, буду немедленно сообщать в Клуб «За семью печатями».

Итак, до встречи, любители головоломок! Надеюсь, к моему приезду вы решите старинную задачу про царя и узника.

ЗА СЕМЬЮ ПЕЧАТЯМИ

Оформление А. Януса

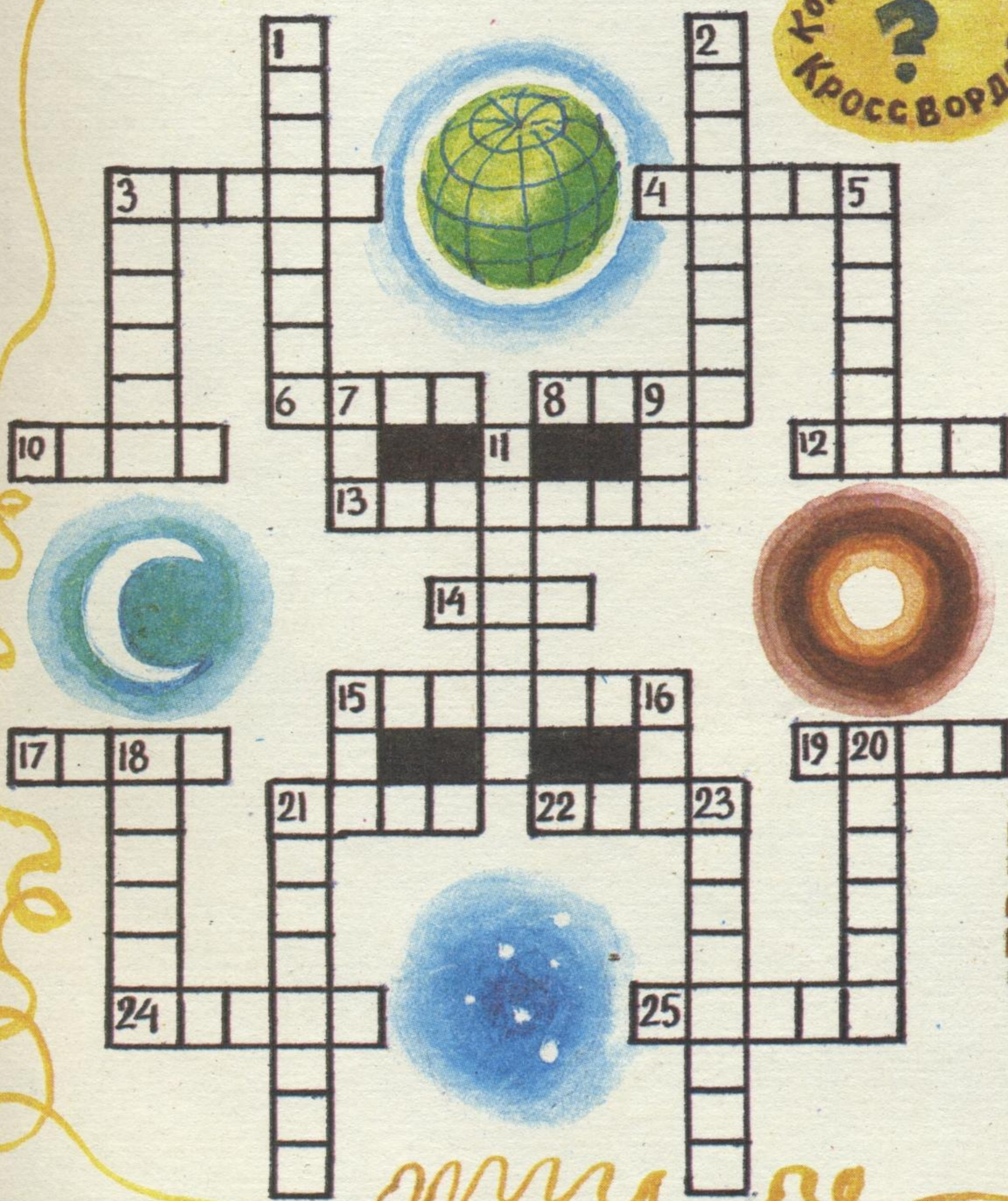
ЦАРЬ И УЗНИК

Узнику пришел срок выходить из темницы, но царь не хотел его выпустить и предложил ему тянуть жребий.

— Здесь два листка, — сказал он узнику, — на одном написано «свобода», на другом — «неволя». Какой листок вытащишь, такова будет твоя судьба.

Узник догадался, что коварный царь на обоих листках написал «неволя». И все же ему удалось выйти на свободу.

Каким образом? (10 очков).

Географический кроссворд прислал нам шестиклассник Павел Сорокин из п. Новый Московский области.

По горизонтали: 3. Сиденье в лодке. 4. Положение солнца над головой. 6. Река на Дальнем Востоке. 8. Созвездие с названием старинного музыкального инструмента. 10. Государство в Африке. 12. Атмосферные осадки. 13. Город на Волге. 14. Река в Ростовской области. 15. Остров в Охотском море. 17. Приток Волги. 19. Столица Йеменской Арабской Республики. 21. Город в Сибири. 22. Столица Норвегии. 24. Город в Китае. 25. Город в Японии.

По вертикали: 1. Самая большая змея мира. 2. Пролив, отделяющий Сахалин от Японии. 3. Известный путешественник. 5. Столица союзной республики. 7. Вид полуострова. 9. Искусственная форма рельефа. 11. Город на побережье Охотского моря. 15. Речная рыба. 16. Река в Египте. 18. Город в Пакистане. 20. Столица Турции. 21. Город на Урале. 23. Озеро в СССР.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ №2

Недоумение профессора Синицына. Этот день — воскресенье.

Конкурс кроссвордов. По горизонтали: 5. Бегемот. 6. Кабарга. 8. Каракал. 12. Рак. 13. Манул. 16. Кайра. 17. Горал. 21. Белка. 22. Кит. 23. Кожан. 26. Соловей. 27. Меринос. 28. Аурелия. По вертикали: 1. Ленивец. 2. Толай. 3. Марал. 4. Югиппус. 7. Шакал. 9. Гагарка. 10. Кашалот. 14. Ара. 15. Сом. 18. Перепел. 19. Хирот. 20. Капуцин. 24. Полоз. 25. Ревун.

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:

Л. А. БОГАЧУК, В. М. ВЕРХОВСКИЙ, Ю. Н. ЗАРУДНЕВ (зам. главного редактора), О. П. ОРЛОВ, А. И. ПАНТЕЛЕЕВ, Р. П. ПОГОДИН, Е. В. СЕРОВА, Н. И. СЛАДКОВ, А. Я. ТОЛСТИКОВ (отв. секретарь), Г. П. ЧЕРНЫЙ, Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор А. Н. АЗЕМША

Технический редактор В. И. МЕЦАТУНОВА

Корректор Д. Г. ЛАЗДАН

Адрес редакции: 193024, Ленинград, ул. Мытнинская, 1/20, телефон: 274-15-72

М-26010. Сдано в набор 05.11.86. Подписано к печати 19.01.87. Формат 60×90¹/₈. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 8,0. Печать офсетная. Тираж 1 160 000 экз. Заказ 1877. Цена 30 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, ул. Мира, 3.

1. Какое чудодейственное лекарственное растение растет в этих лесах на территории СССР?
2. Среди растений, привезенных в Европу матросами Колумба, был всем известный сейчас...
3. В каких странах народы издавна так выращивали свою основную еду?
4. Что получают люди от этой пальмы?
5. На каких островах в нашей стране растет бамбук?